

Новосибирское региональное
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 18-19

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2014

ББК 94.3

П-914 Пушкинский альманах. Выпуск 18–19 /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2014. – 312 стр.

ISBN

18–19-й выпуск «Пушкинского альманаха» посвящен связям А.С. Пушкина со странами зарубежья в прошлом и настоящим.

© Составление: правление
Пушкинского общества, 2014
© Издательство «Манускрипт», 2014

Пушкин и зарубежье

Мстислав Цявловский

Тоска по чужбине у Пушкина*

«С детских лет путешествия были моею любимую мечтою», – говорит Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

5 апреля 1823 г. из Кишинева он пишет П. А. Вяземскому: «Говорят, что Чедаев едет за границу – давно бы так; но мне его жаль из эгоизма – любимая моя надежда была с ним путешествовать – теперь бог знает, когда свидимся». Перед этим Пушкин делал попытки вырваться из своей ссылки хотя бы в Петербург, куда он просился в отпуск месяца на два, на три, но получил отказ, ясно показывавший, что легальным путем он ничего не добьется**. Поэтому у Пушкина является мысль покончить с ссылкой, сменив ее на добровольное изгнание. Тоска по свободной жизни и мечты о побеге прекрасно выражены в стихотворении «Узник» (Кишинев, 1822). «Вскормленный в неволе орел молодой» зовет из «темницы сырой» узника:

...взглядом и криком своим

И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!

Туда, где за тучей белеет гора,

Туда, где синют морские края,

Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

* Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. – М.: Академ. наук СССР, 1962. – С.131–156.

** См. письмо Пушкина к Нессельроде от 13 января 1823 г.; «Летопись», стр.377 и 379; письмо к Вяземскому от 5 апреля 1823 г. (т. XIII, стр. 55 и 61). – Т. Ц.

Определеннее об этом же говорит поэт в L строфе первой главы «Евгения Онегина» (Одесса, октябрь 1823 г.):

*Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей.
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил.
Где сердце я похоронил...*

– а в январе 1824 г. об этих же планах бегства за границу пишет брату: «Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича <т. е. государя.– М.Ц.> о своем отпуске чрез его министров – и два раза воспоследовал все милостивейший отказ. Осталось одно – писать прямо на его имя – такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится не в терпеж, Ubi bene, ibi patria***. А мне bene там, где растет трин-трава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять? что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться...»****. Наконец, в стихотворении «К морю», написанном перед отъездом из Одессы 30 июля 1824 г., в обращении к «свободной стихии»

*** Где хорошо, там и отечество (лат.).

**** Т. XIII, стр. 85–86.

поэт опять говорит об этом заветном умысле «бежать» из России и тут же объясняет, почему ему не удалось его выполнить:

*...Я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...*

Но не только любовь к женщине не позволила Пушкину осуществить «поэтический побег». Была и другая причина – прозаическая – безденежье, в котором он пребывал в Одессе. «Живя поэтом – без дров зимой, без дрожек летом», мог ли Пушкин серьезно думать о путешествии в Италию (XLIX строфа I главы «Евгения Онегина»), Константинополь (письмо к брату), Африку (L строфа I главы «Евгения, Онегина»)? Все это были романтические мечты, отголоски увлечения Байроном****.

Скоро суровая проза ссылки в Михайловском заставила Пушкина бросить эти неосуществимые замыслы и серьезно заняться планами бегства из России. Обращение от романтизма к реализму сказалось и в этом.

30 июля 1824 г., вместо южных стран, столь милых сердцу романтика, поэт должен был уехать с «берегов Эвксинских вод» «в тень лесов Тригорских – в далекий северный уезд», или, говоря языком прозы, «по данному от г-на одесского градоначальника маршруту без замедления

**** Впрочем, кое-что предпринимал поэт для осуществления своих замыслов. Приятель гр. М.С. Воронцова, А.Я. Булгаков, спустя год после высылки Пушкина из Одессы, летом 1825 г., писал брату: «Воронцов очень сердит на графиню <жену свою> и княгиню Вяземскую <жену писателя кн. П.А. Вяземского>, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела покровительствовать его побегу из Одессы, искала ему денег, гребное судно...» («Русский архив», 1901, № 6, стр. 187).

отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к г. гражданскому губернатору»*****.

С тяжелым чувством, вопреки данной им подписке миновав Псков, приехал Пушкин 9 августа в Михайловское, где тогда жили его родители, брат и сестра. Впоследствии поэт вспоминал о своем тогдашнем настроении:

...я еще

*Был молод – но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
[Я зрел врага в бесстрастном <?> судии,
Изменника в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, – всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.]
Утрачена в бесплодных испытаниях
Была моя неопытная <?> младость –
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной*****.*

На первых порах отец, очевидно еще не зная истинных причин неожиданного приезда сына, принял его ласково. Но скоро их отношения резко изменились. Дело в том, что Воронцов, добившись высылки Пушкина из Одессы, постарался «предупредить» псковские власти, какой опасный член общества – высылаемый к ним исключенный со службы коллежский секретарь Александр Пушкин. Предписав 24 июля одесскому градоначальнику Гурьеву отобрать подпи-

***** Подписка, данная Пушкиным 29 июля 1824 г. в Одессе. – «Русская старина», 1887, январь, стр. 247; <«Рукою Пушкина», стр. 837–838. – Т. Ц.>

***** Отрывок, исключенный из окончательного текста стихотворения «Вновь я посетил...» <Т. III., кн. 2, стр. 996. – Т. Ц.>

ску от Пушкина об отъезде из Одессы в Псков и уведомить об этом псковского губернатора, Воронцов, с своей стороны, в этот же день посылает Адеркасу, псковскому губернатору, бумагу о Пушкине. К ней прилагает он копию своего предписания Гурьеву, в котором характеризует поэта как человека, который «к несчастью, не только не переменил поведения и дурных правил, кои ознаменовали первые шаги общественной его жизни; но даже распространяет в письмах своих предосудительные и вредные мнения», и извещает, что Пушкин по высочайшему повелению исключен «из списка чиновников Коллегии иностранных дел, и, дабы отвратить, по возможности, от молодого человека всю строгость законов, коей бы он, оставаясь в совершенной независимости, мог легко подвергнуться при ненадежности своего поведения, государь император изъявил высочайшую) волю, дабы он был немедленно отправлен на жительство Псковской губернии в поместья родителей его, где и будет состоять под наблюдением местного начальства»*****.

Кроме этого сообщения Воронцова, Адеркас получил от прибалтийского генерал-губернатора Пауллуччи предписание (от 15 июля) снести с г. предводителем дворянства о избрании им одного из благонадежных дворян для наблюдения за поступками и поведением Пушкина, дабы сей по прибытии в Псковскую губернию и по взятии от него подписки в том, что он будет вести себя благонадежно, не занимаясь никакими неприличными сочинениями и суждениями, находился под бдительным надзором...»*****. К этому предписанию Пауллуччи приложил еще копию отношения министра иностран-

***** «Псковские губернские ведомости» 1868, № 10, стр. 68; «Матеріали до біографії О. С. Пушкіна». – «О. С. Пушкін. (Статті та матеріали)». Київ. 1938, стр. 203.

***** «Русская старина», 1908, октябрь, стр. 111 – 112.

ных дел гр. Нессельроде к гр. М.С. Воронцову (от 11 июля) аналогичного содержания с приведенным нами сообщением гр. Воронцова Адеркасу.

На основании всех этих предписаний Адеркас, по соглашению с губернским предводителем дворянства, полковником Львовым, для наблюдения за поступками и поведением Пушкина назначил новоржевского помещика коллежского советника И.М. Рокотова.

Последний под предлогом болезни отказался от этого назначения, и тогда Адеркас с предложением быть соглядатаем поэта обратился к отцу его, как к человеку «известному в губернии как по его благонравию, так и честности», и Сергей Львович имел слабость принять это предложение, заверив губернатора, что он будет иметь бдительное смотрение и попечение за сыном своим, а уездному предводителю дворянства Пещурову дал в том же подписку*****.

Что получилось из этого, узнаём из письма Пушкина Жуковскому от 31 октября, которое ярко рисует ту нравственную атмосферу, в которой поэту пришлось жить в первые месяцы своего пребывания под родительским кровом. «Милый, прибегаю к тебе,— пишет Пушкин.— Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал.

***** Там же, стр. 112–114; «Псковские губернские ведомости», 1868, № 10, стр. 68.

Получают бумагу до меня касающуюся. Наконец желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился (в черновике: заплакал, закричал). Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé....***** (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых 3 месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра – еще раз спаси меня. А. П. 31 окт(ября). Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться – дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi*****. P.S. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П.А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту уверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя, – голова кругом идет».

В бумаге к губернатору Пушкин просит у царя, «как последней милости» для спокойствия отца и своего собственного, соизволения перевести его в одну из крепостей. П.А. Осипова, принимавшая близкое участие в Пушкине, посылая Жуков-

***** С этим чудовищем, с этим вырождаком-сыном (франц.).

***** Я вне закона (франц.). – Т. XIII, стр. 116–117.

скому копию этого странного прошения, просит его помочь Пушкину в надвигающейся на него грозе^{*****}. Получив эти письма, добрейший Жуковский, естественно, заволновался и начал было хлопотать за своего молодого друга, но, к счастью, посланный с прошением Пушкина не нашел губернатора в Пскове и через неделю возвратился, никому не отдав его^{*****}. Была ли эта счастливая случайность выдумкой Осиповой и Пушкина, чтобы сильнее подействовать на Жуковского, как думает Анненков^{*****}, или действительно «Pouschkine fut plus heureux que sage»^{*****}, как писала Осипова Жуковскому, как бы то ни было, ссора с отцом не имела тех серьезных последствий, каких ожидал и боялся Пушкин. Тем не менее, разрыв с отцом оставил тяжелый осадок в его душе. «[Милый, чем далее живу, – пишет Пушкин Жуковскому, вспоминая эту ссору, – тем более вязну в] Стыжусь, что доселе (живу) не име(я) духа исполнить пророческую весть, что разнеслась недав(но) обо мне [и не] [и еще не застрел(ился)]. Глупо час от часу далее вязнуть в жизненной грязи [ничем к ней не привязанный]» (письмо от 29 ноября 1824 г., черновой текст)^{*****}. Но на этих мрачных мыслях недолго останавливался великий поэт, и интересно отметить, что он не внес фраз о самоубийстве в беловой текст письма: мысли о смерти сменились планами бегства из России.

К этому времени относится стихотворение, известное лишь в черновом тексте:

^{*****} «Русский архив», 1672. № 12, стб. 2358.

^{*****} Письмо П.А. Осиповой к Жуковскому от 22 ноября 1824 г. – Там же стб. 2360.

^{*****} В. Анненков. Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 272.

^{*****} Пушкин был более счастлив, чем мудр (франц.).

^{*****} Т. XIII, стр. 401–402.

Презрев и голос <?> укорижны,
И зовы сладос<тных> надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
У[молкни], сердца шопот сонный,
Привычки данной слабый <?> глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои <текли> <?> в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души,—
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний <раз> сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта
< >

где-нибудь в волненьи <света> <?>
Мой глас <?> [вос]помни иногда
Умолкнет он под небом дальным
сне <?>,
Один печальным
Угаснет в чуждой стороне.
Настанет час желанный,
И благоск<лонный> <?> славянин
К моей могиле безымянной... *****

Так просто, без жалоб и упреков, прощался поэт с родиной, готовясь к бегству. Из стихотворения видно, что в планы побега был посвящен брат Лев Сергеевич. Кроме него,

***** Стихотворение датируется концом октября — ноябрем 1824 г.— Т. II, кн. 1, стр. 349; кн. 2, стр. 1147.— Т. Ц.
12

об этом знала и П.А. Осипова, писавшая иносказательно, из опасения перлюстрации, Жуковскому 22 ноября 1824 г.: «Я живу в двух верстах от с. Михайловского, где теперь А(лександр) П(ушкин), и он бывает у меня всякий день. Желательно бы было, чтоб ссылка его сюда скоро кончилась; иначе я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтобы вы, милостивый государь Василий Андреевич, меня угадали. Если Алекс(андр) должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя; – а там поздно будет размышлять о следствиях. Все здесь сказанное не пустая догадка, но прошу вас, чтобы и Лев Серг(еевич) не знал того, что я вам сие пишу. Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близлежащих к ней через Альпы земель полезен для русских орлов, – и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет»*****. Хотя Осипова и просит Жуковского ничего не говорить об этих планах Льву Сергеевичу, он был уже посвящен в это, как мы видели, самим Пушкиным, который писал ему около 20 декабря 1824 г.: «Вульф здесь, я ему ничего еще не говорил, но жду тебя – приезжай хоть с П(расковьей) А(лександровной)*****»,

***** «Русский архив», 1872, № 12, стб. 2361–2362.

***** Что под П.А. нужно понимать не Петра Александровича Плетнева, как было сначала предположено М.А. Цявловским (при первой публикации настоящей статьи) и Б.Л. Модзалевским («Пушкин. Письма», т. I. М.–Л., 1926, стр. 382), а Прасковью Александровну Осипову, замечено М. А. Цявловским на полях академического издания «Переписки Пушкина» (под ред. В. И. Сантова, т. I. СПб., 1906, стр. 164): «Вероятно с Праск. Ал-др. Осиповой. См. П. и его совр. I». М.А. Цявловский имел в виду помету в календаре П. А. Осиповой на 1825 г., 31 января: «Приехала

хоть с Дельвигом; переговориться нужно непременно. (...) Мне дьявольски не нравятся п(етербургск)ие толки о моем побеге*****. Зачем мне бежать? здесь так хорошо! Когда будешь у меня, то станем трактовать о банкире, о переписке, о месте пребывания Чедаева. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться»*****. Анненков разъясняет эти намеки о банкире, о переписке, о месте пребывания Чаадаева*****. Речь идет об устройстве правильной пересылки денег и корреспонденции за границу, вместе с означением места, куда они должны были отправляться: Чаадаев тогда путешествовал по Европе*****.

Ни на Рождество, ни позднее, весной 1825 г., Лев Сергеевич в Михайловское не приехал. Как можно думать по некоторым фразам в письмах к нему поэта, его не пустили. В письме от конца января – первой половины февраля 1825 г. Пушкин пишет: «Твои опасенья на счет приезда ко мне все несправедливы. Я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания, лишить одного двух братьев была бы жестокость без цели, следств(енно), вовсе не в духе нашего времени...»*****, а в конце февраля: «Жалею о строгих мерах, принятых в твоём отношении»*****.

из Петербурга и Псков» («Пушкин и его современники», вып. I. СПб., 1903, стр. 140). Так раскрыты эти инициалы и в Акад. изд.–Т. XIII, 1937, стр. 130.– Т. II.

***** Об этих слухах писал Л. С. Пушкин Вяземскому в январе 1825 г – П.И. Бартенев. А.С. Пушкин, вып. II М., 1885, стр. 28.

***** Т. XIII, стр. 130–131.

***** П.В.Анненков. Указ. соч., стр. 286.

***** Чаадаев, приехав из Лондона в Париж в конце 1823 г., прожил тут до осени 1824 г., когда поехал в Швейцарию (М.О. Гершензон. П.Я. Чаадаев. СПб., 1908, стр. 52).

***** Т. XIII, стр. 142.

***** Т. XIII, стр. 146.– Вероятно об этом писал Лев Сергеевич брату в письме от 16 февраля 1825 г. («Русская старина», 1907, январь, стр. 85).

А.Н. Вульф, о котором упоминает Пушкин в письме к брату, был третьим, кого Пушкин посвятил в свои замыслы. Старший сын П.А. Осиповой, Алексей Николаевич, был тогда студентом Дерптского университета и на рождественские и летние каникулы приезжал в Тригорское. Пушкин очень скоро с ним близко сошелся, и они вместе стали сочинять проекты бегства. Вульф собирался летом за границу (см. приписку Осиповой в письме Пушкина от марта – апреля 1825 г. ^{*****}) и предлагал Пушкину увезти его с собой, под видом слуги. «Дошло ли бы у нас дело до исполнения этого юношеского проекта, – говорил впоследствии М.И. Семевскому А.Н. Вульф, – не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словах» ^{*****}. Оставив этот смелый план, Пушкин решил добиться разрешения от властей поехать лечиться в Дерпт, а оттуда за границу. Еще в Одессе Пушкин, желая подать в отставку, писал 22 мая 1824 г. управляющему канцелярией наместника А. И. Казначееву: «Вы может быть не знаете, что у меня аневризм. Вот уже 8 лет как я ношу с собой смерть. Могу представить свидетельство которого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится» ^{*****}. Теперь этот же аневризм был выдвинут как предлог для поездки в Дерпт. Лев Сергеевич должен был рассказать о болезни брата Жуковскому, чтобы тот взялся хлопотать у дерптского хирурга, мужа племянницы Жуковского М.А. Протасовой (тогда уже умершей), Мойера, о приезде Пушкина для операции в Дерпт.

План Пушкина с Вульфом, по рассказам Анненкова, состоял в том, чтобы «согласить Мойера взять на себя ходатайство

^{*****} Т. XIII, стр. 163.

^{*****} М.С. <М.И. Семевский>. Прогулка в Тригорское. – «Санкт-Петербургские ведомости», 1866, № 146, от 31 мая.

^{*****} Т. XIII, стр. 93–94.

перед правительством о присылке к нему Пушкина в Дерпт, как интересного и опасного больного, впоследствии, может быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся перебраться из Дерпта за границу, под тем же предлогом безнадёжного состояния своего здоровья. Конечно, дело было не легкое, потому что в основании его лежал все-таки подлог (Пушкин физически ничем не страдал), на который и следовало согласить прямого и честного профессора, но друзья наши не остановились перед этим затруднением. Они положили учредить между собой символическую переписку, основанием которой должна была служить тема о судьбе коляски, будто бы взятой Вульфом для переезда. Положено было так: в случае согласия Мойера замолвить слово перед маркизом Паулуччи о Пушкине, студент Вульф должен был уведомить Михайловского изгнанника, по почте, о своем намерении выслать безотлагательно коляску обратно во Псков. Наоборот, если бы Вульф заявил решимость удержать ее в Дерпте, это означало бы, что успех порученного ему дела оказывается сомнительным. Кроме этого, Вульф должен был в Дерпте, где тогда ехавшие из России за границу путешественники подолгу останавливались, сообщая знакомым свежие столичные новости, следить за всем, что относилось в этих новостях до Пушкина собственно, и передавать их по принадлежности, приняв за условную тему корреспонденции проект издания полных сочинений Пушкина в Дерпте. По этому плану, слова главного цензора выражали бы настроение высшей правительственной власти относительно Михайловского пленника; заметки первого, второго и т.д. наборщика – мнения того или другого из ее агентов и проч.»

***** П. В. Анненков рассказывает это, очевидно, со слов Вульфа (Указ. соч., стр. 288–289). М.И. Семевскому об этом плане А.Н. Вульф так подробно не рассказывал.

Рассказы Льва Сергеевича и матери поэта об его болезни встревожили Жуковского, и он пишет Пушкину письмо (середина апреля 1825 г.), в котором умоляет «милого друга» «обратить на здоровье свое то внимание, которого требуют от него его друзья и его будущая прекрасная слава», просит написать ему немедленно об аневризме, чтобы начать хлопотать у Паулуччи, с которым он уже имел разговор об опасном поэте. «Сюда (т.е. в Петербург) перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и лечение в Ригу». Жуковский, очевидно, не подозревал, что аневризм лишь предлог получить позволение выехать из Михайловского, где было душно поэту.

Получив письмо Жуковского, Пушкин почти признается ему, что дело не в аневризме. Он пишет: «Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с божией помощью могу проносить еще года 3. Следств(енно) дело не к спеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу [в Евро(пу)], то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен. (...). Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому; кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет. Пишу по-франц(узски), потому что язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем да будет воля твоя; если покажется это непристойным, то можно перевести, а брат перепишет и подпишет за меня» (письмо от 20-х чисел апреля 1825 г.).

В черновом прошении (беловой текст до сих пор не известен) Пушкин пишет, что здоровье его было сильно расстроено в ранней юности и что до сего времени он не имел возможности лечиться. Аневризм, которым он страдает около десяти лет, также требует немедленной операции, легко убедиться в истине его слов. Поэтому он умоляет его величество

разрешить поехать куда-нибудь в Европу, где он не был бы лишен всякой помощи (оригинал по-французски)*****.

Жуковский с Карамзиным решили, что вместо этого прошения лучше матери Пушкина обратиться к царю, и в конце мая–начале июня 1825 г. Надежда Осиповна подала на имя государя прошение, которое до сих пор не появлялось в печати*****. Даем его в переводе с французского оригинала:

«Государь,

Со всей тревогой уязвленного материнского сердца осмеливаюсь припасть с мольбой к стопам вашего императорского величества с благодарением для моего сына. Моя материнская нежность, встревоженная его болезненным состоянием, позволяет мне надеяться, что ваше величество соизволит простить меня за то, что я утруждаю его просьбой о благодеянии. Государь, вопрос идет об его жизни. Мой сын страдает уже около 10 лет аневризмом ноги. Вначале он слишком мало обращал внимания на эту болезнь, и теперь она угрожает его жизни каждую минуту, в особенности потому, что он живет в Псковской губернии, в месте, где совершенно отсутствует врачебная помощь. Государь, не отнимайте у матери предмета ее нежной любви! Благоволите разрешить моему сыну поехать в Ригу или в какой-нибудь другой город, какой угодно будет вашему величеству приказать, чтобы подвергнуться операции, которая одна дает мне еще надежду сохранить его. Смее уверить, что поведение его там будет безупречно. Ми-

***** Т. XIII, стр. 164, 166–167 и 535 (перевод).

***** Об этом писал Пушкину Вяземский 28 августа 1825 г.: «Твоя мать узнает, что у тебя аневризм в ноге, она советуется с людьми, явно в твою пользу расположенными: Карамзиным и Жуковским. Определяют, что ей должно писать к государю...» (т. XIII, стр. 220).

лосердие вашего величества – вернейшее в этом ручательство, какое я могу предложить»^{*****}.

В ожидании ответа на это прошение Пушкин пишет П.А. Осиповой:

*Быть может, уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.*

*Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.*

^{*****} Подлинник хранится в Отделе рукописей Румянцовского музея (№ 1254) и находится вместе с другим проектом прошения, о котором речь дальше, в качестве «приложения» в книге переплетенных писем Пушкина к брату Льву Сергеевичу <ныне в ПД – Т. Ц.>. Черновик этого (первого) прошения помещен после второго, чем и объясняется надпись на полях: «Еще проект письма Надежды Осиповны к императору. Вероятно сочинено А. Пушкиным». Подлинник написан неизвестной нам рукой на листке бумаги с водяным знаком: «J. Whatman Turkey Mill. 1822» и читается:

Sire

C'est avec toute la solliritude du coeur ulceré d'une Mèere que j'ose implorer aux pieds de V. M. I. un bienfait pour mon fils! ma tendresse maternelle alarmée par sa situation douloureuse peut seule me faire espérer que V. M. daignera me pardonner de solliciter Sa bienfaisance. Sire, il s'agit de sa vie. Mon fils est attaqué depuis près de 10 ans de l'anevrisme à la jambe. [mon fils] ayant trop négligé ce mal dès son principe ses jours en sont menacés à tout moment, surtout se trouvant dans le gou-vernement de Pskov dans un lieu dénué de tout secours. Sire, ne privez pas une mère de l'objet de toute sa tendresse! Daignez permettre à mon fils de se rendre à Riga ou dans quelque autre Ville qu'Elle daignera ordonner pour subir une Opération qui seule me donne encore l'espoir de pouvoir le conserver. J'ose l'assurer que sa conduite y sera irréprochable. La Clémence de V. M. en est garant le plus sûr que je puisse lui en offrir.

*Когда померкнет ясный день,
Одна, из глубины могильной,
Так иногда и родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.*

И на этот раз поэт ошибся в своих ожиданиях. Не суждено было ему сменить «изгнание мирное» на чужие края...

25-м июня 1825 г. помечает приведенное стихотворение Пушкин, а 26 июня в Пскове было получено высочайшее повеление, по которому поэту было позволено приехать в г. Псков и иметь там пребывание до излечения от болезни с тем, чтобы псковский гражданский губернатор имел наблюдение за поведением и разговорами г-на Пушкина^{*****}.

Такой был результат патетического прошения матери Пушкина.

Вес планы поэта рухнули, и он, получив известие об этой новой царской «милости», пишет полное яда письмо Жуковскому:

«Неожиданная милость его величества тронула меня не-сказанно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство во Пскове, но я строго придерживался повелению высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах; мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей.

Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтоб медленность мою пользоваться

^{*****} «Псковские губернские ведомости», 1868, № 10, стр. 68. В связи с прошением Н.О. Пушкиной был сделан запрос о Пушкине Канцелярии начальника Главного штаба 21 июня. Здесь же и ответ на запрос канцелярии Коллегии иностранных дел (22 июня) <ныне в ПД. –Т. Ц.>.

монаршей милостию не почли за небрежение или возмутительное упрямство – но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность. Дело в том, что, 10 лет не думав о своем аневризме, не вижу причины вдруг об нем расхлопотаться. Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне современем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства» (письмо от начала июля 1825 г.)*****.

Раздосадованный Пушкин решил в Псков не ехать. Решение это испугало друзей, хлопотавших за него, и, обескураженные таким результатом своих хлопот, они решили поднять вопрос о передокладе, о чем писал Пушкину Плетнев (18 июля). Против этого решительно восстал поэт. П.А. Осиповой он пишет (25 июля): «Плетнев сообщает мне довольно странную новость: решение его величества показалось им недоразумением, и они решили передоложить обо мне. Друзья мои так обо мне хлопочут, что в конце концов меня посадят в Шлиссельбургскую крепость... (оригинал по-французски)*****. Об этом же Дельвигу: «Мне пишет П(етр) Александрович» (Плетнев), что обо мне намерены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; ответ окончателен. Во Пскове, конечно, есть лекаря – чего ж мне более? (...) Зачем было заменять мое письмо, дельное и благоразумное, письмом моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность ...? ... Ошибка важная! В первом случае я бы поступил прямодушно, во втором могли только подозревать мою хитрость и неуклончивость» (23 июля)*****.

***** Т. XIII, стр. 186–187.

***** Т. XIII, стр. 193-194 и 540 (перевод).

***** Т. XIII, стр. 191–192.

На то, что действительно проект обратиться вторично к царю существовал, указывает другой черновик прошения. В этом втором прошении, также на французском языке, Надежда Осиповна пишет: «Несчастливая мать, проникнутая добротой и милосердием вашего величества, решается еще раз повергнуть к стопам своего августейшего монарха покорнейшую просьбу. По сведениям, которым боюсь и верить, болезнь моего сына идет быстрыми шагами. Псковские доктора отказались сделать необходимую для него операцию, и он вернулся в деревню, где находится без всякой помощи в безвыходном положении. Благоволите, государь, разрешить ему переехать в другое место, где он смог бы найти более знающего врача. Соболаговолите простить мать, трепещущую за жизнь своего сына, за то, что она осмелилась во второй раз молить вас об этой милости вашего милосердия. Несчастливая мать несет вам свое горе как отцу своих подданных. Только от государя может она надеяться на все; только от его доброты ждет она окончания своим опасениям и мукам»*****.

***** Этот проект находится там же, где и первый. На полях этого прошения неизвестной нам рукой карандашом написано: «Проект письма матери Пушкина к государю», а чернилами: «Проект письма Надежды Осиповны Пушкиной к императору. Вероятно сочинено А. Пушкиным». Письмо написано (неизвестной рукой) на листке белой тонкой бумаги с золотым обрезом без водяных знаков:

Sire.

C'est une Mère malheureuse, mais pénétrée des bontés, et de la Clémence de V. M. I. qui ose se jetter encore aux pieds de son Auguste Souverain pour réitérer sa très humble prière. D'après les renseignements que je crains de recevoir la Maladie de mon fils fait des progrès, rapides, les médecins de Pskow se sont refusés à lui faire l'opération nécessaire, et il est retourné à la Campagne où il se trouve sans secours et dans un état de dépérissement total. Daignez Sire lui permettre d'aller dans un autre lieu où il puisse trouver un médecin plus habile, daignez pardonner à une Mère tremblante pour les jours de son fils d'avoir osé une seconde fois implorer cette grâce de votre Clémence. C'est dans le soin du Père de ses sujets qu'une mère infortunée épanche sa douleur,

22

По всей вероятности, это прошение не было подано царю; по крайней мере, ни в переписке самого Пушкина, ни в письмах его друзей мы не нашли указаний на то, чтобы Надежда Осиповна подавала два прошения. Поводом вторичного обращения к царю Н.О. Пушкина (в черновике) выставляет безрезультатную поездку Пушкина в Псков. Но это – неправда, так как Пушкин, наоборот, летом не воспользовался разрешением съездить в Псков. Уверять в своей нежной любви к сыну и в страхе за его жизнь, чего на самом деле не было, Надежда Осиповна, конечно, могла, но утверждать в прошении государю, что ее сын ездил в Псков, когда он отказался туда поехать, она не решилась, а кроме этого нечем было мотивировать второе обращение к царю. Поэтому, как мы думаем, второе прошение матери поэта так и осталось лишь проектом.

Жуковский, очевидно, не придав значения словам Пушкина, что он в Псков не поедет, написал Мойеру, чтобы он приехал в Псков для совершения операции Пушкину. Испуганный этим известием Пушкин пишет Мойеру 29 июля письмо, в котором «умоляет» его «ради бога» не приезжать и не беспокоиться, так как «операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания».

А.Н. Вульф, который, как мы видели, принимал деятельное участие в приготовлениях к побегу, Пушкин, ликвидируя теперь все это, писал в конце августа 1825 г. на условленном языке; «Я не успел благодарить вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, черт с ними и с цензором и с на-

c'est de son souverain qu'elle ose tout espérer, c'est de sa bonté illimitée qu'elle attend la fin de ses craintes et des ses angoisses.

<В «Летописи» (стр. 643 и 781) М. А. Цявловский передатировывает этот проект 15... 30 октября 1825 г.– Т. Ц.>

борщиком и с tutti quanti***** – дело теперь не о том. Друзья мои и родители вечно со мною проказят. Теперь послали мою коляску к Моэру с тем, чтоб он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции, хотя бы и очень рад был с ним познакомиться. А об коляске сделайте милость напишите мне два слова, что она? где она? etc».*****

В неудаче так, казалось, тонко продуманного, плана бегства Пушкин винил друзей и родных и свою досаду по этому поводу излил в письме к сестре, получив которое, она целый день плакала.

«Ma bonne amie, – писал Пушкин сестре, – je vous crois arrivée. Mandez moi quand vous comptez partir pour Moscou et donnez moi votre adresse. Je suis bien triste de ce qui m'est arrivé, mais je l'avais prédit, ce qui est très consolant comme vous savez. Je ne me plains pas de ma mère, au contraire je lui suis reconnaissant, elle a cru me faire du bien, elle s'y est prise chaudement, ce n'est pas sa faute si elle s'est trompée Mais mes amis – ils ont fait expressément ce que je les avais conjuré de ne pas faire. Quelle rage de me prendre pour un sot et de me pousser dans un malheur que j'avais prévu, que je leur avais indiqué? On aigrit S. M., on prolonge mon exil, on se moque de mon existence, et lorsqu'on est étonné de toutes ces bêtises, on me fait ses compliments sur mes beaux vers et l'on va souper. Que voulez vous, je suis triste et découragé – l'idée d'aller à Pskoff me paraît souverainement ridicule, mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловское j'attends qu'on m'en signifie l'ordre. Tout cela est d'une légèreté, d'une cruauté inconcevable. Encore un mot: ma santé demande un autre climat, on n'en a pas

***** всеми прочими (лат.).

***** Т. XIII, стр. 195 и 219.

dit un mot à S. M. Est-ce sa faute s'il n'en sait rien? On me dit que le public est indigné; je le suis aussi, mais c'est de l'insouciance et de la frivolité de ceux qui se mêlent de mes affaires. O, mon dieu, délivrez-moi de mes amis!»*****.

С братом Пушкин в это время рассорился. Выше мы видели, как трогательно прощался с ним поэт в стихотворении «Презрев и голос (?) укоризны...». В одном из вариантов говорится даже, что он «в опасный день разлуки забыл для брата о себе». Но он не оправдал этих слов. У Пушкина не было денег на поездку за границу, и Лев Сергеевич должен был добыть их, издав сочинения поэта. Но беззаботный Левушка оказался никуда негодным комиссионером в таких делах. Получив тетрадь стихотворений для издания, он не только не потрудился в течение четырех месяцев переписать

***** Милый друг, думаю, что ты уже приехала. Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву, и дай мне свой адрес. Я очень огорчен тем, что со мной произошло, но я это предсказывал, а это весьма утешительно, сама знаешь. Я не жалуясь на мать, напротив, я признателен ей, она думала сделать мне лучше, она горячо взялась за это, не ее вина, если она обманулась, Но вот мои друзья – те сделали именно то, что я заклинал их не делать. Что за страсть – принимать меня за дурака и повергать меня в беду, которую я предвидел, на которую я же им указывал? Раздражают его величество, удлинляют мою ссылку, издеваются над моим существованием, а когда дивишься всем этим нелепостям, – хвалят мои прекрасные стихи и отправляются ужинать. Естественно, что я огорчен и обескуражен, – мысль переехать в Псков представляется мне до последней степени смешной; но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это. Все это отзывается легкомыслием, жестокостью невообразимой. Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова его величеству. Его ли вина, что он ничего не знает об этом? Мне говорят, что общество возмущено; я тоже – беззаботностью и легкомыслием тех, кто вмешивается в мои дела. О господи, освободи меня от моих друзей!» (письмо от 10–15 августа 1825г.). – Т. XIII, стр. 208–209 и 544–545 (перевод).

их для представления в цензуру^{*****}, но вместо этого читал стихотворения на ужинах и украшал ими альбом Воейковой, полученные же на уплату долгов брата деньги тратил на себя^{*****}; наконец, он же вероятно разболтал приятелям о плане брата бежать за границу. Та же Воейкова, альбом которой он украшал произведениями Александра Сергеевича, писала Жуковскому, что Плетнев «думает, что Пушкин хочет иметь 15 тысяч, чтобы иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следственно не надо их доставлять ему. Он просит тебя как единственного человека, который может на него иметь влияние, написать к Пушкину и доказать ему, что не нужно терять верные 40 тысяч – с терпением»^{*****}. О замысле Пушкина бежать из России Плетнев мог слышать только от Льва Сергеевича. Таким образом, вследствие непростительной халатности и болтливости легкомысленного брата Пушкин в нужную минуту вместо 15 000 руб., на которые он рассчитывал, не имел ни копейки (письмо к брату от 28 июля 1825 г.)^{*****}.

Между тем Жуковский, побуждаемый друзьями удерживать «неуимчивого» Пушкина от выходок, которые могли бы повредить ему, продолжает наставлять на поездке Пушкина в Псков (письмо Жуковского к Пушкину от 9 августа)^{*****}. Вяземский, проведенный лето в Ревеле вместе с Пушкиными

^{*****} См. письмо Пушкина к брату и Плетневу от 15 марта 1825 г., письмо к Дельвигу от 23 июля и письмо к брату от 28 июля (т. XIII, стр. 153–154, 191–192, 194–195).

^{*****} См. письмо Пушкина к брату от 28 июля 1825 г., письмо Плетнева к Пушкину от 29 августа 1825 г., письмо Пушкина к Вяземскому от конца ноября–начала декабря 1825 г. (т. XIII, стр. 194–195, 216–218, 244).

^{*****} «Пушкин и его современники», вып. VIII. СПб., 1908, стр. 86.

^{*****} Т. XIII, стр. 194–195.

^{*****} Т. XIII, стр. 203–204.

(отцом, матерью и дочерью), приехав 21 августа в Петербург, 28 августа – 6 сентября пишет Пушкину громадное письмо, в котором убеждает его «плыть по воде», так как он «довольно боролся с течением» (сам Вяземский и это время уже начал «плыть по течению»), «покориться силе обстоятельств и времени», потому что «ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но вообще европейским». «Положим, – пишет дальше Вяземский, – что поездка в Псков не улучшит твоего политического положения, но она улучшит твое здоровье – это положительный барыш, а в барышах будет и то, что ты уважил заботы друзей, не отвергнул, из упрямства и прихоти, милости царской, и не был снова на ножах с общим желанием, с общим мнением»*****.

Пушкин еще до получения этого письма сдался и обещал Жуковскому съездить в Псков (письмо от 17 августа 1825 г.), а получив письмо Вяземского, пишет ему 13 сентября в более спокойном тоне*****, как бы подводя итоги всей этой истории: «Очень естественно, что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смею надеяться – а Псков для меня хуже деревни, где, по крайней мере, я не под присмотром полиции. Вам легко на досуге укорять меня в неблагодарности, а были бы вы (чего боже упаси) на моем месте,

***** Т. XIII, стр. 220–224. – Письмо это чрезвычайно интересно для характеристики не только Вяземского, но и вообще того направления, в каком влияли петербургские друзья на Пушкина. Через полгода поэт напишет Жуковскому, что «не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» (письмо от 7 марта 1826 г. – Т. XIII, стр. 266).

***** Непосредственной реакцией Пушкина на письмо Вяземского явилась эпиграмма «Заступники кнута и плети...». – См. Т. Зенгер. Из черновых текстов Пушкина. I. Политическая эпиграмма. – Сб. «Пушкин – родоначальник новой русской литературы». М., 1941, стр. 31–36. – Т. II.

так может быть пуще моего взбеленились. Друзья обо мне хлопочут, а мне хуже да хуже. Сгоряча их проклиная, одумаюсь, благодарю за намерение, как езуит, но все же мне не легче. Аневризмом своим дорожил я пять лет как последним предложением к избавлению, *ultima ratio libertatis****** – и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку! Душа моя, поневоле голова кругом пойдет. Они заботятся о жизни моей; благодарю – но черт ли в эдакой жизни. Гораздо уж лучше от не лечения умереть в Михайловском. По крайней мере, могила моя будет живым упреком, и ты бы мог написать на ней приятную и полезную эпитафию. Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Моера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике; лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!), а там не велят и беситься. Как не так! – Я знаю, что право жаловаться ничтожно, как и все прочие, но оно есть в природе вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы, – но помилуй... это моя религия; я уже не фанатик, но все еще набожен. Не отнимай у схимника надежду рая и страх ада». В заключение Пушкин делает такое, как он сам называет, «résumé»; «Вы находите, что позволение [мне] ехать во Псков есть шаг вперед, а я думаю, что шаг назад, – но полно об аневризме, – он мне надоел, как наши журналы»*****.

Итак, планы бегства из России потерпели полное фиаско, и Пушкин, которому надоела вся эта история с прошением

***** последним доводом за освобождение (лат.). – Любопытно отметить, Что мысль воспользоваться аневризмом как предложением к освобождению явилась у Пушкина еще в 1820 г., т. е. в самом начале ссылки.

***** Т. XIII, стр. 211, 225–226 и 227.

матери, аневризмом, коляской, как будто примирился со своей ссылкой, 22 сентября он пишет А.П. Керн: «Ваш совет написать его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы обо мне думали – на коленях благодарю тебя за него, но не могу ему последовать. Пусть судьба решит мою участь; я не хочу в это вмешиваться...» (оригинал по-французски)*****.

Но недолго поэт был в этом состоянии фаталистического отношения к своему положению. Получив письмо от Жуковского опять с настойчивой просьбой съездить в Псков (письмо от второй половины сентября 1825 г.), Пушкин, «увидя в окошко осень, сел в тележку и прискакал во Псков»*****. Губернатор принял его «очень Мило» и «обещался отнестись, что лечиться во Пскове» Пушкину «невозможно». Это обещание снова дает надежду поэту на изменение его положения, и он уже пишет Жуковскому: «...итак погодим, авось ли царь что-нибудь решит в мою пользу (...) Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтобы Гудунов со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня...» (письмо от 6 октября)*****.

Эта же, столь характерная для Пушкина, уверенность в том, что «день веселья» настанет, хотя «настоящее уныло», выражена в стихотворении на лицейскую годовщину 1825 г. – «19 октября», – написанном в это время. В нем есть строфа:

*Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;*

***** «Votre conseil d'écrire à S<a> M<ajesté> m'a touché comme line preuve de ce que vous avez songé à mon – je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. Il faut que le sort décide de mon existence je ne veux pas m'en mêler...» – Т. XIII. Стр.229 и 550 (перевод).

***** Т. XIII. стр.236.

***** Т. XIII, стр. 236–237.

*Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с нами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к нам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!*

А пока «затворник опальный» в «забытой сей глуши, в обители пустынных выюг и хлада» предлагает и такой тост:

*Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!*

*Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! Так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.*

Истинно «не помня зла», поэт прощает царю «неправое гоненье» и ждет такого же великодушного отношения и к себе. Незадолго до этого Пушкин набрасывает вчерне на первый взгляд очень странное по содержанию прошение Александру I*****.

***** Черновик находится в тетради Пушкина № 2370 (Румянцовский музей), л. 69 об.– 70 <ныне ПД.– Т. Ц.>. Впервые отрывок из него в переводе напечатал Анненков («Пушкин в александровскую эпоху», стр. 142–143). Полный текст по-французски дал В. Е. Якушкин в описании тетради («Русская старина», 1684, июль, стр. 33–34). П. О. Морозов счел этот набросок за первую редакцию прошения, посланного к Жуковскому (Собр. соч. Пушкина, изд. Литературного фонда, т. VII, 1887, стр. 131), с чем согласились П. А. Ефремов (Сочинения Пушкина, изд. Суворина, т. VII, 1903, стр. 185) и В. И. Саитов (акад. изд. переписки Пушкина, т. I, 1906, стр. 223).

Даем его в переводе: «Небдуманные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе], распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли – мне было 20 лет в 1820 (году) – я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить В~*****.

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором – я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарования которого невольно внушали мне почтение,

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. – Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации – я чувствовал бесполезность этого.

Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость как на средство к восстановлению чести.

Великодушный и мягкий образ действий власти глубоко тронул меня и с корнем вырвал смешную клевету. С тех пор, вплоть до самой моей ссылки, если иной раз и вырывались

***** В. Е. Якушкин это место печатает: «он d'assassiner V»; П. О. Морозов: «ou d'assassiner Votre Majesté»; В. И. Сайтов: «ou d'assassiner V»; П. В. Анненков, давший только перевод: «или...». В автографе слово не дописано: после V – волнистая черта. <М. А. Цявловский присоединился к П. О. Морозову и читал в переводе: «умертвить Вас». Следует очевидно: «убить ваше величество». – <Т.Ц.>

у меня жалобы на установленный порядок, если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям, все же могу утверждать, что как в моих писаниях, так и в разговорах, я всегда проявлял уважение к особе вашего величества.

Государь, меня обвиняли в том, что рассчитываю на великодушие вашего характера; я сказал вам всю правду с такой откровенностью, которая была бы немыслима по отношению к какому-либо другому монарху.

Ныне я прибегаю к этому великодушию. Здоровье мое было сильно подорвано в молодые годы; аневризм сердца требует немедленной операции или продолжительного лечения. Жизнь в Пскове, городе, который мне назначен, не может принести мне никакой помощи. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц или же назначить мне какую-нибудь местность в Европе, где я (мог бы) позаботиться о своем здоровье» (письмо от начала июля – сентября (до 22) 1825 г. Оригинал по-французски)*****.

Выше мы видели, что Пушкин замену своего прошения царю, «дельного и благоразумного», прошением матери, рассчитанным на то, чтобы разжалобить Александра I, считал ошибкой. По мнению Пушкина, царь в подаче прошения матерью, а не самим поэтом мог увидеть «хитрость и неуклончивость»***** нераскаявшегося преступника. Теперь в этом проекте прошения, исключительной откровенностью поэт хочет обезоружить царя, действуя на его чувство великодушия. Поэт как бы хочет сказать: «Будьте, государь, со мной столь же великодушны, как я откровенен с вами». Вот,

***** Т. XIII, стр. 227–228 и 548–549 (перевод).

***** Письмо Пушкина Дельвигу от 23 июля–Т. XIII, стр. 192. – Слово «неуклончивость» здесь, очевидно, нужно понимать в смысле «непреклонность», «закоренелое упрямство». <В «Словаре языка Пушкина» (т. II, М., 1957, стр. 852) слово «неуклончивость» объяснено словами: «неуступчивость, строптивость»...>. – Т. Ц.>.

по нашему мнению, смысл этого необычного прошения, в котором подданный пишет царю, что он хотел его убить.

Но посылать свое прошение Александру I Пушкин не стал. 19 ноября 1825 г. царь умер. Узнав об этом, поэт воспрянул духом и, надеясь, что при новом правительстве изменится к лучшему и его положение, снова шлет в письмах к друзьям просьбы вызволить его из ссылки и добиться разрешения о въезде в столицы или в чужие края (письма к Плетневу от 4–6 декабря 1825 г., от второй половины января 1826 г., от 7 (?) марта 1826 г.)^{*****}. Не ограничиваясь этими просьбами, Пушкин пишет Жуковскому письмо «в треугольной шляпе и в башмаках», где вкратце излагает историю своей опалы (7 марта 1826 г.)^{*****}. Это письмо Жуковский должен был показать кому нужно. Но обращаться Пушкину к Николаю I с просьбой об освобождении и даже о позволении выехать за границу, пока велось следствие над декабристами, было по меньшей мере преждевременно. Об этом и писал Пушкину Жуковский: «В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Есть ли оно только ко мне, то оно странно. Есть ли ж для того, что бы его показать, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находят стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» (письмо от 12 апреля^{*****};

^{*****} Т. XIII, стр. 248–249, 256 и 266.

^{*****} письмо к Плетневу от 7 (?) марта 1826 г.,— Т. XIII, стр. 265–266.

^{*****} Т. XIII, стр. 271.

см. еще письмо Плетнева от 14 апреля^{*****}). Несмотря на это, Пушкин скоро получает от петербургских друзей совет подать прошение на высочайшее имя^{*****}. Для этого он едет в мае в Псков, где и подает через губернатора Адеркаса прошение, в котором, ссылаясь опять на аневризм, просит позволения ехать для лечения в Москву, или в Петербург, или в чужие края^{*****}. К прошению были приложены подписка о непринадлежности к тайному обществу и медицинское свидетельство Псковской врачебной управы, в котором сказано, что «по предложении гражданского губернатора за № 5497, ею освидетельствован был коллежский секретарь А.С. Пушкин, и оказалось, что он действительно имеет на нижних конечностях, а в особенности на правой голени повсеместное расширение крововозвратных жил (*Varicositas totius cruris dextri*), отчего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще»^{*****}. Как бы в дополнение к этому свидетельству Пушкин писал Вяземскому: «Я теперь во Пскове, и молодой доктор спяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Не забавно умереть в Опоческом уезде» (письмо от 27 мая 1826 г.)^{*****}.

Теперь, казалось, все было учтено и сделано для получения желанного разрешения. Время для просьбы по совету друзей было выбрано самое подходящее: прошению был дан ход в июле, по окончании суда над декабристами и перед корона-

^{*****} Т. XIII, стр. 272.

^{*****} П. В. Анненков. Указ. соч., стр. 315.

^{*****} Т. XIII, стр. 283–284. <Здесь прошение Николаю I датировано: «11 мая – первая половина июня 1826 г. Михайловское – Псков». В «Летописи» (стр. 708) М.А. Цявловский датировал это прошение: 6–8 июня (обоснование этой датировки см. там же, стр. 788–789).– Т. Ц.>

^{*****} П. В. Анненков. Пушкин в александровскую эпоху, стр. 315–317; см. еще – т. XIII, стр. 284.

^{*****} Т. XIII, стр. 280.

цией, в день которой ожидали амнистии; при прошении было представлено авторитетное медицинское свидетельство, а в приложенной к прошению подписке и в самом прошении Пушкин определенно выражал свои верноподданнические чувства.

Естественно, что поэт почти не сомневался в том, что его просьбу удовлетворят, и мыслью был уже в Западной Европе. Вяземскому он пишет: «Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские) журналы или парижские театры и (-----), то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его, и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница!» (27 мая 1826 г.)*****.

Теперь мы знаем, как наивны были эти мечты Пушкина. Вместо Запада ему можно было собираться в поездку на Восток, более или менее дальний.

Уже генерал-губернатор Пауллуччи, пересылая гр. К.В. Нессельроде прошение Пушкина, «полагал мнением не позволять Пушкину выезда за границу»*****. Но Николай I не нуждался в таком совете, так как именно в это время Пушкин его интересовал как автор распространившихся в рукописном виде стихов, якобы сочиненных на события 14 декабря, и, конечно, царь и не думал отпускать такого «сочинители» за границу. По высочайшему повелению (от 28 август) Пушкин должен был прибыть в Москву прямо к

***** Т. XIII, стр. 280.

***** П. В. Анненков. Указ. соч., стр. 319–320.

царю «в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта» для дачи объяснений по делу о стихах «Андрей Шень»^{*****}.

«Свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта», так и сущности живет Пушкин с сентября 1826 г. до самой смерти. «Обласканный» государем поэт не имел полной свободы передвижения даже внутри империи. 30 сентября 1826 г. Бенкендорф пишет Пушкину: «...государь император не только не запрещает приезда ним и столицу (Петербург), но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения через письмо»^{*****}.

Когда Пушкин во исполнение этого условия 24 апреля 1827 г. «приемлет смелость просить» у Бенкендорфа разрешения на поездку в Петербург «по семейным обстоятельствам»^{*****}, то шеф жандармов считает нужным сообщить ему: «Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано» (письмо от 3 мая 1827 г.)^{*****}.

Этот ответ давал ясно понять Пушкину, что его «благонадежность» в глазах царя сомнительна. И тем не менее недели

^{*****} Мы считаем убедительной гипотезу П.Е. Щеголева («Император Николай I и Пушкин» в его кн.: «Пушкин». 1912, стр. 258–260), что увоз Пушкина из Михайловского был связан с делом о стихах на 14 декабря. О том, что Пушкина привезли из Михайловского больного и в ранах — см. «Русскую старину», 1899, август, стр. 310 (в статье Л.Н. Майкова «Пушкин в изображении барона М.А. Корфа»).

^{*****} Т. XIII, стр. 298.

^{*****} Т. XIII, стр. 328.

^{*****} Т. XIII, стр. 329.

через две по получении письма Бенкендорфа поэт пишет брату из Москвы: «завтра еду в П(етер)Б(ург) увидаться с дражайшими родителями, *comrae on dit* ^{*****}, и устроить свои денежные дела. Из П(етер)Б(урга) поеду или в чужие края, т.е. в Европу, или восвояси, т.е. во Псков, но вероятнее – в Грузию...» (18 мая 1827 г.)^{*****}.

За границу Пушкин собирался со своим приятелем С.А. Соболевским. Об этом агенты Бенкендорфа донесли ему 23 августа 1827 г.: «Известный Соболевский (молодой человек из московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь как дитя. Он поэт, живет воображением, и его легко увлечь. Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом...»^{*****}.

Соболевский ни в деревню к Пушкину, ни за границу в 1827 г. не поехал, и совместное путешествие туда с Пушкиным так и осталось в области одних предположений: поэт в этом году даже и не просился у Бенкендорфа за границу...

В апреле 1828 г. Пушкин с Вяземским просят разрешение у Бенкендорфа об определении в действующую против турок армию ^{*****}, но получают 20 апреля отказ «поелику все места в оной заняты»^{*****}. Причина отказа ясна из письма вел. кн. Константина Павловича к Бенкендорфу. «Поверьте

^{*****} как говорится (франц.).

^{*****} Т. XIII, стр. 329.

^{*****} М.И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. II. СПб., 1889, стр. 391. – Вероятно, на эту же совместную поездку Пушкин намекает в письме к Соболевскому от 15 июля 1827 г.: «Приезжай в П<етер>Б<ург>, если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидеться да переговорить о будущем» (т. XIII, стр. 332).

^{*****} См. письмо Пушкина к Бенкендорфу от 18 апреля 1828 г. – т. XIV, стр. 10.

^{*****} Т. XIV, стр. 11 (письмо Бенкендорфа к Пушкину).

мне, любезный генерал,— пишет великий князь,— что в виду прежнего поведения, как бы они (Пушкин и Вяземский) ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться...». В другом письме Константин Павлович пишет: «Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с большим успехом и с большим удобством своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров»^{*****}. С этим, конечно, был согласен и царь с Бенкендорфом, и Пушкина в армию не пустили.

Отказ этот сильно обидел Пушкина, и он от огорчения даже заболел. На другой же день по получении письма Бенкендорфа с отказом, поэт, как бы не желая еще верить, что он на таком плохом счету у царя, пишет Бенкендорфу письмо: «Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность, вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мне ходатайство. Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я вероятно в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние» (письмо от 21 апреля 1828 г.)^{*****}.

Как отнесся к этой просьбе Бенкендорф, видно из рассказа его подчиненного А.А. Ивановского, который был знаком с Пушкиным. «На другой день по получении письма Пушкина,

^{*****} «Русский архив», 1884, № 6, стр. 319, 322; М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. СПб., 1908, стр. 488–489.

^{*****} Т. XIV, стр. 14.

– рассказывает Ивановский, – Бенкендорф, готовясь отправиться в Зимний дворец и отдавая мне это письмо Пушкина, сказал: – Ведь ты, mon cher, хорошо знаком с Пушкиным? Он заболел от отказа в определении его в армию, и вот чего теперь захотел... Пожалуйста, повидайся с ним; постарайся успокоить его и скажи, что он сам, размыслив получше, не одобрит своего желания, о котором я не хочу доводить до сведения государя. Впрочем пусть он повидается со мною, когда здоровье его позволит».

«Не без удивления прочел я письмо Пушкина», – замечает Ивановский. Действительно, с точки зрения жандармов, просьба поэта пустить его в Париж после того, как не позволили ему поехать на Балканы, была дикой, нелепой выходкой.

Во время свидания с Пушкиным Ивановский высокопарно доказывал поэту, что отказ в просьбе отправиться в Турцию не означает немилости государя, что, наоборот, государь, цenia жизнь «царя скудного царства родной поэзии и литературы, для пользы и славы этого царства» не хотел «бросить поэта в дремучий лес русской рати и предать на произвол случайностей войны, не знающих различия между исполинами и пигмеями...».

Пушкин уже готов был поверить всей этой жандармской лжи: и уже ухватился за мысль, поданную Ивановским, проситься в Персию.

«Итак, теперь можно быть уверену, что вы решительно отказались от намерения своего ехать в Париж?» – закончил свои тирады Ивановский.

«Здесь печально-угрюмое облако пробежало по его челу», – рассказывает Ивановский.

«Да, после неудачи моей, – сказал Пушкин, – я не знал, что делать мне с своею особой, и решился на просьбу о поездке в Париж».

Заметив мою улыбку, он спросил: «А вы что думаете об этом намерении?»

«Александр Христофорович (Бенкендорф) уверен, что вы сами не одобрите этого намерения. Что же касается до меня, я думаю, что оно, выраженное прежде просьбы вашей об определении в армию, не имело бы ничего особенного и, так сказать, не бросалось бы в глаза; но после... Впрочем, зачем теперь заводить речь о том, что уже не существует...» *****.

Как видим, данное Бенкендорфом Ивановскому поручение – убедить Пушкина отказаться от его намерения ехать в Париж – было исполнено прекрасно. Жандармский чиновник «заговорил», даже растрогал поэта, который после этого свидания не настаивал на докладе царю своей просьбы.

Почти через год после этого, 9 марта 1829 г., Пушкин, не испросив разрешения Бенкендорфа, выехал из Петербурга в Тифлис, откуда поехал в действующую армию. Узнав об этой самовольной поездке, царь положил 20 июля резкую резолюцию: «Потребовать от него объяснений. Кто ему разрешил отправиться в Арзрум, во-первых, это за границей, а, во-вторых, он забыл, что обязан предупреждать меня обо всем, что он делает, по крайней мере, касательно своих путешествий. Дойдет до того, что после первого же случая ему будет определено место жительства» (оригинал по-французски) *****. Сообщая Пушкину это высочайшее повеление, Бенкендорф прибавляет: «Я же, с своей стороны, покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам

***** «Русская старина», 1874, февраль, стр. 393–399.

***** Подлинное написано рукой Бенкендорфа. См. «Дела III Отделения об Пушкине». СПб., 1906, стр.91.

не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие» (письмо от 14 октября 1829 г.). В ответ на это Пушкин объясняет свою поездку одним лишь легкомыслием, так как не допускает мысли, чтобы его поведение можно было объяснить другими мотивами. «Я скорее хотел бы подвергнуться самой строгой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, которому я готов пожертвовать жизнью, и это не фразы» (письмо от 10 ноября. Оригинал по-французски)*****.

Не проходит и двух месяцев после этого письма, как «легкомысленный» поэт пишет «элегический отрывок»:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?*

.....

23 декабря 1829 г.

«Надменная», «гордая дева» это – Н.Н. Гончарова, к которой Пушкин в это время сватался, но получил отказ, не решительный и дававший надежду. Влюбленный поэт теряет

***** Т. XIV, стр. 49 и 51.–Т. Ц.

спокойствие духа, переходит от надежды к отчаянию, томимый тоскою, едет из Москвы на Кавказ. Вернувшись с Кавказа в Москву, он встречает холодный прием у Гончаровых и уезжает в деревню «со смертью в душе». «И в Петербурге тоска, тоска», – пишет поэт Киселеву 15 ноября; 23 декабря написано стихотворение «Поедем, я готов...», а 7 января 1830 г. – письмо к Бенкендорфу. «Пока я не женат и не занят службою, – пишет в нем Пушкин, – я бы желал отправиться путешествовать во Францию или в Италию: в случае же, если на это не будет согласия, я бы просил милостивого дозволения посетить Китай вместе с миссиею, которая туда едет...»^{*****}. Таким образом, намерение ехать в Китай или Париж и Италию, выраженное в стихах, не было поэтическим вымыслом. Поэт действительно думал заглушить тоску любви впечатлениями путешествия по Западной Европе и даже в Китай.

Но и на этот раз Пушкину, конечно, отказали. 17 января Бенкендорф писал: «Государь император не изволил снизить к вашей просьбе о разрешении посетить иностранные земли, думая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай точно так же не может осуществиться, так как все чиновники уже назначены, и никто из них не может быть замещен без уведомления о том Пекинского двора» (оригинал по-французски)^{*****}.

После этого отказа Пушкин, хотя уже и не делал более попыток получить разрешение на поездку за границу, но расстаться с мечтой побывать в Западной Европе не мог.

...Никому

Отчета не давать, себе лишь самому

Служить и угождать; для власти, для ливреи

^{*****} Т. XIV, стр 56.

^{*****} Т. XIV, стр.58.

*Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья. –
Вот счастье! вот права...*

(1836)*****

Наконец, этой же тоске по чужбине поэт посвятил замечательные строки в своем «Путешествии в Арзрум» (глава вторая):

«Вот и Арпачай, сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Гра-

***** Этими стихами я позволила себе заменить цитату из тогда еще разоблаченного «дневника» А.О. Смирновой, приведенную в первой публикации статьи. Там сообщалось, что в 1836 г. Смирновы уезжали за границу и Пушкин будто бы говорил, что ему «безумно хочется доплыть до Кронштадта вскарабкаться на пароход...». Не говоря уже о том, что год отъезда Смирновых за границу неверен (М. А. Цявловский приписал на оттиске своей статьи замечание к дате «1836»: «Это вранье – Смирновы уехали за границу не то в марте, не то в июне 1835» (см. «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III. СПб., 1899, стр. 267), «Записки Смирновой» были разоблачены, как фальсификация ее дочери, О. Н. Смирновой рядом исследователей: <В. В. Каллашем> («Записки А. О. Смирновой...» – «Русская мысль», 1897. октябрь, стр. 447–450). П. Е. Щеголевым «Дуэль и смерть Пушкина». – «Пушкин и его современники», вып. XXV–XXVII. Пг., 1916, стр. XVI), М.А. Цявловским («Рассказы А. О. Смирновой в записи Я. П. Полонского» – «Голос минувшего», 1917. № 11–12, стр. 142–143 и в кн. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым». М., 1925, стр. 113, 115, 116), В. Ф. Саводником («Дневник А. С. Пушкина». М.–Пг., 1923, стр. 290–291). Л. В. Крестовой («К вопросу о достоверности так называемых «Записок А. О. Смирновой») – в кн.: А. О. Смирнова. Записки дневник воспоминания письма. Со статьями и примечаниями Л.В. Крестовой. Под ред. М.А. Цявловского. М., 1929, стр. 355–393), С.Н. Дурьиным («Русские писатели у Гете в Веймаре», гл. IV. «Николай I и Гете»). – «Литературное наследство», т. 4–6, 1932, стр.173–180) и др. – *Т.Ц.*

ница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России».

1915 г.

Владимир Густребов

**Я вижу берег отдаленный,
земли полуденной волшебные края...**

*Когда свобода исчезла, остается
еще страна, но отечества уже нет*

Франсуа Рене де Шатобриан

Тема «Пушкин и зарубежье» многоаспектная, ее слагаемыми являются и «африканское» происхождение поэта, и попытки выбраться за границу, и отражение зарубежных стран в его творчестве, и признание его в других странах, и общение поэта с иностранными людьми...

Реальный Пушкин никогда не был за границей. Ему не дали возможность увидеть Европу, Китай, Африку, Америку, куда он стремился. В возрасте 18 лет Пушкин стал невыездным и отказником, хотя уже тогда у него было желание выехать за границу. Только однажды он оказался на турецкой земле, да и то когда эта территория (крепость Карс) была уже занята русской армией. Пушкин, чувствуя сжимающееся кольцо полицейской слежки, преследования, задумывает побег в далекие края, может быть, в Италию или Африку, откуда (из Эфиопии) происходил род его матери.

Мысль о побеге от «берегов печальных туманной родины», из «сумрачной России», особенно остро одолевавшая поэта в пору южной ссылки, была, прежде всего, об Италии:

*Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;*

*С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...*

«Погасло дневное светило», 1820

Позднее – другой вариант, скорее всего иронический, – Африка:

*Под небом Африки моей,
Вдыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.*

«Евгений Онегин», гл. I, строфа L

В период 1821–1823 годов, находясь в Кишиневе, Пушкин знакомится и общается с гречанкой Калипсо Полихрони, которая бежала вместе с матерью из Константинополя. Легенда гласит, что в 1810 году она встречалась с Байроном. Пушкин посвятил Калипсо Полихрони вдохновенное послание «Гречанке»:

*Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов...*

Пушкин любил слушать в ее исполнении сладострастные греческие песни.

Весной 1821 года Пушкин написал Дельвигу: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию – есть страны благословеннее». Пушкин говорит о своих намерениях к отъезду.

В доме Георгия и Елены Кантакузиных был своеобразный центр греческой оппозиции. Здесь шла энергичная подготовка к освобождению Греции от турок. В Кишинев со всех сторон съезжались греки.

Братья Ипсиланти подняли на ноги этерию в Одессе. Оттуда морем уплыли на Родину около четырех тысяч греков.

Готовясь к отъезду, Пушкин был в курсе всех греческих дел, следил за ходом событий, собирал сведения и аккуратно записывал в заведенный им «Журнал греческого восстания». Поэт чувствует себя греком, он одержим греческой национальной идеей. 2 апреля он записывает в дневнике: «Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек... Я твердо уверен, что Греция восторжествует...». Поэт посвятил стихи «эллеферии», что по-гречески означает «свобода»:

*Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навек, Эллеферия!*

В мае 1821 года Пушкин становится особенно энергичным потому, что исполняется годовщина, как его отправили сюда, в ссылку, и терпение иссякло. Тема нелегального перехода границы волновала Пушкина.

В наброске стихотворения «Чиновник и поэт» (1823) читаем:

*— Куда ж? —
«В острог — сегодня мы
Выпровожаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
Кирджали».*

Кирджали был историческим лицом. Этеристы без особого труда проходили границу и возвращались в Бессарабию после поражений.

Турецкая армия была вдесятеро сильнее, и греки начали терпеть поражение за поражением. К этому остается добавить вспыхнувшую на турецкой территории эпидемию чумы.

Теперь греки бежали опять, на этот раз в Кишинев. Надежды Пушкина на бегство к грекам теряли не только реальность, но и привлекательность. Да и сама благородная цель – ринуться освобождать Грецию, находящуюся в цепях рабства – постепенно вывернулась для поэта наизнанку.

Думается, Пушкин искал свободы не для греков, но лично для себя. Он готов был выбираться «через греки в варяги». Однако в сложившейся обстановке Пушкин остался в России.

С Амалией Ризнич, в девичестве Рипп, полуитальянкой – полунемкой, Пушкин познакомился в 1923 году: они приблизительно в одно время появились в Одессе. Амалии едва исполнилось двадцать.

Хорошенькая иностранка с греческим носом, по-русски не говорящая вообще, замужняя, Амалия привела Пушкина, по собственному выражению, в безумное волнение. Стихи, посвященные ей, полны роковых страстей; жаль, что Амалия не могла их прочесть.

Муж Амалии, Джованни Ризнич, которого в Одессе называли Иваном, экспортировал на запад пшеницу и был одно время также директором оперного театра в Одессе. Весной 1824 года Джованни решает отправить жену обратно в Европу. В мае мысль бежать от российских туч под вечно голубое небо святой Италии Пушкин обсуждает с Амалией.

Со свойственным ему даром опережения событий, он уже очутился в Италии, едва познакомился с Амалией осенью предыдущего года.

По крайней мере, это нашло отражение в его поэзии.

Вспоминая об одесском увлечении, Пушкин записал в черновиках «Путешествия Онегина»:

*Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,*

*Которые в минувши дни
У ног Амалии прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.*

Амалии Ризнич в «одесском дневнике» посвящены такие строки:

*А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...
А муж – в углу за нею дремлет,
Впросонках фора закричит,
Зевнет и – снова захрапит.*

Здесь же Пушкин, пользуясь древнегреческим наименованием Италии – «счастливая Авзония», пишет:

*Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревом речитатив.*

В этих строфах из «Евгения Онегина» столько радости, столько веселых воспоминаний, так удивительно соединено русское с итальянским!

Хотя Пушкину не привелось побывать в тех странах, о которых мечтал, это не помешало ему понять, почувствовать, и, может быть, даже, как это ни парадоксально звучит, на расстоянии, со стороны виднее, и чувства острее, и образ неведомой страны не стерт повседневностью:

*Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я с негой наслажусь на воле,
С венецианкою молодой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.*

(Евгений Онегин», глава 1, строфа XLIX)

В «Евгении Онегине» есть строки, посвященные Одессе:

*Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, вее,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,*

*Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.*

Между собой эта пестрая толпа объяснялась, разумеется, больше по-русски, но все же, как видим, на первом месте Пушкин примечает в столице Юга «Италию златую». Пушкина очень занимает итальянская жизнь Одессы (много лет спустя Итальянская улица этого города, может быть, не случайно переименовывается в Пушкинскую).

В обращении к Италии, как всегда и всюду в его поэзии, у Пушкина нет привычных, принятых общих слов: за словом непременно встает реальный, значимый для поэта образ. Касаясь Италии, нельзя не отметить и обращение Пушкина к итальянским авторам, попавшим в круг его чтения. Можно заметить возможное влияние «Декамерона» на творческие замыслы поэта. Подобная связь прослеживается с другими итальянскими поэтами. В стихотворении «Ее глаза», посвященном А. Олениной, Пушкин сравнивает глаза любимой с очами ангела «Сикстинской Мадонны»:

Глаза Олениной моей!

.....

*В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает Божество.*

Некоторые пушкинисты считают, что с Рафаэлем связано и стихотворение «Мадонна», посвященное невесте Пушкина – Н.Н. Гончаровой.

В поэзии Пушкина присутствуют и такие итальянские художники, как Тициан, Сальватор Роза, Корреджо. Пушкин восхищался и «сокрытой прелестью Альбана», т.е. живо-

писца ФранческоАльбани в стихотворении «К живописцу» (1815). А в других текстах («Монах», «Сон», 1816, пятая глава «Евгения Онегина») Альбани именуется «пламенным» и «нежным».

Летом 1830 года в книжной витрине на Невском выставляется копия «Мадонны» Пьетро Перуджино. Пушкин пишет своей невесте Н. Гончаровой: «... Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей».

Однажды Пушкин набросал на листе свой шаржированный профиль, надел на голову лавровый венок, как у Данте, и подписал «ilgran' Padre A.P.» («великий отец А.П.») – так Пушкин называл великого Данте. Именно Пушкин, можно сказать, по-настоящему ввел Данте в Россию: наверное, он лучше других мог понять, почувствовать, разгадать... Данте Алигьери занимает особое место в итальянских увлечениях Пушкина.

Этот великий флорентиец является родоначальником современного итальянского языка.

Он был одной из путеводных звезд на небосклоне пушкинской поэзии:

*Зорю бьют...из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих.
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.
«Зорю бьют...», 1829*

Или другие знаменитые слова – в стихотворении «Сонет» (1830):

*Суровый Дант не презирал сонета:
В нем жар любви Петрарка изливал...*

На интерес Пушкина к Данте, безусловно, сказалось отношение к творчеству английского поэта Джорджа Байрона. Раздумья о Байроне и Данте отразились, в частности, во вступительных строках пушкинской элегии «Андрей Шенье» (1825):

*Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейский лир
Близ Данте тень его внимает...*

Можно смело утверждать, что именно со времен Пушкина Данте вошел в мир русской культуры. В библиотеке Пушкина было пять изданий Данте. Пушкин читал Данте по-итальянски. Дантовские цитаты встречаются в «Евгении Онегине» и других произведениях Пушкина.

В списке итальянских литературных интересов и ассоциаций Пушкина – созвездие звучных имен: кроме Данте Алигьери, его украшают Торквато Тассо, Лудовико Ариосто, Франческо Петрарка, Джованни Боккаччо, Виторио Альфиери, Ипполито Пиндемонте, Алессандро Мандзони, Пьетро Аретино, Уго Фосколо, Сильвио Пеллико, Николо Макиавелли, Франческо Джанни, Николо Форте Гуэрри, Джанбатиста Касти...

Творения «величавого» Петрарки Пушкин знал, неоднократно упоминал и цитировал.

В повести «Метель» Пушкин цитирует Петрарку в оригинале: «Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала, но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

Se amor non e chedunqe?...»

(Если это не любовь, так что же?... (итал.)

Когда Пушкин восхитился чудными стихами старшего друга, поэта К. Батюшкова, он воскликнул: «что за чудотворец этот Батюшков: звуки итальянские!» русский стих показался великому поэту итальянской мелодией.

В произведениях Пушкина первый русский итальянец – герой рассказа «Выстрел»: мрачный бретёр Сильвио, способный всадить одну пулю в другую, стремящийся жестоко отомстить своему противнику, уверенный, что единственный способ для этого – прострелить его насквозь, но не учитывающий всех невероятных жизненных обстоятельств.

Современники считали, что Сильвио списан Пушкиным с реального человека – Ивана Петровича Липранди. Отец Липранди приехал на русскую землю в конце XVIII века, был выходцем из Пьемонта. Старший сын его И.П. Липранди обладал романтической внешностью. Молодой Пушкин, подружившись с ним на Юге, с особенным интересом расспрашивал о множестве дуэлей, в которых участвовал его собеседник.

Высокомерная гордость Липранди привела его затем к конфликту с властями, сблизила с декабристами, но, в конце концов, он отделался недолгим заключением. Выйдя на свободу, он перешел на службу в высшую полицию.

Пушкинский Сильвио погиб, сражаясь за свободу греков. Липранди же прожил целых 90 лет, и с годами все больше приобретал мрачную репутацию полицейского доносчика.

Второй же пушкинский итальянец – неаполитанский поэт, герой «Египетских ночей», гениальной и как будто бы неоконченной повести. Петербургский поэт Чарский (которого Пушкин сделал очень похожим на самого себя) принимает

незнакомо­го иностранца: «Я неапо­ли­тан­ский художник, – го­во­рил незна­ко­мец, – об­сто­я­тель­ства прину­ди­ли меня оста­вить отечество, я при­ехал в Рос­сию в на­де­жде на свой талант». Пуш­ки­на в ита­льян­це ин­те­ре­су­ет при­ро­да поэзии. Уди­ви­тель­ный пе­ре­ход от вы­со­кой поэзии к про­зе жи­зни – вот что на­блю­да­ет рус­ский мастер. «Как вы по­ла­га­е­те? Ка­кую це­ну мож­но бу­дет на­зна­чить за би­лет, что­бы пуб­ли­ке не слиш­ком бы­ло тя­же­ло и что­бы я, ме­жду тем, не оста­лся в на­кла­де?...»

Ита­лья­нец при сем слу­чае об­на­ру­жил та­кую жа­д­ность, та­кую про­сто­душ­ную лю­бовь к при­бы­ли, что он оп­ро­тив­ел Чар­ско­му, ко­то­рый по­спе­шил его оста­вить, что­бы не со­всем ут­ра­тить чув­ство вос­хи­ще­ния, про­из­ве­ден­ное в нем блестя­щим им­про­ви­за­то­ром.

«Пуш­кин­ская Ан­гли­я» – это пре­жде все­го ис­то­рия пуш­кин­ских за­мыс­лов, от­сы­ла­ю­щих к про­из­ве­де­ни­ям ан­глий­ских ав­то­ров, в чис­ле ко­то­рых не толь­ко Шек­спир, Бай­рон и Валь­тер Скотт, но и Дж. Ми­ль­тон и Дж. Бан­ьян, С. Кол­ридж и Р. Саути, Барри Корнуол и Д. Вильсон.

В част­но­сти, поэ­ма Пуш­ки­на «Анд­же­ло» 1833) пред­став­ля­ет со­бой пе­ре­ло­же­ние пьесы Шек­спи­ра «Ме­ра за ме­ру».

От­тал­ки­вая­ся от пьесы Шек­спи­ра, Пуш­кин на­пи­сал прин­ци­пи­аль­но непо­хо­жую на нее вещь. В цен­тре шек­спи­ров­ской тра­ги­ко­ме­дии не на­мест­ник Анд­же­ло, а все­вла­ст­ный Герцог. Его дей­ствия в пьесе так ха­рак­терно оце­не­ны ее за­гла­ви­ем: «Measure for measure» («Ме­ра за ме­ру»). Ему пре­жде все­го на­по­ми­на­ет оно об еван­гель­ском из­ре­че­нии, к ко­то­ро­му вос­хо­дит: «Ка­кую ме­рою ме­рите, та­кую же от­ме­ри­те­ся и вам» (Ев. От Луки, 6, 38), т.е. рас­кры­ва­ю­щем неиз­мен­ный прин­цип: «Что по­се­ет че­ло­век, то и по­ж­нет» (Га­ла­там, 6,7). И Герцог ока­зал­ся на вы­со­те. Су­мел даже под­нять­ся над лич­ной оби­дой, хотя кле­вета глу­бо­ко уяз­ви­ла его са­мо­лю­бие, сильней-

шим образом потрясла его нравственное существо. И все же он простил клеветника, хотя по действующему закону он вполне мог его и повесить.

И если шекспировский Герцог сам, подобно светочу, указывает подданным путь к истине, и это никого не удивляет, потому что такова во времена Шекспира признанная всеми прерогатива властителя, то в пушкинское время человек стоит перед собственным нравственным выбором.

О таком выборе ведет речь Пушкин и в трех повестях, написанных болдинской осенью 1833 года. Он ставит их героев в экстремальные условия, когда от каждого потребовалось проявить себя до конца – раскрыть все свои душевные ресурсы, чтобы устоять, как это сделал Евгений, или обнаружить, что у него ничего не осталось в душе и за душой, и пасть, как это произошло с Германном, или сильно зашататься, как это случилось с Анджело, чья душа замутнена, засорена, но не погибла, и с которым мы расстаемся в момент, когда его терзают душевные муки, и с надеждой, что ему удастся возродить в себе человеческое, стать человеком остаться им.

В начале сентября 1830 года Пушкин выехал из Москвы в Нижегородскую губернию – в деревню Болдино, чтобы принять выделенную ему отцом часть имения – Кистеневку. Здесь ему пришлось задержаться на три месяца из-за карантина во время эпидемии холеры.

Пушкин привез в Болдино сборник произведений четырех английских поэтов: Мильмана, Боулса, Вильсона и Барри Корнуола, вышедший в 1829 г. в Париже в издании Галиньяни («The Poetical Worksof Milman, Bowles, Wilsonand Barry Cornwall»).

Оказавшаяся в эти дни в поле зрения Пушкина драматическая поэма английского романтика Джона Вильсона (1785–1854) «Чумной город» (The Cityofthe Plague», 1816),

посвященная некоторым деталям и картинам эпидемии чумы в Лондоне в 1665 г. (по мнению М.П. Алексеева – 1625г.) в определенной мере соответствовала настроениям и интимным переживаниям Пушкина. Естественно, что под влиянием собственного положения у Пушкина возникли соответствующие ассоциации и параллели с мотивами вильсоновского «Чумного города». Тем более, что в то время врачи (не только Пушкин) отождествляли чуму и холеру.

Три месяца, вынужденно проведенные в Болдино на фоне опустошительной эпидемии холеры и тяжелых интимных переживаний, ориентировали Пушкина на выбор трагических тем поэзии, соответствующих его личным настроениям. Перелистывая большой том четырех английских авторов, Пушкин обратил внимание на 4 сцену первого акта драматической поэмы Дж. Вильсона (1785-1954) «Чумной город», где описывается сцена пира во время чумы.

Отталкиваясь от этой части английской драмы, Пушкин 6 ноября 1830 г. создал маленькую трагедию «Пир во время чумы» – произведение исключительно своеобразное, глубоко отличное от поэмы Вильсона. Два вершинных момента – песнь Мери и особенно песнь Председателя (знаменитый Гимн Чуме) являются новыми, целиком принадлежащими самому Пушкину. В этих двух песнях, по словам Д.Д. Благого, «Пушкин – гениальный переводчик – на наших глазах превращается в гениального творца. Это дает основание считать именно песнь Председателя отражением умонастроений самого Пушкина».

Сам мотив пира, так или иначе сопряженный с темой смерти, переходит из сцены Вильсона в другие «маленькие трагедии» Пушкина: Барон в «Скупом рыцаре», омраченный мыслями о скорой кончине, устраивает себе символический «пир» при свечах:

*Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блестящие груды.*

Сальери бросает яд в стакан Моцарта во время дружеского обеда. Пир у Лауры в «Каменном госте» заканчивается гибелью Дона Карлоса.

Английские мотивы нашли свое отражение и в некоторых других произведениях Пушкина.

Понятие «Пушкинская Франция» охватывает семейное воспитание и диалектику пути, проблемы восприятия и страстную мечту поэта о Париже, его озабоченность состоянием русской литературы и значимость «школы».

Пушкин рос среди французов, гостивших в доме родителей, и офранцузенных русских. Брат Лев Пушкин вспоминает: «Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер его был француз..., библиотека его отца состояла из одних французских сочинений». Она была начинена, в основном, эротическими писателями XVIII века и французскими философами, – все это Пушкин читал с детства, что способствовало его раннему созреванию.

Сопоставим русское и французское влияние на формирование Пушкина. Читать и писать по-русски ребенок начал, когда ему было пять или шесть лет. Учила его русскому бабка М.А. Ганнибал, сама слабо владевшая русской грамотой. Дьякон учил Пушкина Закону Божьему по-русски, когда мальчику было десять лет. До этого и после воспитателями его были только французы, как вспоминает сестра. В семье по-русски не говорили. Пушкин учился фехтованию – и эти его учителя (Вальвиль, Гризье) русским владели плохо. Я.

Грот со слов одноклассника поэта Матюшкина сообщает, что «при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски». Добавим: и лицейских преподавателей это не заботило.

Первый известный нам автограф Пушкина писан по-французски. Первые стихи, написанные им в восемь лет, – поэма *La Toliade*. Пушкин пишет много стихов, все по-французски, и сжигает их, так как гувернантка смеется над ними. Девятилетний мальчик сочиняет комедию в духе Мольера и сам ее разыгрывает. Он изображает в лицах любимых героев французских романов. Герои эти жили в Париже, на юге Франции или в Италии. Он воспитывается на французской литературной школе, и это происходит даже тогда, когда он читает Шекспира, Скотта, Байрона, Данте, Гете, Гофмана, – потому что их он тоже читает по-французски.

По словам брата (пожалуй, это некоторое преувеличение), к одиннадцати годам Пушкин знал всю французскую литературу. Именно через французский язык он постигал мировую культуру. «...Он был настоящим знатоком французской словесности и истории, – сообщает его сестра, – и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы».

Значительная часть из уцелевших его писем написана по-французски. С семнадцатилетнего возраста он подписывается в письмах и документах *Poushchine*. Прожив четверть века, он сообщит Жуковскому: «Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу». Зрелым мастером он напишет по-французски Чаадаеву: «...я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего». Именно французские просветители и писатели сделали его, выходца из полупросвещенной, полуюропейской, полуазиатской среды, Европейцем. Как большинство людей его круга, Пушкин

всю жизнь прожил в окружении иностранных вещей и иностранцев. Повседневные вещи, мебель, книги, украшения, одежда, вина – все было привезено из Европы или сделано в подражание Европе. Все, за исключением привезенного с Востока.

В жизни русскую рубашу Пушкин и надевал-то разве что ради потехи, в деревне, когда шел на ярмарку. Среди мужиков он оставался в этой рубаше своим до того момента, пока не открывал рта. Нет, не вторым, а первым и родным языком Пушкина волею обстоятельств оказался французский. Потом поэт стал двуязычным, в стихах и прозе русский язык стал главенствовать. Но – не владей Пушкин французским, возможно, не было бы великого русского писателя.

Не случайно со школьной скамьи закрепились за ним кличка «француз». И, спустя годы, он сам часто называл себя Пушкин-француз. Кем же он был, этот, назовем его, офранцуженный русский эфиопского происхождения с дальними примесями немецкой и шведской кровей? Конечно же, русским человеком и русским писателем, и это в данных рассуждениях существенней всего.

В восприятии Пушкина французская словесность – лучшая школа. О своей учебе у французских писателей Пушкин заявлял многократно. В 1833 году он даже шутливо обратился к Буало:

Но молю тебя, поклонник верный твой,

Будь мне вожатым.

«Французских рифмачей, суровый судья...»

Франция для Пушкина – страна прославленной словесности. Пушкин имел творческие связи с г-жой де Сталь, Констаном, Шатобрианом, Ансело, Токвилем и другими. Литература Франции – это не только арсенал идей, но и школа

игры, вдохновившая Пушкина на открытие оригинального способа усвоения творческой игры по моделям французской литературы. С этой точки зрения отмечается связь Пушкина с Лабрюйером, Ш. де Лакло, Крюденер, Константом, Бомарше, Грессе, Лашоссе, А. де Мюссе и другими. Особое место занимает связь Пушкина со Стендалем. Увлекательный аспект темы «Французский Пушкин» – создание адекватного стихотворного перевода его поэзии. Неудачные попытки в этом направлении завершились, благодаря переводческому подвигу энтузиастов – полиглотов, созданием полноценного стихотворного французского Пушкина (2001) и выходом в свет «Евгения Онегина» (2005) в прекрасном переводе Андрея Марковича. Особо значима для Пушкина традиция Стендаля. Психологизм «Капитанской дочки» и «Пиковой дамы» обогащен темами («безумие», «судьба», «Наполеон», приемами (двойной диалог, «сужение поля зрения», «непосредственно – прямая речь» как механизм иронии) – структурными принципами, свойственными аналитическому методу Стендаля. Однако проза Стендаля – «школа», и не только новаторской поэтики; роман «Красное и черное», приведший Пушкина в восторг, – произведение глубоко интеллектуальное, в чем-то «философское», предлагающее новое понимание социальных проблем современности. Поэта мало интересуют роскошные пейзажи французского средиземноморья или Бретани (этим притягательна для него Италия–Венеция, Брента), его не манит экзотика средневековых нравов (то, что восхищает в Испании – звон мечей, серенады, дуэньи); он не описывает прославленные французские памятники (замки Лауры, знаменитые соборы), Франция «гипнотизирует» Пушкина умственной атмосферой. Поэту интересны история (Регентство, Революция, Наполеон, Карл X, Луи-Филипп), дипломатия (Талейран), тайная полиция (Фуше), театр м-ль Марс: эти

имена – знаки-символы, за которыми скрываются целые миры; но все же главная страсть Пушкина – французская литература. «Пушкинская Франция – это страна «истинно великих писателей», ее словесность – высшее, на его взгляд, достижение европейской цивилизации.

Тема «Пушкин и Америка» ведет свое начало с того времени, когда, готовя материал для публицистического раздела издаваемого им журнала «Современник», Пушкин, внимательно следивший за западными книжными новинками, натолкнулся на французский перевод изданной в 1830 году в Нью-Йорке книги американца Джона Теннера о его необыкновенной жизни среди индейцев. Приблизительно в это же время ему в руки попала книга француза Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке», две первых части которой были изданы в Париже в 1835 году (третья часть вышла уже после смерти Пушкина).

Статья Пушкина «Джон Теннер», опубликованная в «Современнике», написана в жанре обычном для молодой русской публицистики. Примерно на три четверти это перевод наиболее характерных мест книги Теннера и лишь на одну четверть – авторская оценка Пушкина, которая, впрочем, также содержит перевод содержания.

Теннер, белый американец, был похищен 9-летним ребенком около 1789 г. и вернулся от индейцев в цивилизованный мир в 1820 г. Живя главным образом среди народа оджибва (оджибвеев), он стал полноправным членом племени, завел семью и кочевал в районе Великих озер. Пушкин высоко ценил рассказ Теннера (записанный с его слов врачом и путешественником Эдвином Джемсом) как правдивый документ, рисующий подлинную жизнь американских индейцев, которых он называет индийцами. Книга Теннера – своего рода обвинительный акт в адрес колонизаторов, которые эксплуа-

тируют, спаивают и, в конечном счете, истребляют коренное население. Пушкин отмечает, что свидетельство Теннера подтверждается другими данными, поскольку «отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей».

В другом месте Пушкин дает понять, кого он имеет в первую очередь в виду, называя имя Токвиля и сообщая, что последний видел Теннера и купил у него самого его книгу. Осведомленность и критический подход Пушкина видны из того, что он четко ограничил безыскусный рассказ Теннера от сочинений, в которых жизнь индейцев описывалась как романтическая идиллия. В том числе он называет знаменитого американца Фенимора Купера, романами которого зачитывалась вся Европа.

Пушкин цитирует или пересказывает Вашингтона Ирвинга, с чьими сочинениями был неплохо знаком, по мнению которого «дикари», выставленные в романах, так же мало похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных».

Осудив в своей статье рабство негров в Америке, Пушкин не без иронии упоминает тот парадоксальный факт, что Теннер после возвращения в мир белых людей оказался «в тяжбе со своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству». Столь же ироничны заключительные слова статьи: «Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим уапкее, с чем и поздравляем его от искреннего сердца». Здесь Пушкин делает любопытное примечание, что происхождение и смысл этого прозвища ему неизвестны. Прогноз его, впрочем, не оправдался. Теннер не мог устроить свою жизнь среди белых, жил в одиночестве и нищете, и был загадочным образом убит в 1846 г.

В руках Пушкина было четвертое парижское издание книги Токвиля в двух томах. Нет сомнения, что главные впечатления от Токвиля Пушкин почерпнул, прочтя седьмую главу второго тома, которая озаглавлена «О всемогуществе большинства в Соединенных Штатах и последствиях этого». Глава разбита на сравнительно небольшие фрагменты (параграфы), среди которых «Тирания большинства». Эта тирания видится Токвилю отнюдь не в виде старомодного деспота, какие многократно являлись в Европе и в Азии, а в образе возникшей из формальной демократии власти безличной и всемогущей бюрократии. Пассивное и невежественное большинство охотно вручает ей судьбы страны и народа. Наибольшее впечатление на Пушкина произвело мнение Токвиля, что при формальной свободе слова и отсутствии цензуры, на деле в США невозможно распространение мнений, не совпадающих с позицией «большинства», т.е. с утвердившимися общепринятыми взглядами, получившими нечто вроде печати официальности: «В Америке большинство ограничивает мысль грозным кругом. Внутри его пределов писатель свободен; но горе ему, если он осмелится выйти из него».

В отличие от монархий, где лесть гнездится вокруг трона, здесь лесть и ханжество пронизывают все общество.

События, связанные с двухсотлетием Пушкина в Америке, свидетельствуют, как вырос интерес к поэту, и насколько расширились знания о его творчестве. Произведения Пушкина с давних пор переводятся в Америке на английский язык. Например, «Евгения Онегина» прекрасно перевел в стихах профессор Валтер Арндт еще в семидесятых годах. Затем вышел еще один стихотворный перевод – Дагласа Хофстадтера. А В. Набоков перевел роман в шестидесятых годах прозой. И, конечно же, «Евгений Онегин» знаком в Америке благодаря опере Чайковского. Издавна пользуются популярностью и

другие оперы по произведениям Пушкина: «Борис Годунов», «Пиковая дама». Писатель и художник Виктор Раевский издал в 1983 году историческое исследование «Предки и потомки Пушкина и Толстого».

К юбилею Пушкина книга увидела свет в России. Что касается различных мероприятий русско-американской общественности, то они устраивались во всех концах Америки. В Карнеги Холл, в Нью-Йорке состоялся грандиозный гала-концерт. В Сан-Франциско состоялся концерт «Пушкин в музыке», устроенный Русско-американским культурным фондом. Фонд возглавляет уроженец Нью-Йорка Иван Пуштин, потомок известного декабриста. В С.-Петербурге, штат Флорида, общество Russian Heritage отметило 200-летие Пушкина многопрофильным мероприятием в Музее искусств: выставкой, показом видеофильма о жизни поэта, чтением стихов и т.д., среди выступающих был член русской общины в С.-Петербурге Игорь Новосильцев, родственник Наталии Гончаровой. Музей русской культуры в Сан-Франциско создал подборку текстов и иллюстраций из самых различных источников.

Куратор Музея Александр Карамзин (потомок историка) собирал Пушкиниану годами. Во многих университетах США проходили посвященные Пушкину академические конференции. Наиболее выдающаяся состоялась в Стэнфордском университете в Калифорнии. Одним из ее организаторов стал Кеннет Пушкин, председатель общества «Наследие Пушкина». Проведена еще масса тематических мероприятий в различных городах США.

Известность произведений Пушкина настолько широка, что она проникла даже в буддийский монастырь в Бирме. Н. Листопадов встретился с буддийским монахом по имени Ашин Ананда. Войдя в полутемную келью, заставленную книжны-

ми шкафами и алтарями со статуэтками Будды, он услышал... стихи Пушкина: «Я помню чудное мгновенье...»

Выяснилось, что Ашин Ананда, многие годы проживший в Рангуне, бирманской столице, в своей мирской жизни был европейцем, Фридрихом Лустигом. До 1930 г. он жил в Эстонии, где и стал почитателем Пушкина. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» старый монах особенно любил. «Для меня оно – не просто гимн любви к женщине. Это стихотворение – о необходимости для каждого человека иметь идеал, искать смысл жизни», – горячо говорил Ашин Ананда (Фридрих Лустиг). В ходе беседы монах показал хорошее знание стихотворений Пушкина, когда уместно цитировал его строки.

Пушкин вдохновил Ф. Лустига не только на сочинение собственных стихов, но и на переводы с бирманского. Как видим, в хрестоматийный список, в котором «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык» можно включить имя еще одного скромного пиита – буддийского монаха Фридриха Лустига.

ПУШКИН И ФРАНЦИЯ

Мариса Вольперт

Судьба Пушкина во Франции*

В сложном комплексе причин, определяющих известность крупного поэта в иноязычной стране, одна из самых существенных – *качество перевода*. Пушкину в этом отношении решительно не везло: французские переводы его поэзии были ниже всякой критики. Если бы в начале 1830-х годов во Франции появился перевод *Евгения Онегина*, подобный вышедшему в 2005 году французскому «роману в стихах» *Eugene Oneguine* в переводе Андрея Марковича**, судьба *французского Пушкина* была бы, возможно, иной. Однако такое предположение – чистейший анахронизм: есть множество причин невозможности подобного «чуда» в то время.

Участь *французского Пушкина* далеко не столь радужна, сколь судьбы *русского Парни* или *русского Шенье* – Пушкину, в числе других поэтов (Батюшков, Баратынский), посчастливилось подарить им вторую (русскую!) жизнь. Однако и это сравнение не совсем корректно: для Пушкина, как и для других русских стихотворцев, язык французских поэтов был *вторым родным языком*, во Франции же русским языком не владел ни один из крупных поэтов и переводчиков. В оригинале здесь мало кто мог читать Пушкина, переводы его поэзии сводились к набору избитых романтических штампов; минимальная известность первого русского поэта во Франции была, увы! закономерной.

* Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 504–512.

** Alexandre Pouchkine. *Eugene Oneguine*. Actes sud. 2005. Перевод Андрея Марковича.

Начальные краткие сведения о личности и таланте Пушкина впервые появились в отделе научных и литературных новостей журнала «Энциклопедическое обозрение» («Revue encyclopédique»), в связи с выходом в свет поэмы *Руслан и Людмила* (1820). «Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна, первостепенных красот; язык ее, то энергетический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора»^{***}, – писал анонимный рецензент (думается, Пушкин был весьма польщен, прочтя о себе столь лестный *парижский* отзыв, во всяком случае, он сделал из него выписку).

Тот факт, что первый французский перевод из Пушкина, появившийся в Париже в «Русской антологии» (1823), – отрывок именно из этой поэмы, представляется не случайным: по живости, остроумию и игре *Руслан и Людмила* близка галльскому духу. Выполненный Эмилем Дюпре де Сен-Мором (E.-D. de Saint Mor) перевод был удачен, но успех повторится не скоро.

Примечательно: поначалу популяризаторами поэта в Париже стали не французы, а проживавшие там (или посылавшие туда свои корреспонденции) двуязычные русские. Первая подписанная рецензия, появившаяся в «Revue encyclopédique», принадлежала С.Д. Полторацкому^{****}, сообщавшему о ссылке Пушкина в Бессарабию за сочинение «остающихся неизданными пьес: *Ода на Свободу* (*Ode sur la Liberte*), полная

^{***} «Revue Encyclopédique», 1821. Т. 9. Cahier 26. Fevr. P. 382. (В дальнейшем «RE».) Цит. по: *Дмитриева И. Л.* Прижизненная известность Пушкина за рубежом. Франция // ПИМ XVIII–XIX. С. 267. В дальнейшем: *Дмитриева И. Л.*

^{****} С.Д. Полторацкий, знакомец Пушкина, прапорщик Квартирмейстерской части, позднее – библиограф и библиофил. Заметка не прошла Полторацкому безнаказанно, она стала причиной его вынужденной отставки и высылки в деревню под надзор полиции.

одушевления, поэзии и высоких идей и *Деревня (La Campagne)*, в которой <...> после прелестной и верной картины красот природы и сельских удовольствий, он (Пушкин. – Л. В.) плачется о печальных действиях рабства и дикости, выражая в стихах, полных силы и энергии, сладостную надежду на светлую зарю свободы для своей родины»****. Журнал «Revue encyclopedique», ставший в 1820–1830-е гг. главным популяризатором поэта во Франции, опубликовал в 1825 г. отзыв Я. Н. Толстого на первую главу *Евгения Онегина*: «Удивительно правдиво изображены все петербургские развлечения. Описание петербургского театра показалось нам особенно заслуживающим внимания»*****. Похвалу заслужила и поэма *Цыгане*: «Она выше всего, что создала до сих пор блестящая муза этого поэта»*****. Вышедший в конце 1825 г. первый сборник *Стихотворения Александра Пушкина* вызвал лестные отзывы в адрес поэта, «отличающегося как образованием и умом, так и пышностью и блеском воображения»*****. Особо отмечались *Ода к Свободе*, *Деревня* и элегия *Андрей Шенье*, где автор вкладывает в уста французского поэта «мужественные и сильные слова против деспотизма». Популярности Пушкина активно способствовал секретарь редакции «Revue encyclopedique» Эдм Эро (Edme Héreau), свободно владевший, благодаря печальному обстоятельству (он был сослан в Сибирь на семь лет, с 1812 по 1819 год), русским языком: из 22 сообщений о Пушкине, напечатанных в двадцатые годы в «Revue encyclopedique», 7 принадлежали ему.

В 1830 г. видную роль в пропаганде Пушкина во Франции сыграл Э. П. Мещерский, писавший о поэте как «о самом удивительном гении, когда-либо появлявшемся в России <...>»,

**** «RE», 1822. Т. 16. Cahier 46, Oct. P. 119-120.

***** «RE», 1822. Т. 16. Cahier 46, Oct. P. 119-120.

***** Ibid

***** «RE», 1826. Т. 31. Cahier 92. Aout. P. 406.

достигнувшем в свои 30 лет «не только бессмертной славы, но также признания своего рода непогрешимости, права верховного решения, столь же необходимого в литературе, как и в политике, для окончательного установления нового порядка вещей»^{*****}. Однако апологетические статьи не могут сделать популярным иноязычного поэта, достичь этого могли бы только адекватные переводы его поэзии, а их не было: «Истинного успеха во Франции Пушкин не имел»^{*****}.

Краткую вспышку интереса к Пушкину вызвала его дуэль с Дантесом. В феврале – марте 1837 г. на это трагическое событие отозвались многие парижские газеты: «Journal des Débats», «Courrier Français», «Gazette de France», «Le Temps», «Le National», «Journal de Commerce», «Le Moniteur» и др. В них живо обсуждалась сенсация: первый поэт России застрелен на дуэли рукой француза^{*****}. Однако серьезного разговора о Пушкине-художнике не возникло и теперь: «обращали внимание не на личность поэта и его творчество, но главным образом на обстоятельства его дуэли и смерти, придавая трагическому событию окраску скандальной сенсации в жизни русского большого света»^{*****}. В «Revue de Deux Monde» была напечатана статья некоего Шарля Бедье, писавшего о «безудержной» страсти поэта к дуэлям. На нее в 1832 г. в одном из швейцарских журналов откликнулся

^{*****} Цит. по: *Дмитриева Н. Л.* 275.

^{*****} *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856).

^{*****} О дуэли существует обширная научная и псевдонаучная литература, включающая множество взаимоисключающих гипотез. Мне близка концепция Ю. М. Лотмана (см.: *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Ленинград. 1981. С. 222–250), но с одним уточнением: нельзя исключать возможности сильного взаимного чувства двух внешне привлекательных молодых людей одного возраста (см.: *Vitale Serana.* Il bottone di Puškin. Milano, Adelphi Edizioni. 1995).

^{*****} См.: *Дмитриева Н. Л.* 277.

французский историк и публицист граф Сиркур (le Comte de Sircourt): «Люди, которые особенно глубоко постигли его (Пушкина. – Л. В.) характер, особенно полно изучали его сочинения <...> считают своим долгом опровергнуть обвинения, затрагивающие одну из важнейших сторон репутации Пушкина»*****.

На фоне легковесных сообщений французской прессы резким диссонансом прозвучал напечатанный 27 мая 1837 г. в газете «Глобус» («Globe») некролог, подписанный «Ami de Pouchkine» («Друг Пушкина»)*****. Думается, у автора (им был А. Мицкевич) были веские основания и, прежде всего, соображения *национальные*, чтобы не обнародовать свою фамилию (главное из них – запутанность и сложность польско-французско-русских отношений). В некрологе, в отличие от всех появившихся на тему дуэли статей, раскрывались социальные корни пушкинской трагедии. Эту мысль Мицкевич повторит через шесть лет читая лекцию о Пушкине в парижском College de France: «М. Полевой говорит, что русский поэт был загублен (буквально: «разорван» – «dévoté». – Л. В.) светом, но правильнее было бы сказать, что он был загублен правительством, сопротивляться которому у него не было больше сил»*****.

Широко посещавшийся курс Мицкевича *Славяне* (1842–1843 (на нем бывали профессора Мишле и Кине, писатели Сэнт-Бёв, Жорж Санд, Жерар де Нерваль, Монталамбер)*****

***** Цит. по: *Заборов П. Р.* Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г. // *Временник пушк. комиссии*, 1975. Л., 1979. С. 136–137.

***** Русский перевод некролога за подписью *Друг Пушкина* в статье «Пушкин и литературное движение в России». См.: *Мицкевич А.* Собр. соч. в 6 томах. Т. 4. С. 89–97. В дальнейшем: *Мицкевич*.

***** *Mickiewicz Adam.* Les Slaves, cour professe au College de France (1842–1844). Paris, 1866. P. 81.

***** *Wiktor Weintraub.* Profesia i profesura. Mickiewicz, Michelet i Quinet. Var-sovie, 1975.

способствовал в какой-то мере знакомству Франции с Пушкиным. Однако оценка Мицкевичем Пушкина-художника была достаточно «амбивалентной»: значение Пушкина им, парадоксальным образом, одновременно *снижалось* и *поднималось* (больше – первое). Единственный поэт во Франции, в совершенстве владевший русским языком, который мог бы раскрыть французам всю полноту неповторимого пушкинского таланта, этого сделать, увы! не захотел (или не смог). Позднее его концепция будет вызывать бурные споры и дискуссии, породившие впоследствии объемную научную литературу. Речь идет о рефлексии Мицкевича над творческой связью «Пушкин – Байрон». Мицкевич стремится точно расставить акценты в соотношении категорий «подражательности» и «самобытности». Решение проблемы оказалось по силам лишь таким крупным пушкинистам XX в. как В.М. Жирмунский^{*****} и Г. М. Фридлендер^{*****}. Мицкевич сильно преувеличивает влияние Байрона: «В его (Пушкина. – Л. В.) произведениях первого периода все байроновское – *и тема, и характеры, и идея, а форма*» (курсив мой. – Л. В.)^{*****}. Однако он тут же сам себя «подправляет»: «Но при этом Пушкин не столько подражал его произведениям, сколько находился под воздействием духа своего любимого поэта <...>, он был, вернее, если можно так выразиться, «байронствующим». Если бы произведений английского поэта вовсе не существовало, Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи»^{*****}. Трудно согласиться с мнением

^{*****} Жирмунский В. М. Пушкин и Байрон. Пг., 1924.

^{*****} Фридлендер Г. М. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе (К характеристике повествовательной структуры и образного строя poem Пушкина и Байрона) // ПИМ. Т. 7. С. 100–122.

^{*****} Мицкевич А. С. С. 89–97.

^{*****} Там же.

Н.Л. Дмитриевой, что оценка Мицкевича содействовала «укреплению надолго представления о нем (Пушкине. — Л. В.) как о подражателе Байрона»; оценка зависела от *установки* — что в ней хотеть найти. Заметим, что споры о том, принес ли Мицкевич своей статьей восприятию Пушкина во Франции больше вреда или пользы, продолжаются и сегодня *****.

При всей популярности его лекций, кардинально изменить ситуацию Мицкевич не мог, так же как не мог и Александр Дюма, пропагандировавший Пушкина как гениального поэта и героическую личность (очерки *Поэт Пушкин*, опубликовавшиеся в его журнале «Граф Монтекристо» в 1858–1859 гг. *****). Даже Флобер почитал Пушкина «банальным поэтом» (русским языком он, как де Кюстин, не владел, а переводы были ниже всякой критики). Среди немногих читателей во Франции, владевших русским языком и восхищавшихся Пушкиным, все больше укреплялось убеждение: его поэзия на французский язык *непереводима*.

Некоторый поворот к лучшему произошел благодаря Просперу Мериме: именно он, создав качественные переводы прозы, *открыл* Франции *Пушкина-прозаика*. После него целое столетие (с середины XIX в. до середины XX в.) знакомство читателя с *Пиковой дамой*, *Выстрелом*, *Метелью* во Франции происходило исключительно благодаря его переводам *****. С конца сороковых годов «верный вассал Пушкина» («Chevalier servant de Pouchkine» *****), Мериме

***** Напр., на конференции 2006 года в СПб., посвященной памяти Е.Г. Эткинда, *Русская поэзия в западноевропейском контексте*, после доклада Е. Ларионовой *Пушкин и Мицкевич* на эту тему разгорелась живая дискуссия.

***** См.: Сашина Е. В. Александр Дюма об Александре Пушкине // Беллетристическая пушкиниана. С. 84–91. Там же и литература.

***** См: Mongault H. Introduction // Mérimée P. Oeuvres complètes Etudes de la littérature russe. T. 1. Paris, 1931. P. XVI.

***** Ibid. P. XXXIII.

активно популяризирует творчество поэта. В статье *Alexandre Pouchkine* (1868) он возносит ему высокую хвалу и называет «лучшим европейским поэтом»^{*****}. Можно спорить о степени владения Проспером Мериме русским языком, но тот факт, что он в сороковые годы берет уроки русского языка, активно общается с С. А. Соболевским, Л. С. Пушкиным, И. С. Тургеневым, учитывает их советы при переводе пушкинской прозы и поэзии (стихами Мериме ее переводить не решался^{*****}), неоспорим. Сам он неизменно восхищался русским языком, «сжатость и богатство» которого «не может не смутить даже самого искусного переводчика»^{*****}.

После Мериме должное Пушкину воздал авторитетный французский славист, автор монографии *Русский роман*, Э. М. Вогюе (Е.-М. Vogue. *Roman russe*, 1888). В главе о Пушкине, отметив лаконизм и ясность его стиля, ученый писал: «Этот алмазный язык (*cette langue de diamant*) не передаваем ни на каком другом языке»^{*****}.

Столетний юбилей со дня рождения Пушкина Франция встретила прохладно; на празднование в Петербург не поехал ни один из крупных славистов, лишь пять писателей послали юбилейному Комитету свои поздравления (Жюль Берн, Франсуа Копе, Эжен Вогюе, Жюльет Адам, Марсель Прево)^{*****}. О французских журналистах, приехавших на празднование, корреспондент «Санкт-Петербургской газеты», скрывшийся за псевдонимом «Vox», с горечью писал: «Я совсем не удив-

^{*****} См.: Михайлов А. Д. Комментарий к статье Монго // Мериме П. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. М., 1963. С. 376-378.

^{*****} Мерные удачно перевел *Пиковую даму* (1849), но стихи перелагал прозой – *Цыганы*, *Анчар*, *Опричник* (1863).

^{*****} Мериме П. Статья о Н. В. Гоголе.

^{*****} *Vogue E.-V. Roman russe*. Paris, 1888. 2-e edition. P. XII.

^{*****} См.: Zaborov P. Les échos en France du jubilé de Pouchkine en. 1899 // L'Universalité de Pouchkine Paris. Institut d'études slaves, 2000. P. 295-302. В дальнейшем: Zaborov P.

люсь, если на страницах их журналов вместо имени Пушкин будет стоять Мушкин или Кушкин <...>. Очевидно, что имя *Пушкин* не говорит французам ничего. Они поехали, чтобы увидеть, как русские чествуют своего поэта, но кто этот поэт и что он дал русской литературе, они не знают»^{*****}.

Двадцатый век несколько изменил ситуацию к лучшему, положительную роль сыграли юбилеи. Столетие со дня гибели поэта было отмечено в 1937 г. во Франции многими актами (заседания, встречи, выставки, была выпущена медаль с изображением Пушкина); во всех этих мероприятиях видную роль сыграл страстный поклонник Пушкина, энтузиаст-меценат Сергей Лифарь^{*****}.

Значительный вклад во французскую пушкинистику внес крупный исследователь русской литературы, славист широкого профиля, Андрей Менье (Andre Meunieux). С середины 1950-х гг. начинают выходить его статьи о Пушкине. Менье был убежден; перевести пушкинскую поэзию стихами невозможно, можно – только прозой, в лучшем случае слегка ритмизованной. По его мнению, при переводе Пушкина следует отказаться от *рифмы* и *строфики*; это убеждение он отстаивал всю жизнь. У него было много сторонников: «Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов завоевали Францию, и лишь Пушкин остается узником своего национального языка»^{*****}. О том же писал Клод-Мишель Клюни: «Несчастье Пушкина в том, что он поэт. Несчастье – потому, что он приговорен разочаровывать всякого, кто не может читать его по-русски»^{*****}. Такой взгляд опровергали прекрасные переводы М. Цветаевой.

^{*****} Цит. по: Zaborov P. С 297.

^{*****} См.: Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. М., 1960.

^{*****} Troyat H. Pouchkine. Biographie, Plon, 1963. P. 823.

^{*****} Цит. по: Дмитриева Е. Е. Решая загадку Пушкина (Французское пушкиноведение 1960–1980-х годов) // «Вопросы литературы». 1985. № 3. С. 227.

А. Менье выпустил в 1953 г. на французском языке два переводных тома «А.С. Пушкин. Драммы, романы и повести». Анри Труайя, много сделавший для популяризации Пушкина во Франции, автор книги *Пушкин (Pouchkin, 1946)*, воздал Менье высокую хвалу за то, что тот «исправил старую несправедливость к одному из самых великих писателей мира»^{*****}. А. Менье защитил в 1966 г. докторскую диссертацию в Парижском университете и на эту тему издал книгу – *Пушкин. Писатель и профессиональная литература в России (J. Meynieux. Pouchkine. Homme de lettre et la littérature professionnelle en Russi, 1966)*. В ней Пушкин – центральная фигура в борьбе русских литераторов за писательские права. «Этот французский труд <...> о той роли, которую он (Пушкин. – Л. В.) сыграл в истории русской общественной мысли и культуре, – писал М. П. Алексеев, – оставляет далеко позади себя все предыдущие работы о Пушкине, появившиеся на французском языке»^{*****}.

В шестидесятые годы XX в. многие пушкинисты, продолжая традицию Е. Омана, М.-Р. Хофмана, А. Мазона^{*****}, А. Лиронделя, считают первостепенной задачей познакомиться французов с творческой биографией поэта. Анри Труайя издает Биографию Пушкина (Н. Troyat. Pouchkine. Biographie 1965), Жан-Луи Баке – Пушкин, рассказанный через самого себя (J.-L. Backes. Pouchkine par lui-même, 1966), Г. Жюэн – Пушкин (G. Juin. Pouchkine, 1956), Елена Иссерлис – Александр Пушкин. Слава русской поэзии. Жизнь великого писателя, рассказанная молодым (Н. Isserlis. Aleksandre

^{*****} Цит. по: Алексеев М. П. Некролог Андрей Менье // ВПК 1967–1968. Л., 1970. С. 130. В дальнейшем: Алексеев М. П.

^{*****} Алексеев М. П. С. 134.

^{*****} Одна из заслуг А. Мазона: он воскресил в 1964 году забытое творчество Э. П. Мещерского, опубликовав через 120 лет после его смерти его прекрасные переводы поэзии Пушкина.

Pouchkine. Gloire de la poesle russe. La vie du grand ecrivain, raconte a la jeunesse, 1965).

В семидесятые-восемидесятые годы французских ученых начинает все больше привлекать поэта Пушкина (N. Nevo, N. Labrecque, H. Socie и др.); уровень пушкиноведения в стране заметно возрастает. В 1999 г. в Сорбонне состоялось одно из самых больших на планете юбилейных празднеств, посвященных 200-летию со дня рождения поэта. Торжественный Форум проходил «под патронажем» президента Франции Жака Ширака, пресса широко освещала конференцию, в Саду Поэтов был открыт памятник Пушкину^{*****}. Доклады, прочитанные французскими учеными (среди них Е. Эткинд, Ж. Бонамур, В. Трубецкой, М. Никё, А. Монье, М. Сеймон, Ж. Брейар, Л. Мартине, М. Кадо, К. Депретто и др.), свидетельствовали о высоком уровне французской пушкинистики. Итогом Форума стал фундаментальный труд Универсальность Пушкина (L'Universatite de Pouchkine, 2000).

В конце XX в. была решена и казавшаяся непреодолимой трудность перевода поэзии Пушкина: замечательные французские переводчики-полиглоты, вышедшие из школы Е.Г. Эткинды, представили поэтические произведения Пушкина в адекватном стихотворном переводе; вышел прекрасный емкий юбилейный том, снабженный параллельными русскими текстами: «А. С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на французский язык» (Москва, 1999). И, наконец, последний значительный успех – победа над трудностями перевода Евгения Онегина. В 2005 г. французы получили возможность постичь обаяние пушкинского шедевра: вышел в свет Евгений Онегин в прекрасном переводе Андрея Марковича.

^{*****} Бюст работы скульптора Юрия Орехова, подаренный Парижу мэром Москвы Ю. М. Лужковым.

Таким образом, можно сделать вывод о постепенном накоплении позитивных факторов в судьбе Французского Пушкина. И все же утверждать, что русский поэт стал широко известен стране, было бы преувеличением; только исключительно благоприятная ситуация в развитии русско-французских культурных связей (новый всплеск интереса к России, увлечение русским языком и литературой, усиление контактов) могли бы привести к желаемому результату. В настоящее время несомненно одно: не владеющий русским языком французский читатель, жаждущий познакомиться с творчеством великого поэта, такую возможность обрел. С этой точки зрения судьба Французского Пушкина состоялась.

Н. Калининкова

Пушкин о Франции и французской культуре

Для Пушкина французская культура имела огромное значение, с ней он был знаком с детства. Воспитателями Пушкина были французы: граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец, Русло, хорошо писавший французские стихи, Шендель и др. Ближайшие родственники Пушкина были галломанами. Франция становилась посредницей между русскими читателями и всей мировой культурой. В 1820-е годы литературные группировки Франции, полемика в прессе и на театральных подмостках привлекают внимание Пушкина. Он читал во французских переводах немецкую, английскую, итальянскую литературу, обращение к тому

или иному писателю было подсказано интересом к нему во французской среде. Пушкинское увлечение Байроном, Скоттом совпадает со временем популярности этих писателей во Франции. Позднее Пушкин обратится к творчеству Вордсворда и лейкистов под влиянием Сент-Бёва.

Пушкин был в курсе всех событий Франции, как крупных, так и небольших. Мелочи французского быта Пушкин знал отлично, хотя никогда не покидал пределов своей родины. Газет, рассказов ездивших во Францию, было для него достаточно, чтобы жить интересами Парижа, о чем свидетельствует упоминание ресторана *Vergé* в 6 главе «Евгения Онегина», характеристика театральной жизни Франции в «Графе Нулине», где названы известные актеры м-ль Марс и Потье, в черновиках «Домика в Коломне» есть строчка о «Мазюрье в образе Жоко» (речь идет о поставленной в театре *Forte Saint-Martin* мелодраме «Бразильская обезьяна», 1825). В переписке Пушкина упоминаются трагедии «Сцилла» («*Sylla*», 1821) Жуи, «Леонид» («*Léonidas*», 1825) Пиша, «Последний день Тиберия» («*Dernier jour de Tibère*», 1828) Арно. Пушкин был в курсе успехов французского театра, причем очень быстро узнавал о самых интересных постановках, о чем свидетельствуют его письма.

Интерес Пушкина к политической жизни Франции, характерный еще для лицейских лет, не ослабевающий в 20-е годы, еще более усиливается после 1830 г., когда события июльской революции и ее последствия привлекают его пристальное внимание. Под влиянием Июльской революции 1830 г. и последующих событий Пушкин начал работать над историей Французской революции. Для Пушкина эти факты не политическая хроника, а картина социального переворота, с точки зрения которого можно оценивать современность и политическую борьбу данного исторического момента. От

этого труда сохранились наброски и подготовительные материалы, куда входят выписки из газетных статей, конспекты и высказывания различных французских политических деятелей. Восприятие Пушкиным истории Франции, событий Французской революции 1789–1793 гг. непосредственно связано с более поздними событиями: Тильзитский мир, война с Наполеоном 1812 г., Реставрация Бурбонов и др. Он с интересом читает французскую периодическую печать, своевременно поступающую в Россию.

До середины 20-х годов события Французской революции рассматривались Пушкиным с позиции либерального учения естественного права. Великая французская революция в сознании Пушкина непосредственно связана с казнью Людовика XVI, диктатура Наполеона воспринималась как последствие революционных событий и возмездие за них. Эти оценки связаны с мнением деятелей либеральной оппозиции, высказанным в статье Жермены де Сталь «Взгляд на французскую революцию» (1817), выступлениями в Палате депутатов Манюэля и Бенжамена Констана. Поражение декабристов, деятельность Александра I привела к пересмотру позиций, о чем свидетельствует переписка с друзьями и оценки революции в творчестве. Пушкин проявляет интерес к романтической исторической школе Гизо, Тьерри, Баранта и др.

Состав библиотеки Пушкина, где сохранились сборники отчетов о прениях в Конвенте, изданные в 1828 г., отчет о процессе Людовика XVI, история революционных войн Жомини, сочинения Мирабо, Шатобриана, Ж. Де Сталь, Констана, исторические труды Тьера и Минье и др. отражает его интерес к истории Франции. Изучая историю Франции, Пушкин особое место уделяет эпохе феодализма читает и делает выписки из книг Рануара «История муниципального

права во Франции», Вольтера «Опыт о нравах» и «История Парижского парламента», Монтескье «Дух законов» и др. Интересом Пушкина к истории Франции можно объяснить наличие в библиотеке книги Дюфе «История французских коммун и муниципального законодательства от конца XI века до наших дней».

Пушкинская «История Французской революции» была задумана как социальная картина крушения феодализма, поэтому столь важными оказались труды французского историка Лемонте, в частности его «обозрение царствования Людовика XIV». Пушкин обращался к истории с целью познания современности, данное понимание историзма определило в целом подход к рассмотрению французской истории и отразилось в произведениях 30-х годов.

Неизменным оставался интерес Пушкина к французской литературе (этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения), отметим основные критические статьи, содержащие суждения русского писателя. В опубликованных статьях «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» (1825), «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825), рецензии на сборники стихов Сен-Бёва Пушкин дает оценку романтической лирике. В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» (1836) речь идет о романистах новой школы. Но наиболее полно раскрывает воззрения Пушкина статья, оставшаяся в рукописи «О ничтожестве литературы русской» (1834), при работе над которой он использовал неоконченную статью «О поэзии классической и романтической» (1825). Ряд отзывов и критических замечаний содержатся в переписке Пушкина с друзьями, они особенно важны тем, что, как правило, это первые впечатления от прочитанного.

Итак, Франция и ее культура всегда привлекали внимание Пушкина, более того, этот интерес нашел отражение в творчестве великого русского писателя.

(По материалам публикации: Калининкова Н.Г. А.С. Пушкин о Франции и французской культуре // XI Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Часть 1: Сборник статей и материалов / Отв. ред. Вл. А. Луков. М.: МПГУ, 1999).

ПУШКИН И ИТАЛИЯ

Алексей Букалов

«С Пушкиным на дружеской ноге»*

*Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник...*

Осип Мандельштам

Знакомство итальянцев с творчеством Пушкина началось еще при жизни русского поэта. Точнее, в третьем десятилетии XIX века, когда Пушкин еще даже не завершил «Евгения Онегина». Его имя впервые появляется в статье известного флорентийского писателя и критика Николо Томмазо, друга Мадзони и, между прочим, автора первой рецензии на его роман «Обрученные». Он писал в журнале «Антология» в 1828 году: «Если примеру Александра Пушкина, национального поэта и любимца молодого императора, смелее последуют и вместо того, чтобы перенимать чужеземные навыки и вкусы, сильные духом будут стремиться к очищению, к совершенствованию обычаев и знаний, свойственных их правлению, их климату, их привычкам, их потребностям, тогда сияние, день ото дня распространяющееся над этим мерзлым краем, не будет напрасным блеском, а лучом живым и плодотворным». Этому тексту предшествовала подборка переводов из Крылова и очерк русской культуры, принадлежащий перу Джузеппе Монтани и датированный августом 1826 года.

* Букалов А.М. Пушкинская Италия. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 237–259.

Вскоре на творчество Пушкина обратил внимание один из самых знаменитых деятелей итальянского Рисорджименто, вождь его республиканско-демократического крыла Джузеппе Мадзини, основатель патриотического движения «Молодая Италия». Будущий глава правительства Римской республики написал в 1829 году в том же журнале статью о европейской культуре, где заметил, что новая европейская тенденция ощутима «и в России, стране, вышедшей из варварства», и приводил в пример стихи Пушкина и Козлова**.

Вскоре в Италии появились первые статьи и рецензии, сопровождаемые и первыми переложениями Пушкина на итальянский. Вальтанколи Монтазио опубликовал серьезный разбор творчества Пушкина, росло число переводов: от Роккеджани и Боччеллы, первооткрывателей пушкинской лирики, до Делатре и Чампи. Антонио Роккиджани выпустил в Неаполе в 1834 году «Кавказский пленник». Эта же поэма в анонимном переводе (его автор указан как toscano, тосканец) появилась на итальянском языке в Одессе в 1837 году. Два года спустя Микеле Санторио публикует в Милане прозаические переводы «Русалки» и «Песни о вещем Олеге», а затем там же, в журнале «Fama» («Слава») напечатан перевод «Пиковой дамы»***.

Благодаря обстоятельным изысканиям Н.П. Прожогина, итальянских ученых Клаудии Ласорсы и Стефано Гарзонио и других исследователей, мы имеем возможность довольно

** *Un Italiano /Mazzini G.J D'una letteratura europea*, in «Antologia», novembre-dicembre 1829, in: *Mazzini G. Scritti editi ed inediti*, i, Imola, 1901, p.217.

*** *Геннади Г.Н.* Переводы сочинений Пушкина (Библиографический указатель), в сб.: «Библиографические записки», 2–3, 1859; *Damiani Enrico.* Quel che c'è di Puškin in italiano, in: *Alessandro Puškin nel primo centenario della morte*, Roma, 1937, pp. 333–347.

полно представить себе начальный этап знакомства Италии с пушкинской Музой****.

В 1835 году маркиз Чезаре Боччелла, тосканский литератор, издал в Пизе отдельной книжкой перевод поэмы И.И. Козлова «Чернец». Затем он выпускает (уже после смерти Пушкина) сборник под названием «Четыре главные поэмы Александра Пушкина, переведенные Чезаре Боччеллой» (1841). В него вошли «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Братья разбойники». Пушкинские тексты переведены белыми стихами. Обращает на себя внимание парадоксальное отсутствие в сборнике «Евгения Онегина». Его объяснил в предисловии сам переводчик, назвав пушкинский роман в стихах хотя и «неподражаемым и точным», но все же лишь «живописанием нравов провинции, весьма далеких от утонченности нравов больших городов, в глазах обитателей которых первые, часто несправедливо, выглядят столь смешными». По мнению Боччеллы, роман Пушкина, «как и романы Булгарина, вещь сугубо местная, которая никогда не могла бы представить всеобщего интереса для публики, не знакомой с Россией*****. Думаю, «неистовый Виссарион» с таким отзывом не согласился бы: он-то считал пушкинский шедевр «энциклопедией русской жизни»!

«Не будем слишком строги к Боччелле, – справедливо предлагает Н. Прожогин. – Сам он не знал русского языка и

**** *Прожогин Н.П.* Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла. В сб.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 60–75; *Прожогин Н.П.* Кто помогал Боччелле переводить Пушкина? В сб.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1980. Л.: Наука, 1983. С. 142–144; *Ласорса Клаудиа*. Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828–1856). – *Русская литература*, 1970. № 4. С. 95–105.

***** *A. Pouschkine*. I quattro poemi maggiori, tradotti da Cesare Boccella. Pisa, Co' caratteri di Didrot, MDCCCXLI. Интересно отметить, что в 1829 году Боччелла опубликовал в Пизе свою собственную элегию «На смерть И. Пиндемонте».

о содержании произведений русских авторов первоначально мог судить только по пересказу... Работая над переводами, Боччелла пользовался тем, что теперь называют подстрочниками». Сам переводчик в предисловии к пушкинскому изданию заявил, что «...наше почти полное незнание речи Пушкина не показалось нам непреодолимым препятствием». Переводы Боччеллы, впрочем, выдержали испытание временем: итальянский русист Клаудиа Ласорса отмечает, что они «и сегодня читаются с увлечением, ибо исполнены поэтическим и романтическим трепетом». Среди тех, кто делал для Боччеллы французские подстрочники, – Елизавета Шереметева (урожденная Мартынова) – родная сестра Николая Мартынова, чья дуэль с М.Ю. Лермонтовым в 1841 году завершилась трагической гибелью поэта. (Она умерла в 1891 году и похоронена в Риме на «некатолическом» кладбище «Тестаччо»).

Боччелла предложил читателям выразительный портрет поэта: «Александр Пушкин был человеком скорее маленького роста, внешне некрасивым, имевшим что-то странное в облике; он происходил от негра и сохранил типичные черты негритянской расы, то есть курчавые волосы, пухлые губы и приплюснутый нос. Его глаза от этого были не менее прекрасны и искрились живейшим огнем». Одно время высказывались предположения о личном знакомстве Пушкина и Боччеллы, но пока факт поездки итальянского маркиза в Россию нельзя считать доказанным*****.

Скорее всего, описание Пушкина сделано со слов других русских знакомых Боччеллы, а таковых Н. Прожогин насчитал аж 120 человек! В библиотеке поэта на Мойке сохрани-

***** Например, Лазарь Черейский уверенно помещает Боччеллу в список пушкинских знакомых. См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1976. С.44.

лось издание упомянутого нами перевода Боччеллой поэмы Козлова «Чернец» с дарственной надписью на обложке: «А М-г Pouschkin» – «Г-ну Пушкин»*****.

Приведем и характеристику пушкинской поэзии, данную Боччеллой: «Простая по форме и далекая от всякой тени выпренности, его поэзия, по словам русских, является по языку подлинной музыкой и звучит очень нежно даже для иностранного уха», и добавляет, что Пушкин «обладал тем, что могло бы быть названо трудолюбивой легкостью. Наделенный умом обширным и наблюдательным, он быстро схватывал, но много размышлял над исполнением». И далее: «Пушкин был общепризнанным гением, одним из немногих поэтов, которые оказывали столь мощное воздействие на массу своих современников, что они могли еще при жизни получить в награду их самое восторженное восхищение; его смерть была оплакана как подлинно национальное бедствие и оставила невосполнимую пустоту в русской литературе». (Перевод с итальянского Н.Прожогина.)

В принципе, первые сведения о Пушкине попали в Италию через итальянскую и немецкую критику. Но и русские путешественники, о которых мы рассказывали в первой части книги, внесли свой вклад в распространение пушкинской поэзии на Апеннинах. К ним присоединились и итальянцы, бывавшие по разным причинам в России, среди них Джузеппе Рубини, Микеланджело Пинто, граф Миньато Риччи. Этот последний перевел стихотворения «Демон» и «Пророк» (они были опубликованы только век спустя, в 1934 году в Москве). Риччи был постоянным посетителем «академии»

***** Книга не содержит пометок, но разрезана. См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С.263. Такое же издание, с аналогичным авторским посвящением, было и у В.А. Жуковского.

З.А. Волконской (как сама княгиня называла свой московский салон). Молодой красивый итальянец был женат на русской певице Екатерине Луниной. (Сохранились строки из письма Пушкина: «Еду сегодня в концерт великолепной, необыкновенной певицы Екатерины Петровны Луниной». Еще раньше, в стихотворении «Тургеневу» Пушкин напомнил эпизод из светской жизни: «Среди веселий и забот / Роняешь Лунину на бале»). Риччи не только сам исполнял неаполитанские романсы и арии из опер, но и писал стихи и делал переводы. Он, как мы видели, состоял в переписке с Пушкиным, но сохранились только два письма Риччи (от марта-апреля и 1 мая 1828 года, по итальянски). Там Риччи просит Пушкина высказать мнение о его переводах на итальянский «Демона» и «Пророка» и прислать несколько отрывков из «Бориса Годунова». Пушкинских ответов на письма Риччи, к сожалению, пока найти не удалось *****.

Есть, правда, в пушкинском эпистолярном наследии одно шутовское упоминание об этом итальянском переводчике. В январе 1829 года Пушкин вырвался из Москвы в Петербург и пишет П.А. Вяземскому: «...Я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай Бог ей ни дна ни покрывки; т.е. ни Италии, ни графа Риччи!)» (XIV, 38).

***** Пикантную подробность сообщили Иван Бочаров и Юлия Глушкова: «Граф был очень пригож собою и довольно скоро стал соперником другого итальянца, Микеланджело Барбьери в сердечных привязанностях графини <Волконской>, что уже в 1828 г. привело Риччи к разводу с талантливой, но не красивой женой». (Бочаров И.Н., Глушкова Ю.П. Салон З.А. Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей, в сб.: Россия и Италия, встреча культур, вып. 4, М.: Наука, 2000. С.157). См. также: *Они же*. Новые материалы о Пушкине и его окружении из архива Зинаиды Волконской, в сб.: Вестник РГНФ. 1999. № 1. С.68–82; Щёголев П. Пушкин и граф Риччи. Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С.562–568; Базанкур О.Г. Переводчик Пушкина – Риччи, в сб.: Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1941. № 6. С.424–429.

Вернемся, однако, к истории знакомства с Пушкиным в Италии. В середине XIX века делаются попытки сравнения итальянской и русской литератур с точки зрения идей Рисорджименто: именно с таких позиций проявляется интерес к свободолобивой лирике Пушкина в публикациях Тенки, Тезы, Де Кубернатиса, в монографических работах Чамполи и Лозини. О Пушкине пишет и жена Де Кубернатиса Софья Безобразова, и русский литератор Степан Шевырёв, который был знаком с Пушкиным, выпустил во Флоренции, вместе с Дж. Рубини обстоятельную «Историю русской литературы» (*Storia della letteratura russa*, 1862). В Милане в 1874 году опубликована брошюра «Пушкин в оценке Кастелара», где пересказываются взгляды на творчество русского поэта, высказанные испанским писателем и политическим деятелем Эмилио Кастеларом. Стимулом для роста интереса к Пушкину на стыке веков стали празднования на родине поэта в 1880 году (в связи с сооружением памятника Пушкину в Москве) и первые юбилейные торжества 1899 года. (Среди самых активных авторов – Вердиноис, Кассоне, Фолкес.) В начале XX века впервые уделяется внимание не просто жизненному пути и главным творческим свершениям русского поэта, по и его связям с Италией вообще и с итальянской литературой в частности. Появились исследования о реминисценциях из Мандзони, Парини, Ариосто и других авторов (см. главу «Поэты Юга, вымыслов отцы» в первой части этой книги). Отметим, что в XX веке итальянские литературоведы в изучении Пушкина во многом опирались на труды своих российских коллег и на исследования видных представителей русской диаспоры, в том числе и живших в Италии. Например, трудно переоценить вклад в итальянскую пушкиниану, сделанный Вячеславом Ивановым, Анной Колпинской, Евгением Шмурло, Александром Амфитеатовым. Рядом с ними вырастали

кадры пушкинистов-итальянцев: Энрико Дамиани, Биолато Миони, Винченцо Ферруччо Борри, Де Фриско, Джованни Гандольфи. Об Этторе Ло Гатто рассказ пойдет отдельно, а пока лишь отметим, что именно с него ведет отсчет итальянская пушкинистика как ветвь филологической науки. Ло Гатто разработал комплексный подход, проводя сравнительные изыскания, перебрасывая мостки от Пушкина к Мицкевичу и к другим славянским поэтам. Этот метод плодотворен и по сей день, достаточно вспомнить прекрасную работу Витторио Страды «Польский вопрос у Пушкина».

Важной вехой стали пушкинские дни 1937 года. Они ознаменовались целой серией памятных акций, информация о которых выглядит довольно куце: «В день столетней годовщины смерти Пушкина во Флоренции была отслужена в Русской церкви торжественная панихида в присутствии русской колонии, представителей итальянской интеллигенции и печати. Настоятель прихода о. Куракин произнес перед панихидой слово. 28 февраля (в Риме) состоялось в зале Британского Института тожественное собрание, на котором выступил с речью А. Харкевич. Артистка Александровского театра О.И. Мусина-Пушкина кроме декламации поделилась со слушателями воспоминаниями о Пушкине ее деда генерала Орлова, в доме которого был написан «Полтавский бой». Л.С. Львова, кн. О.С. Кудашева, И.В. Бутурлина и В.К. Натали прочитали Пушкинские стихи. На собрании выступил также русский хор. 18 апреля в помещении римского Британского института был прочитан В.И. Ярцевым на английском языке доклад о Пушкине для членов Института. После доклада состоялся концерт с участием В.И. Ярцева и певицы М.Э. Кутури»*****.

***** Цит. по: Пушкинские дни в эмиграции (хроника), в сб.: Пушкин в эмиграции. 1937 / Сост. В.Перельмутер. М.: Прогресс-Традиция, 90

Главным событием в череде пушкинских дней 1937 года, несомненно, стал сборник трудов, вышедший по инициативе и под редакцией Ло Гатто, где впервые нашел отражение подлинный интерес в Италии к творчеству великого поэта. Там напечатаны статьи Вяч. Иванова, Л. Ганчикова, Э. Гаспарини, А. Амфитеатрова, Е. Ананьина, Дж. Мавера и др.

Сборник этот, в свою очередь, породил ряд монографических исследований (Пиццагалли, Кайола, Миони) и юбилейных публикаций, из которых наиболее заметным стал специальный выпуск журнала «Римский меридиан», не говоря уже о множестве новых переводов, в том числе онегинского, стихотворного, выполненного Ло Гатто *****.

К 1937 году итальянские исследователи уже активно изучали проблему Пушкин и Италия. Появились работы А.Пиццагалли, Э.Дамиани и П.Бидзилли, обширный и обстоятельный обзор всех имевшихся к тому времени источников предприняла Ада Биолато Миони.

Эстафету приняли пушкинисты Вольф Джусти, Ренато Поджоли, Леоне Пачини-Савой, Энрико Черулли, а затем и

1999. С.638. *Характерная деталь: в 1937 году, как и в 1999 г., пушкинские годовщины отмечались в Италии на «английской территории», – то в Британском институте, то в резиденции британского посла. Конечно, был вечер и на русской вилле Абамелек, но факт остается фактом: в Риме, где действуют три десятка иностранных культурных института, Россия такого центра не имеет. Незадолго до смерти И. Бродский написал письмо тогдашнему мэру итальянской столицы Ф. Рутелли с предложением открыть Русскую Академию в Риме. Это обращение, ставшее, по существу, духовным завещанием поэта, никаких последствий, увы, не имело.*

***** Интересно, что в предшествующем номере этого журнала (17 января 1937 г.) в разгар колониальной войны Италии в Африке, появилась статья Дж. Фрицци «Черный предок Пушкина», в ней страстно доказывалась версия абиссинского происхождения Ганнибала, «арапа Петра Великого». Эту информацию сообщил Стефано Гарзонио в цитированном нами венецианском докладе.

новое поколение: А.М. Рипеллино, Р. Пиккио, М. Колуччи, М.Б. Лупорини, Э. Баццарелли, Ч. Де Микелис, Д. Кавайон. Много интересных авторов группируются вокруг издаваемого проф. Битторио Страдой в Венеции альманаха «Россия/Russia». Например, в шестом номере (1988) опубликованы статьи Н. Эйдельмана «Пушкин и Чаадаев», Мирослава Дрозда «Повествователь в «Пиковой даме», материалы Сергея Аверинцева, Владимира Александрова, Ильи Сермана и других исследователей русской литературы. Параллельно этому изданию Микеле Колуччи публиковал в Риме свой журнал «Russica Romana», куда отдавали свои труды столичные филологи и литературоведы.

Разумеется, такого рода высокие собрания созываются не только по торжественным датам. Например, большой интерес вызвал итало-советский коллоквиум, проведенный итальянской Национальной академией Линчеи в июне 1977 года на тему «Пушкин. Поэт и его искусство». В нем приняли участие не только гости из Москвы и Ленинграда (Г. Степанов, С. Бочаров, Н. Балашов, Р. Хлодовский), но и внушительный отряд итальянских исследователей. Перечислю их доклады на этом форуме: Э. Черулли «Изобразительная структура лирической поэзии Пушкина»; Э. Ло Гатто «Ссылка в деревню и ее окружение как фон лирического вдохновения Пушкина»; М.Б. Галлинаро-Лупорини «От романа в стихах к роману в прозе»; Э. Баццарели «Наблюдения над антологическо-элегической линией и отзвуками поэзии Анакреона в пушкинской лирике»; Э. Пачини-Савой «Гуманность Пушкина».

В университете города Камерино (область Марке, центральная Италия) в начале лета 1985 года под руководством маэстро Валерия Воскобойникова прошел «круглый стол» на тему «Русская литература и музыка», опубликованный отчет о

котором открывался факсимильным воспроизведением первого итальянского перевода либретто оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Среди участников форума: Мария Делогу («Пушкин и музыкальный салон», Чезаре Ди Микелис, Донателла Феррари Браво, Клаудиа Ласорса Сиедина, Лаура Микелетти и другие авторы, известные и новые.

В XX веке предпринималось несколько попыток перевести драму Пушкина «Моцарт и Сальери» на итальянский. Наиболее удачной можно считать выполненный в начале 70-х годов стихотворный перевод, сделанный известным славистом и историком литературы Томмазо Ландольфи (1908–1979)*****.

Одним из самых «пушкинских» событий в Риме на моей памяти стала выставка «Путешествие в Италию» (Итальянские виды в русской живописи XIX века). Она открылась в Центральном выставочном зале (Palazzo d'Esposizione) столицы в июне 1993 года, а затем в октябре переехала на юг, в Сорренто. Сотня великолепных холстов из коллекции петербургского Русского музея рассказала итальянцам об их родине полуторавековой давности больше, чем любая книга или цикл лекций. Русские художники любовно и с тщанием запечатлели на своих холстах сценки городской и сельской жизни, виды Рима, Неаполя, Флоренции, Венеции и Палермо, архитектурные красоты и пейзажи, древние развалины, современные храмы и дворцы. Нет, не зря Российская императорская академия художеств хоть и немного, но все же платила в валюте своим стипендиатам. Их творческие отчеты о стажировке – подлинная панорама Италии пушкинского века. Они рисовали красоты страны,

***** Этот перевод был недавно воспроизведен в приложении к сборнику «Пушкин и Италия», посвященному 200-летию поэта. М: Рудомино, 1999, сост. В.Т. Данченко. С.106–114.

портреты своих итальянских друзей и подруг, а главное – рисовали друг друга на фоне акведуков и триумфальных арок. И получился коллективный портрет русской артистической колонии на Апеннинах – профессионалов и талантливых мастеров, хороших учеников и внимательных наблюдателей. Да вот они все вместе (редчайший случай!) на картине Григория Чернецова «Русские художники на римском форуме» (1842). Поразительное впечатление производит полотно Александра Мясоедова «Римский карнавал» (1839). По центральной улице Вечного города Via del Corso движется нарядная и веселая толпа, сзади виден «военной музыки оркестр». Из всех окон глазуют любопытные, а с одного из балконов за праздником наблюдает группа богатых иностранцев. Тот, что на первом плане, молодой и красивый, картинно бросает цветок римлянке в толпе. Имейте в виду, что это не «картинка с выставки», а официальный документ: художнику Мясоедову, за неимением еще фотографа в штате, интендантским управлением императорского двора было поручено зафиксировать пребывание в Италии (инкогнито, разумеется) наследника российского престола великого князя Александра Николаевича, будущего «царя-освободителя» Александра II. Вот и свита его рядом, всех не знаю, но Василий Андреевич Жуковский, наставник царевича, виден хорошо. Но самым дерзким решением Мясоедова (если учесть, что картина заказная) было изображение нескольких фигур на балконе выше княжеского: там стоит и лорнирует толпу Николай Васильевич Гоголь, рядом с ним – в шляпе – княгиня Зинаида Волконская! На всех этих итальянских видах так легко представить легкую стремительную фигуру Пушкина, столь же естественно пересекающего Корсо, как Невский проспект на знаменитой «панораме» Василия Садовникова. Итальянские посетители тоже это невидимое

присутствие ощутили. Не случайно рецензия на выставку в газете «Коррьере делла сера» была шутливо озаглавлена «Пушкинские племяннички».

В моем досье сохранилась ротапринтная афишка, украшенная пушкинским автопортретом, она была вывешена на доске объявлений римской Виллы Мирафьори, где располагаются кафедры и аудитории филологического факультета римского университета Ла Сапьенца. Там сообщалось, что 26 марта 1996 года некий «проф. Алексей М. Букалов, зав. отделением ИТАР-ТАСС в Риме» прочтет лекцию на тему «Пушкин и Италия», приглашаются студенты и преподаватели. После этой лекции было много вопросов и заинтересованного удивления.

Вне «круглых дат» в Италии велась – в тиши кабинетов и читальных залов – ежедневная кропотливая работа ученых, результаты которой поистине стали украшением европейской и мировой славистики. Здесь я хочу назвать два последних фундаментальных издания, которыми итальянские русисты по праву гордятся. Они, строго говоря, выходят за узкие рамки «итальянской пушкинианы», но проникнуты пушкинским пониманием единства культурного пространства мира. Первое называется «Русские в Италии». Этот большой и прекрасно иллюстрированный том вышел под редакцией проф. Витторио Страды в Милане в 1995 году, в издательстве «Шейвиллер».

Вот как восторженно откликнулся на эту публикацию известный московский итальянист и переводчик Виктор Гайдук: «На исходе XX столетия в престижном миланском издательстве стараниями и под редакцией выдающегося литературного критика и проницательного слависта проф. Витторио Страда увидел свет сборник «I russi in Italia». Книга вышла на итальянском языке и к тому же вне коммерческой

сети и уже по одному этому, увы, не доступна российскому читателю. А ведь речь идет о выдающемся событии в культуре, и не только России и Италии, но шире – это факт европейской культуры^{*****}.

В книге представлены работы 41 автора – историков, литературоведов, искусствоведов, языковедов и музыковедов двух стран, вместе они составили уникальную мозаику российско-итальянского культурного взаимодействия на протяжении веков. Список тем и имен блистателен: Дмитрий Лихачёв «Истоки»; Сергей Аверинцев «Итальянский католицизм глазами русских»; Владимир Пугачёв «Братья Поджио и декабристы»; Антонелло Вентури «Русская революционная эмиграция в Италию»; Серджо Романо «Дипломатические отношения»; Юрий Манн «Гоголь и его стремление к Италии»; Лев Лосев «Венеция Иосифа Бродского»; Виктор Гращенков «'Образы Италии' Павла Муратова»; Юрий Молок «Модильяни и Ахматова. Художник и модель»; Леонид Кацис «Мандельштам и Данте»; Чезаре Де Микелис «Панорама русской литературы в Италии»; Фаусто Мальковати «Русский театр в Италии»; Пётр Вайль «Возвращение в Сорренто» и другие. Автор очерка об итальянско-российских кинематографических связях известный кинокритик Тулио Кезич, рассказывая о кинокартине Андрея Тарковского «Ностальгия», замечает: «Ответ на поставленные в фильме вопросы – в заключительном эпизоде: русский дом, заключенный в обрамление развалин древнего итальянского собора. Россия и Италия, как в зеркале». В заключительной статье Пётр Вайль как бы обобщает представление русских об Италии, живущее с пушкинских времен: «Достоинство, преисполненное красотой, – вот что такое Италия».

^{*****} *Гайдук В.П.* Россия и Италия в зеркале... В сб.: Россия и Италия. Встречи культур. Выпуск 4, Москва: Наука, 2000. С.345–352.

Другое важнейшее издание, о котором следует упомянуть в этом обзоре, – монументальная трехтомная «История русской литературной цивилизации», выпущенная в туринском энциклопедическом издательстве в 1997 году под редакцией Микеле Колуччи и Рикардо Пикко. Первый том охватывает период от истоков до XIX века включительно, второй посвящен русской литературе XX века, а третий включил в себя подробный исторический, биографический и библиографический словарь.

Пушкинский раздел (глава четвертая) в первом томе принадлежит перу Юрия Лотмана, это работа увидела свет уже после смерти ученого. Из других авторов отметим Микаэлу Бёминг (университет Ла Сапьенца, Рим), Микеля Акутюрье, Жан Беламур и Жак Катто (Сорбона, Париж), Стефано Гарзонцио (университет Пизы), Дэвида Бетеа (Висконсин, США), Джованну Броджи-Беркофф и Марию Ди Сальво (университет Милана), Данило Кавайона (университет Падуи), Виктора Эрлиха и Харви Гольдблатта (Йельский университет), Альду Джамбеллука-Коссову (университет Палермо), Александра Флакера (университет Загреба), Сергея Давыдова (Вермонт, США), Чезаре Де Микелиса (университет Тор Вергата, Рим), Андрея Шишкина (университет Салерно), Бориса Успенского (Неаполь), Лену Сцилард (Будапешт) – этот неполный список дает представление об интернациональном характере авторского коллектива и о масштабе издания.

За полтора века практически всё творческое наследие Пушкина стало достоянием итальянских читателей. Выходили отдельные тома, собрания сочинений, книги прозы, сказки, стихотворные сборники. И сегодня итальянская пушкинская полка стала поистине необозримой. Год от году текстологическая работа итальянских издателей Пушкина совершен-

ствовалась, в свет выпускались комментированные версии пушкинских творений*****.

Последуем же совету Козьмы Пруткова и не будем стремиться «объять необъятное». Об итальянской судьбе романа в стихах речь пойдет отдельно, в этом же разделе. Здесь мне бы хотелось отметить прекрасные публикации пушкинских сказок, традиция которых была заложена крупнейшим русистом Анджело Мария Рипеллино и ныне продолжена Чезаре Де Микелисом.

Его сборник, выпущенный (в основанной Витторио Страдой серии русской классики «Березки») в венецианском издательстве «Марсилио» в 1990 году отличается редкой полнотой даже по сравнению с нашими отечественными изданиями. Параллельно с итальянским переводом дается русский текст. Кроме пяти самых известных сказок Пушкина, туда включена и такая «полузапрещенная» на родине безделица, как «Царь Никита и сорок его дочерей». Книге предпослана аналитическая статья Де Микелиса, переводчика и составителя, иронично озаглавленная «История петуха и его дочерей». Заметим, что это первая публикация «Царя Никиты» в Италии и третья в Европе (после лондонского сборника «Русская потаенная сказка» (1861) и пражского издания 1928 года.

В том же 1990 году и в том же издательстве тем же Де Микелисом предпринята еще одна смелая попытка познакомить соотечественников с «потаенным» Пушкиным: он выпускает балладу «Тень Баркова», в своем комментированном переводе и с русским параллельным текстом.

О возросшем уровне современной итальянской книжной пушкинианы свидетельствует одно популярное издание, выпущенное в свет в дешевой «доступной» серии римского филиала

***** Букалов А.М. Пушкинская тропа. В мире книг, 1987, № 1.

международного издательства «Ньютон». В нем объединены два прозаических текста Пушкина: «Капитанская дочка» и «История Пугачёва», под редакцией и в итальянском переводе Мауро Мартини. Несмотря на «бросовую» цену книги (как и все выпуски этой библиотечки, она отпечатана на бумаге, изготовленной из макулатуры, и потому стоила две тысячи лир, что по нынешним временам равняется одному евро!), это серьезное издание, «полное», как сообщается на обложке. Оно снабжено обширной библиографией и очень дельной вступительной статьей самого переводчика. Но главное, на мой взгляд, это то, что соблюден принцип исторического подхода к творчеству Пушкина, для «лаборатории» которого пугачёвская тема была очень важна, ибо с ее помощью он отрабатывал свой собственный почерк романиста и историографа.

Не обошла Италию стороной и так называемая «парпушкинистика». В 1991 году в римском издательстве «Лукарини» вышли «Тайные записки А. Пушкина 1836–1837 годов», подготовленные Михаилом Армалинским (он же автор предисловия). Автором этого «эротического дневника» уверенно обозначен Aleksandr S. Puškin.

Большой интерес для историков литературы и русско-итальянских культурных связей представляют архивные публикации разных лет.

Неутомимая миланская исследовательница и знаток истории русско-итальянских культурных и литературных связей Нина Каучшвили опубликовала в 1968 году дневник пушкинской приятельницы графини Дарьи Фёдоровны Фикельмон (внучки М.И. Кутузова и дочери Е.М. Хитрово). Как писал П.И. Бартенев, она «по примеру матери своей высоко ценила и горячо любила гениального поэта».

В 2001 году на итальянском языке, с помещенным на обложке портретом автора работы Карла Брюллова, вышел

долгожданный том мемуаров графа Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807–1876), служившего с Пушкиным в губернаторской канцелярии в Одессе. Отец его, генерал, сенатор и библиофил Дмитрий Петрович был обладателем одной из крупнейших в России частных библиотек (свыше 40 тысяч томов). Он уехал в Италию в 1817 году и похоронен в 1829 году в портовом городе Ливорно. Михаил Бутурлин написал интереснейшие «исторические записки», увидевшие свет в конце XIX века в журнале «Русский архив». На итальянский язык воспоминания Бутурлина перевела другая представительница старинного русского аристократического рода Марина Олсуфьева (1907–1988), переводчица Булгакова, Солженицына и других известнейших писателей. Согласно мемуарным сведениям, Александр Пушкин с сестрой Ольгой детьми бывали в московском особняке Бутурлиных, своих дальних родственников, там ставились в домашнем театре итальянские оперы и пьесы Гольдони, была богатейшая библиотека. Потомки Бутурлина, в свою очередь, породнились с итальянским дворянством и сейчас носят славно звучащие здесь фамилии Антинори, Конестабиле, Киджи... Портрет старшего брата Михаила Бутурлина Петра Дмитриевича писал Орест Кипренский.

Итальянская архивистка Симонетта Мерендони обработала переписку княгини М.П. Демидовой, которая теперь хранится а Архиве провинции Флоренции*****.

Огромный интерес вызывают материалы из творческого наследия русского поэта-символиста Вячеслава Иванова, избравшего Италию своим домом и «приемной» родиной. Уже вышли четыре тома материалов и исследований благодаря стараниям проф. Андрея Шишкина и активному уча-

***** См. об этом: *Комолова Н.П.* Русское зарубежье в Италии, в сб.: *Русская эмиграция в Европе.* М.: ИВИ РАН, 1996. С.47.

стию Дмитрия Вячеславовича Иванова (1912–2003), сына поэта *****.

150-летие со дня рождения Пушкина стало поводом к выпуску нового юбилейного сборника трудов, эта традиция была продолжена и в 1999 году, когда празднование 200-летия Пушкина стало в Италии поистине событием общенационального масштаба.

Конечно, итальянцы не столь заражены страстью к юбилеям, как мы. Однако, празднуя пушкинские годовщины, и они поддаются массовому психозу, и итальянские города начинают соревноваться между собой за право принять у себя научную конференцию, симпозиум, семинар, конгресс или иную юбилейную «тусовку», как сказали бы наши дети. В большинстве случаев такая практика всё-таки дает возможность «высечь искру» и провести смотр новейшим достижениям филологической науки и пушкинистики в частности. Вот почему съезды и дискуссии пушкинистов из разных стран в стране Петrarки и любви, как правило, позволяют «сверить часы», послушать друг друга и оставляют после себя ценные собрания трудов и разнообразных идей и версий. Их главное преимущество – общение и сопоставление взглядов. Только так может развиваться современная пушкинистика. К чести итальянских коллег заметим, что их вклад в это творческое движение год от года становится все более весомым и значительным *****.

***** Иванов В.И. Собрание сочинений, т. 1–4, Брюссель, 1971–1987; Archivio italo-russo, II, a cura di Daniela Rizzij Andrej Shishkin, Salerno, 2002.

***** Большая заслуга в распространении результатов этих исследований принадлежит итальянским научным специализированным журналам, посвященным славянским литературам и, в частности, русской. Вот их краткий список: *Rassegna Sovietica* (Рим, с 1946 по 1991 годы), *Ricche slavistiche* (Флоренция, с 1952 г.), *Annali dell'Istituto universitario orientate di Napoli, sezione slava* (Неаполь, 1958–1978, с 1979

Кульминацией этих совместных усилий, как уже было сказано, стал 200-летний юбилей великого русского поэта. Старт был дан торжественным вечером, который состоялся 26 мая на старинной Вилле Абамелек, в резиденции посла России, с участием «всего Рима», членов итальянского правительства. Украшением вечера стала элегантная «пушкинская» музыкальная программа (Моцарт и Чайковский), исполненная Юрием Башметом и его оркестром «Солисты Москвы». В юбилейную брошюру, преподнесенную гостям вечера (с портретом Пушкина) вошли приветственное слово посла Н. Спасского, статьи В. Страды, В. Воскобойникова, репродукции пушкинских автографов.

Юбилейный «график» был очень разнообразен и насыщен, в частности его музыкальная часть. Она включила в себя премьеру «Бориса Годунова» М. Мусоргского в римской Опере, постановку «Мазепы» П. Чайковского (режиссер Л. Додин, дирижер М. Ростропович, перевод либретто на итальянский Эммануэллы Гуэрчетти) в миланской Ла Скале (март-апрель 1999), исполнение «Пиковой дамы» П. Чайковского (также в постановке Л. Додина, дирижер С. Бычков) во Флоренции (апрель-май), юбилейный пушкинский концерт в рамках международного фестиваля в Сполето (июль), концерт «Пушкин и музыка» с участием оркестра Мариинского театра под управлением В. Гергиева (Милан, Ла Скала, 3 октября), показ драмы Пушкина «Борис Годунов» в миланском «Нуово Пикколо» (17–25 октября) силами Петербургского малого драматического театра (режиссер Тимур Чхеидзе), вечер в зале миланской консерватории им. Верди (30 октября) с вариациями на тему «Моцарта и Сальери», концерт лауреатов международного вокального конкурса ЮНЕСКО «Пиковая

– в секции истории, политики и социологии), *Россия/Russia* (Турин, с 1974 г.), *Europa orientalis* (Салерно, с 1982 г.), *Slavia* (Рим, с 1992).

дама» (8 ноября) и другие события. В залах миланского королевского дворца «Билла Реале» с 4 октября 1999 по 16 января 2000 года была развернута художественная выставка «Живопись пушкинской поры» из коллекции петербургского Русского музея. К юбилею поэта в Милане были приурочены Дни русской культуры, в рамках которых прошел показ фильмов «Я к вам лечу воспоминаньем» (Пушкин и кино, 1910–1995). В Школе драматического искусства имени Паоло Грасси прошли мастер-классы «Лаборатория Пушкина», с показом студийных спектаклей «Каменный гость», «Скупой рыцарь» «Пир во время чумы», «Борис Годунов».

И, что особо важно для нашей темы, представительные пушкинские встречи и симпозиумы прошли в 1999 году в Риме, Милане, Венеции, Неаполе. Интереснейшая выставка книг и иллюстраций «Пушкин. Жизнь, труд, эпоха» была развернута в городке Реканти (область Марке, центральная Италия) в залах Всемирного центра поэзии и культуры «Джакомо Леопарди».

Чтобы дать читателям представление о высоком уровне этих пушкинских научных собраний расскажем о главных темах, затронутых в докладах. Под эгидой ЮНЕСКО и Ломбардского института миланской Академии наук в северной столице Италии 3–4 июня 1999 года прошел Международный конгресс «Пушкинская поэтика». Первые три выступления были посвящены классичности Пушкина: Эридано Боццарелли (Милан) «Неоклассическое сердце Пушкина», Р. Хлодовский (Москва) «Ренессансность Пушкина» и С. Аверинцев (Вена) «Классические аспекты Пушкина». Иван Верч (Триест) говорил об этике и эстетике Пушкина, а Донателла Ферраро Браво (Флоренция) об отношениях между творчеством и сознанием языка Пушкина. Анджела Диолетта Сиклари (Рим) посвятила доклад сентиментализму Пушкина,

Серджо Пескатори (Венеция) рассказал о мифологических структурах в прозе Пушкина. Роксанна Платоне (Милан) назвала свой доклад «Пушкинская поэтика глазами поэтов», Иоанна Спендел (Турин) проанализировала поэтику Пушкина с точек зрения Розанова, Мережковского, Шестова.

Владимир Пискунов (Москва) сделал доклад «Пушкин в сознании русской эмиграции 20–30-х годов», Татьяна Николеску (Милан) – «Андрей Белый и Пушкин», а Орнелла Дискаччати (Милан) рассказала об истории статьи Андрея Платонова «Пушкин – наш товарищ». Клавдия Скандура (Рим) назвала свой доклад «Метафора сада у Пушкина». В рамках конгресса, под председательством Анны Ло Гатто Мавер, был проведен семинар, посвященный «Переводам и переводимости Пушкина», с участием переводчиков и ученых, среди них – Евгений Солонович (Москва), Микаэла Бёминг (Рим) и другие.

Последовавшую за этим собранием череду пушкинских конференций кто-то из журналистов окрестил «Болдинской осенью в Италии». Судите сами. Менее чем через полгода (29 октября 1999 года) в том же Милане местное отделение общества «Италия-Россия» провело Международную конференцию, оригинально озаглавленную: «А.С. Пушкин между логикой просветителей и романтикой сердца», где большинство докладчиков представляли Москву и Петербург (С.Бочаров «Возможные темы у Пушкина: поэзия и история»; С. Фомичев «Набоков – соавтор Пушкина»; В. Старк «Биографические элементы в творчестве Пушкина»; Н. Телетова «Герои пушкинской драматургии» и Ю. Манн «Художественные принципы драмы «Борис Годунов»»), но были участники и из других стран Европы: Е. Эткинд «Романтизм Пушкина между Янковским и Лермонтовым» (это было одно из последних публичных выступлений замечательного ученого),

Ж. Нива «Пушкин-христианин», Ф. Мальковати «Пушкин и Чайковский», С. Витале «Пушкинские юродивые».

В Риме и Венеции 13–17 октября прошел Международный конгресс «Европейский Пушкин», созданный Национальной Академией дей Линчей и венецианским Фондом Чини. Открыл конгресс В. Страда докладом «Пушкин. Россия и Европа», затем выступили С. Аверинцев («Что значит европейский классик»), Л. Вольперт, из университета Тарту («Пушкин и европейская мысль»), Ж. Нива («Пушкин и просвещение»), Е. Эткинд («Пушкин и Ламартин»), С. Витале («Пушкин и проблемы чистого искусства»), С. Фомичев («Творчество Пушкина и русская идея»), Р. Хлодовский («Пушкин и Италия: гуманизм и гуманность Пушкина»), Г. Лесскис («Пушкин и Пугачёв»), А. Букалов («Итальянский язык у Пушкина»).

Примерно в это же время римский университет Ла Сапьенца и общество «Россия-Италия» организовали чтения «Пушкин и его время в Италии» (Рим, 21–23 октября 1999 года). Там с докладами выступили М. Гаспаров («Синтаксическое клише у Пушкина»), композитор Ф. Маннино («Пушкин, Италия и музыка»), Р. Джулиани («Ты знаешь край...»), К. Ласорса («Итальянские переводы Пушкина в XIX веке»), А. Лободанов («Пушкин и Италия: первые современные переводы»), Н. Прожогин («Пушкин и Мандзони»), Р. Де Вито («Националистические и консервативные элементы в политических рассуждениях Пушкина»), Ч. Де Микелис («Текстологические открытия в теме ‘папессы Иоанны’»), Л. Удольф («Пушкин и Шевырёв»), С. Гарзонио («Италия Пушкина и Мандельштама»), Дж. Страно («Творчество Пушкина в исследованиях Доменико Чамполи»), В. Вацуро («Пушкин и русские петраркисты»), – к сожалению, сам

ученый по болезни уже не сумел лично принять участие в чтениях *****.

Свой вклад в юбилей внес и Восточный университетский институт Неаполя (ныне – Восточный университет), собравший в ноябре 1999 года международный семинар на тему «Пушкин и Восток». Там прозвучали доклады и сообщения Бориса Успенского, Луиджи Магаротто, Альдо Феррари, Джанроберто Скарча, Серджо Бертолисси и других научных сотрудников отдела Восточной Европы неаполитанского университета *****.

Этот водопад пушкинских докладов, статей и исследований, обрушившийся на Италию в течение одной недели, свидетельствует прежде всего о том, что здесь пушкинская наука заняла прочное и почетное место в литературной и общественной жизни.

Юбилеи сопровождались массой газетных и журнальных статей, заметок, рецензий. Пушкин сам обещал: «И журналистам на съеденье / Плоды трудов моих отдам». На одну важную публикацию мне любезно указала Марина Фёдоровна Шаляпина, дочь великого русского певца. Она сообщила, что летом 1975 года ее муж, итальянский журналист Луиджи Фредди, ныне покойный, напечатал, с продолжениями, в популярной римской газете «Темпо» биографию Пушкина с рассказом о его творчестве, получившую высокую оценку такого специалиста как Этгоре Ло Гатго. Вырезки из этой газеты нашлись в необъятном досье нашей доброй приятель-

***** См.: *Баццарелли Эридано. Пушкинские дни в Италии*. В сб.: *Россия и Италия. Встреча культур*. Выпуск 4, Москва: Наука, 2000. С.242–244. *Перевод с итальянского Р.И. Хлодовского.*

***** В русле тематики этого семинара находилась и уникальная конференция, которая прошла под эгидой неаполитанского Восточного университета в октябре 2002 года на тему: «Капри, миф и реальность в культурах центральной и восточной Европы».

ницы проф. Ванды Гасперович, преподавателя русского языка и литературы римского университета Ла Сапьенца. В дни 150-летия гибели поэта известный итальянский переводчик Пьетро Зветеремич, первый познакомивший Италию (и весь мир) с романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго», писал о Пушкине в большой статье в миланском еженедельнике «Эуропео»: «С ним русская литература вошла в мир, как сама Россия вошла с императрицей Екатериной Второй в число великих держав. То европейское сияние, которое, как и русское, исходит от Пушкина, было спроецировано, как лазером, в Европу, от Гоголя до Достоевского, и перед этим новым источником света Европа не смогла устоять».

А в потоке публикаций периодической печати к 200-летию юбилею Пушкина обратила на себя внимание обстоятельная и уважительная статья Клаудио Тоскани, помещенная в официальном органе Ватикана газете «Оссерваторе Романо», под заголовком «Лирический певец русской души».

Двухсотлетие отгрохотало чередой торжественных собраний и публикаций, но пушкинская тема вскоре вернулась на Апеннины, и опять в связи с юбилеем, на сей раз – трехсотлетием его любимого Петербурга. И вновь на вернисажах художественных выставок и в докладах с трибун научных симпозиумов, прошедших по всей Италии, звучало «веселое имя – Пушкин».

Последним по хронологии событием в этом ряду стала публикация в качестве приложения к популярной римской газете «Република» обширной антологии русской поэзии (от народных былин до постсоветских поэтов конца XX века), подготовленной Отефано Гарзонио и Гуидо Карпи, где творчество Пушкина, разумеется, занимает подобающее место. Это первый и весьма удачный опыт, получивший высокую оценку специалистов и просто читателей.

В заключение этого беглого обзора – сообщение об одной книжной новинке. Интересно, что по мере знакомства образованных итальянцев с творчеством Пушкина ряд пушкинских крылатых слов и выражений были усвоены итальянским языком и вошли в его словарный запас. Известный современный филолог, исследователь русской словесности и исторический писатель Джорджо Мария Николаи насчитал два десятка таких заимствований, в том числе (по алфавиту): *баул, баба, бричка, буран, бурка, верста, горелки, дрожки, каша, лапти, лезгинка, няня, поп, русалка, сарафан, уха, халат, холон, хоро-вод, чин, швейцар...* Всего же свыше 250 российских лексем можно найти в его новом, уникальном «Словаре русских слов, которые встречаются в итальянском языке», выпущенном в феврале 2004 года римским издательством «Бульцони».

Изучая эти «проникновения», автор преследовал конкретную цель: «Я убежден, что русизмы, как и заимствованные слова из других языков, отражают специфические черты иностранных культур и не могут быть переведены итальянскими лексическими средствами, поэтому должны закрепиться в языке в том виде, в каком они к нам пришли и обогатили нашу речь, – отметил Джорджо Мария Николаи в предисловии к словарю. – Я полагаю, что итальянский читатель почувствует новый, особый вкус, встречая в своей речи русские слова, а данный словарь привьет интерес к традициям, историческим деятелям, событиям русской истории».

Николаи оговаривается, что невозможно установить, в какой исторический период наследники латыни усвоили первое русское слово. Но уже в XV веке в речи флорентийцев, венецианцев и неаполитанцев порой проскакивало: «*царь*», «*боярин*», «*обоз*», «*земство*», «*вече*». Автор отмечает, что процесс заимствования русизмов итальянским и другими европейскими языками активизировался в различные эпохи.

В XIX веке – за счет расцвета русской литературы и оперы и их влияния на итальянскую культуру. За счет знакомства с Пушкиным, добавим мы.

Каждому из 250 слов дается подробное, на полторы-две страницы толкование, приводятся примеры использования, в том числе и в произведениях Пушкина и итальянских авторов, и – по мере возможности – объясняется их национальный колорит. Не обязательно «чисто русский». Поясняются в труде Джорджо Мариа Николаи и значения слов «*тунгус*», «*коляды*», «*юрта*», «*калмык*», «*гривна*», «*домра*», «*самоед*». В словаре приведены слова, которые хотя бы один раз употреблялись в их первозданном виде в итальянской литературе или печати без объяснительного перевода. Подразумевается, что, встретив в тексте в латинской транскрипции, скажем, слово *voevoda*, итальянский читатель на нем не споткнется. В частности, благодаря Пушкину. Ибо «воеводы не дремали» не только в русских летописях, но и в «Сказке о золотом петушке».

ПУШКИН И ГЕРМАНИЯ

Елена Еременко

Пушкинские места в Германии

Пушкин в Германии, как известно не бывал, но здесь есть места, тесно связанные с именем поэта, и даже памятники, установленные в его честь.

Самый главный пушкинский немецкий город, это, конечно же, Веймар. Здесь жил великий Гёте – и вся просвещенная Европа стремилась приехать в небольшой немецкий городок, чтобы пообщаться с духовным пастырем народов, вдохнуть удивительного веймарского воздуха, которым дышали Гёте и его знаменитые современники – Гердер, Шиллер и Виланд. Для российских искателей духа просвещения положение в городе было особым.

Стараниями Марии Павловны Романовой, великой герцогини Веймарской и Саксонской, здесь процветал русский

двор. Дочь Павла I, Мария Павловна, была в очень тесных деловых отношениях с Гёте. Она финансово поддерживала многочисленные проекты и исследования великого немецкого поэта, а он помогал ей освоить трудную роль политического и культурного лидера в местном обществе. Мария Павловна с блеском справилась с задачей и стала одной из самых любимых правительниц Веймарского государства. И никогда она не забывала об интересах своего Отечества. Она не просто интересовалась событиями в России – Мария Павловна всегда принимала самое деятельное участие в государственных делах. Благодаря её стараниям русская культура получила мощную поддержку со стороны Гёте – человека, чье мнение было тогда главенствующим в Европе.

В ходе их дружеского общения Гёте увлекся русской историей, музыкой, живописью. В Веймар на аудиенцию к Гёте, и, разумеется, лишь по большой протекции Марии Павловны, стали попадать и русские путешественники-поэты, писатели, философы. Веймар становился местом паломничества русских интеллектуалов. И русская литературная среда становится для Гёте близкой: он, например, встречался много раз с Жуковским. Кто первый рассказал Гёте о Пушкине, достоверно мы не знаем, но отклик Пушкина на «Фауста» был немецкому классику хорошо известен, опять-таки через русских знакомых.

В истории литературы есть факт, не подтвержденный, но чрезвычайно интригующий: будто бы Гёте передал в подарок Пушкину гусиное перо – в знак признания его таланта и подтверждения духовной связи двух поэтов. Было ли, не было – уже сейчас не так важно. Но один факт, связанный с этой историей, интересно отметить. В Германии есть памятник Пушкину именно с таким пером в руке в городе Гера (земля Тюрингия). И здесь важно отметить – для европейского

сознания, что для века XIX, что для XXI, вариации на тему «...нас заметил, и в гроб сходя благословил», перенесенные на пару Пушкин-Гёте, оказываются очень значимыми. Это такой мессидж: они вместе, они рядом, мы должны это знать!

Про самобытность и гениальность нашего Александра Сергеевича знают в целом в Европе немного. Ну, да, Пушкин – символ гордости русских, но почему? По-русски читают немногие, в переводах, часто не слишком удачных, многое теряется. Россия не культивирует переводы Пушкина в Германии, как, например, это делают другие страны со своими классиками: объявляют конкурсы на лучший перевод, проводят симпозиумы, обсуждения. А вот мнение старика Гёте – да, оно и до сих пор ценно и весомо для среднестатистического образованного европейца. Собственно, именно положительное отношение Гёте к русской культуре и послужило отправным пунктом в мировой истории: развился глобальный интерес к России, позволивший Западу позже заметить и оценить и Толстого, и Чехова, и Достоевского. Без этого гётевского интереса, возможно, Россия, несмотря на её победы в наполеоновских войнах, так бы и воспринималась Европой как мощная, но дикая сила, азиатчина.

И вдруг, все замечают: Гёте с удовольствием принимает у себя русских «паломников», слушает русскую музыку, интересуется литературными новинками далекой России, посещает православные службы в Веймаре. Посыл духовного лидера, каким, безусловно, являлся Гёте, был воспринят современниками – и Россия конца первой трети XIX века становится невероятно популярной в Европе. Россию европейцы пытаются понять через ее литературу – ведь в 1821 году в Германии появляются первые переводы Пушкина. Русский поэт «интегрируется» в европейский культурный ландшафт, и вот уже вскоре после смерти Гёте в 1832 году

немецкая критика характеризует литературную ситуацию таким образом: «Сегодня в Европе никого нет крупнее, чем Пушкин и Адам Мицкевич». Совершенно логичным в свете этой исторической ситуации выглядит и памятник Пушкину в Веймаре: здесь началась не только лично его история в Европе, но и признание всей русской литературы, основоположником которой Пушкин и стал.

Кстати, совсем рядом с Веймаром в университетском городе Йене находится ещё одно скульптурное воплощение Александра Сергеевича – это уже третий памятник. Объяснить это можно не только гдээрзовским прошлым с тогдашней ориентацией на культурное советское пространство, но и тем, что Йенский университет, один из самых известных в Германии, также тесно связан с именем Марии Павловны Романовой. Можно вспомнить, что она сама посещала занятия йенских профессоров, а также выделила университету немалые деньги и передала в дар несколько своих ценных коллекций. В 1840 и 1848 годах в Йене выходит двухтомное издание Пушкина. Одним из переводчиков этого издания стал духовник Марии Павловны – Степан Сабинин. Сочинения поэта, сопровождаемые его биографией и воспоминаниями Жуковского, были тепло приняты читателями и критикой. Можно сказать, что Пушкин был тогда на слуху у немецкой публики.

Вторым пушкинским центром в современной Германии можно смело назвать город Бонн, где был один из самых сильных европейских центров славистики. Здесь до недавнего времени работал самый значительный из современных западных пушкинистов – профессор Рольф-Дитрих Кайль. Именно Кайль вновь открыл для немецкого читателя Пушкина, и до сих пор, несмотря на свой 90-летний возраст, делает все возможное для популяризации русского поэта среди германоязычной аудитории.

К сожалению, творчество Пушкина не «задело» так западного читателя, как, например произведения его последователей — Толстого и Достоевского. И после большого интереса в 20-50 годах века XIX его произведения воспринимались лишь как основа оперных либретто. Именно благодаря усилиям Кайля и его коллег-славистов во второй половине века XX Пушкина удалось вернуть в поле зрения читателя. Кайль — не только исследователь пушкинского творчества, но и один из самых известных переводчиков его поэзии. Именно перевод «Евгения Онегина» Кайлем на немецкий до сих пор считается лучшим.

С Висбаденом Пушкина связали самые тесные, кровные узы. Здесь жила его младшая дочь Наталья Александровна и до сих пор живут его потомки, сохраняющие русский язык. Дочь Пушкина, Наталья, во втором браке получившая титул графини Меренберг, в историю литературы вошла как хранительница писем своих родителей. Наталья Александровна обратилась к Тургеневу с очень смелым по тем временам предложением опубликовать письма Пушкина к Наталье Николаевне, что и было сделано в 1878 году. Благодаря ей мир узнал совсем другого Пушкина — счастливого жениха и мужа.

Десять лет назад была издана книга, которую написала сама Наталья Александровна — «Вера Петровна. Петербургский роман». Замечательно и то, что нашла эту рукопись и издала правнучка поэта, Клотильда фон Ринтелен. Клотильда фон Ринтелен, потомственная жительница Висбадена, ныне возглавляет Немецкое Пушкинское общество, основанное 25 лет назад Рольфом-Дитрихом Кайлем, и очень успешно популяризирует имя своего великого предка. Как пример, недавно была выпущена двуязычная аудиокнига, над которой

работало Немецкое Пушкинское общество последние годы – «Александр Пушкин — вехи жизни поэта».

Так же, как и в Веймаре, в Висбадене легко отыскать «русский след». Царская семья приезжала сюда не раз на воды. Достоевский, Тургенев, Вяземский бывали в городе часто. В Висбаден, на водный курорт, приезжали сотни русских людей, многие из них здесь и похоронены. К культурному наследию Висбадена принадлежит многое, что связано с русской культурой. Это и православная церковь Святой Елизаветы, и самая крупная коллекция картин художника Явленского, в Висбадене находится и одно из самых крупных русских зарубежных кладбищ в Европе. Даже один из залов знаменитого висбаденского казино – в память об азартном игроке Достоевском, много раз бывавшем здесь, носит его имя.

К сожалению, в городе нет ни одного официального упоминания о том, что супруга великого князя Нассау, любимая всеми в городе русская графиня Меренберг, была дочерью самого почитаемого и любимого русского поэта, Александра Сергеевича Пушкина. Могилы Натальи Александровны не существует – она завещала развеять свой прах над могилой любимого мужа, рядом с которым ей было отказано быть похороненной из-за сословных отличий. Поступок, выдающий в ней знаменитый пушкинский темперамент. Мемориальная доска на родовой усыпальнице с указанием имени Натальи Александровны, урожденной Пушкиной, могла бы стать важной точкой и в её личной истории, и в сохранении памяти А.С. Пушкина в мире.

Памятника Пушкину в Висбадене нет – а жаль! Это город, в котором проводятся крупные российские культурные мероприятия. Государственный театр в Висбадене уже десятилетия сотрудничает с Россией. В Висбадене проходит кинофестиваль восточноевропейского кино с традиционно

большим русским участием. Здесь уже обозначено русское культурное присутствие и напоминание о национальном культурном символе, которым стал для России Пушкин, зафиксировало бы преемственность духовных традиций.

Ещё об одном пушкинском месте обязательно нужно сказать. В этом году на культурной карте Германии появился новый памятник великому поэту. Инициатором этой идеи стало общество наших соотечественников из города Нюрнберга – «Русско-немецкий культурный центр» во главе с Ириной Фиксель. Благодаря их огромным усилиям Нюрнберг получил скульптурный парк «Лукоморье». Теперь смело можно сказать: во франконской столице наши тридцать три богатыря и дядька Черномор и знаменитый кот ученый стали местными достопримечательностями.

Русскоязычные общества в Германии вносят неоценимый вклад в популяризацию культурного наследия А.С. Пушкина. Высокую оценку из уст главного пушкиниста ФРГ, Рольфа-Дитриха Кайля, получило недавно мюнхенское общество «МИР» и его руководитель Татьяна Лукина на праздновании 25-летия германского общества Пушкина.

ПУШКИН И АНГЛИЯ

Александр Долинин

Пушкин и Англия*

Великобритания — для русского сознания первой половины XIX века, по формуле современника, страна «свободы, / Художеств, чудачков, / Карикатур удачных, / Радклиф, Шекспиров мрачных, / Ростбифа и бойцов»** — привлекала пристальное внимание Пушкина на протяжении едва ли не всей его взрослой, послелицейской жизни. Для него, как и для многих образованных русских его поколения, английское государственное и политическое устройство, английская умственная, литературная и практическая жизнь, английское отношение к традициям обладали особой привлекательностью, и характерно, что, мечтая о бегстве на Запад, Пушкин прежде всего воображает «Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы», а только потом уже — «парижские театры и <бордели>» (10, 161).

Если не считать юношеского увлечения оссианизмом, который не имел никакой специфически британской окраски, краткую летопись важнейших контактов Пушкина с английской литературой можно начать с лета 1820 года, когда в Гурзуфе (а может быть, еще на Кавказе) он под руководством Николая Раевского и его сестер пытался читать по-английски

* Долинин А. Пушкин и Англия. — М.: Новое лит. обозрение. 2007. — С. 15–35.

** Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. ст. Л.Я. Гинзбург. Сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. — Л.: 1986. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.). — С. 98.

«Сочинения Байрона» и под сильным впечатлением от «Корсара» начал «Кавказского пленника»^{***}. В 1822 году Пушкин не без удовольствия отмечал (в письме Н.И. Гнедичу от 27 июня), что «английская словесность начинает иметь влияние на русскую», и надеялся, что влияние это «будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (10, 33); в 1824–1825 годах в Михайловском восхищался Вальтером Скоттом (10, 85) и Шекспиром (10, 127; 609–610), мечтал о

^{***} Неоднократно высказывавшиеся предположения, что Пушкин уже в 1819-м или в начале 1820 года читал Байрона во французских переводах, были убедительно опровергнуты В.Д. Раком в статье «Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона» (Русская литература. 2000. № 2. С. 3–25; то же: Рак В.Д. Пушкин, Достоевский и другие: Вопросы текстологии, материалы к комментариям. СПб., 2003. С. 64–99). Хотя еще до южной ссылки Пушкин, как отмечает В.Д. Рак, должен был иметь какое-то представление о Байроне, оно явно носило самый поверхностный характер. Так, Пушкин, несомненно, знал отдельные цитаты из французского перевода «Паломничества Чайльд Гарольда», приведенные в письмах П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу. К одной из этих цитат («*l'oiseau leger! Vaisseau propice! Tu voles sur Ponde ecumante! Peu m'importe le rivage, ой tu me conduis, pour vu que ce ne soit pas le mien!*») — Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. Т. 1: 1812—1819. СПб., 1899. С. 338) восходит реминисценция из прощальной песни Чайльд Гарольда в первой южной элегии Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820) — стихи: «Лети, корабль, неси меня к пределам дальним / По грозной прихоти обманчивых морей, / Но только не к брегам печальным / Туманной родины моей» (2, 7), которые синтаксически и лексически значительно ближе к французскому переводу, чем к оригиналу (ср.: «*With thee, my bark, I'll swiftly go / Athwart the foaming brine; / Not care what land thou bear'st me to, / So not again to mine*» — Lord Byron. Selected Poems / Ed. by Susan J. Wolfson and Peter J. Manning. L.; N.Y., 1996 (Penguin Classics). P. 67). Недаром именно эти строки элегии Вяземский назвал «байронщишной» и предположил, что Пушкин узнал их от него (Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. Т. 2: 1820–1823. СПб., 1899. С. 107). Однако, как недавно показал О.А. Проскурин, элегия в целом имела к Байрону лишь косвенное отношение, ибо ее реальным фоном была система элегий К.Н. Батюшкова (см.: Проскурин О. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 58–67).

журнале наподобие «какой-нибудь Edinburgh Review» (10, 99), заказывал обедню за упокой души Байрона (10, 80) и сетовал на то, что в ссылке не имеет способов выучить английский язык, который ему так нужен (10, 147); в 1828 году в Петербурге наконец серьезно занимался английским языком****, а год спустя, во время путешествия на Кавказ, поражал Захара Чернышева и Михаила Юзефовича уродливым английским произношением и отменным пониманием Шекспира*****; в 1830 году в Болдине переводил сцену из «Города чумы» Джона Вильсона и изучал Барри Корнуола и Сэмюэля Кольриджа; в 1831 году просил П.А. Плетнева переслать ему в Москву книги «Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakespeare» (10, 267) и тревожился о бунтах английской черни (10, 259); в 1834-м или 1835 году, по воспоминаниям Я.К. Грота, требовал у книгопродавца Диксона «книг, относящихся к биографии Шекспира»*****; в 1835 году в очередной раз перечитывал Вальтера Скотта в Тригорском, задумывал журнал «наподобие английских трехмесячных Reviews» (10,434),

**** Свидетельства современников об этом приводятся в статье: Цявловский М. Пушкин и английский язык // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. XVII–XVIII. С. 48–73. М.А. Цявловский, в частности, цитирует письмо П.А. Муханова М.П. Погодину от 11 августа 1828 года, где говорится: «Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах», а также заметку в «Московском телеграфе» (1829, № 11, июнь), в которой сообщалось, что Пушкин выучился английскому языку за четыре месяца и теперь читает Байрона и Шекспира в подлиннике, «как на своем родном языке» (С. 70)

***** См.: Юзефович М.В. Памяти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. / Вступ. ст. В.Э. Вацура; сост. и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. СПб., 1998. Т. 2. С. 114.

***** Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. Грота. 2-е изд., доп., с приложением неизд. письма Пушкина / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1899. С. 246, 275–276.

перелагал стихами начало «Пути Паломника» Джона Баньяна и заводил книгу заметок по образцу «Table Talk» Кольриджа^{*****}; в 1836 году отстаивал честь Джона Мильтона (а опосредованно и свою собственную) в незаконченной статье «О Мильтоне и шатобриановом переводе 'Потерянного рая'»^{*****}; и, наконец, в январе 1837 года, в заметке-мистификации «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», произнес последний приговор своему времени и своему окружению – «Жалкий век! Жалкий народ!» – устами вымышленного английского журналиста (7, 352), а в последнем письме, написанном в день дуэли, заказывал А.О. Ишимовой переводы из Barry Cornwall для «Современника» (10, 486). В цитатном фонде Пушкина наличествует хрестоматийный Шекспир – «Гамлет»^{*****}, «Ричард III»^{*****}, «Как вам это понравится»^{*****}, а также Дж. Мильтон^{*****},

^{*****} Где, кстати, среди прочего обсуждал, как и Кольридж, характеры шекспировских героев. См., например, замечание Пушкина о том, что Отелло от природы не ревнив, а доверчив (8, 65), перекликающееся с записью Кольриджа: «I do not think there is any jealousy <...> in the character of Othello. There is no predisposition to suspicion* (Specimen of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge. L., 1835. Vol. 1. P. 67).

^{*****} См. об этом подробнее С. 216–225 наст. изд.

^{*****} «Все это, видите ль, слова, слова, слова» («Из Пиндемонти») и «'Poore Yorick!' — молвил он уныло» («Евгений Онегин», гл. 2, XXXVII).

^{*****} См. в письме П.А. Вяземскому от 11 июня 1831 года: «A horse, a horse! My kingdom for a horse!» (10, 276).

^{*****} См. заметку 1830 года: «В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: 'Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая?*'» (7, 353; курсив оригинала). Ср. в «As You Like It» (3, 3: 15–16): «Audrey. I do not know what 'poetical' is. Is it honest in deed and word? Is it a true thing?»).

^{*****} См. заметку 1830 года: «Мильтон говаривал: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня»» (7, 354). Пушкин перефразирует формулу из «Потерянного рая» «Fit audience find, though few» (кн. VII, ст. 31; букв.: «Найди понимающих

Л. Стерн^{*****}, Э. Берк^{*****} и, конечно же, поэты-современники:
лорд Байрон^{*****}, Томас Мур^{*****}, Роберт Саути^{*****},

читателей, хотя бы и немногочисленных»), которую часто использовали английские писатели.

***** См. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным» (7, 38). Как установил Б.Л. Модзалевский, это аллюзия на фразу из «Сентиментального путешествия» (часть II, глава «Паспорт»), которое Пушкин, по всей вероятности, читал по-французски en regard с оригиналом (*Модзалевский Б.Л.* Пушкин и Стерн // *Модзалевский Б.Л.* Пушкин: Воспоминания. Письма. Дневники... М., 1999. С. 331—333).

***** *Алексеев М.П.* Заметки на полях [2–3] // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1974. Вып. 12. Л., 1977. С. 98–109; то же *Алексеев М.П.* Эпиграф из Э. Берка в «Евгении Онегине» // *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 560–571; ср. также: Рак В.Д. Берк // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 63–64.

***** Эпиграф к «Полтаве» – три стиха из поэмы «Мазепа», а к восьмой главе «Евгения Онегина» – первые строки стихотворения «Fare thee well, and if forever / Still for ever fare thee well». В рецензии на «Фракийские элегии» В.Г. Теплякова неточно цитируется начальный стих песни Чайльд Гарольда, помещенной между 13-й и 14-й строфами 1 песни поэмы: «Adieu, adieu, my native land!» (7, 287). В оригинале: «Adieu, adieu! My native shore / Fades o'er the waters blue». Пушкин, по-видимому, спутал этот стих с восклицанием, завершающим 1-ю и 10-ю строфы песни: «My native Land – Good Night!» (*Lord Byron. Selected Poems.* Р. 65) Иначе, но тоже неточно и с похожей контаминацией, этот же стих цитируется в отрывке «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830): «My native land – adieu» (6, 389).

***** В «Путешествии в Арзрум» цитируются четыре стиха из поэмы Т. Мура «Свет гарема» («The Light of the Harem»), вошедшей в его книгу «Лалла Рук» (1817).

***** Эпиграф к неоконченной статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) взят из письма Р. Саути в газету «Курьер» (январь 1822 года), где он отвечал на нападки Байрона: «Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого рода, еще не отрекся я совершенно от права самозащиты» (7, 137). Источник был установлен Н.В. Яковлевым в заметке «Пушкин и Саути» (см.: *Яковлев Н.В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. IV. Пушкин и Саути // Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Л., 1926. С. 151–152).

Чарльз Вулф^{*****}, Уильям Вордсворт, Сэмюэль Кольридж, Барри Корнуол. Из 1420 наименований в основных разделах описания библиотеки Пушкина, составленного Б.Л. Модзалевским, 171 приходится на издания английских и американских авторов либо в оригинале, либо в переводах на русский или французский язык, причем в ряде случаев речь идет о многотомных сериях, конволютах и собраниях сочинений. В библиотеке Пушкина были хорошо представлены Шекспир, Мильтон и ряд других английских классиков, почти все самые заметные авторы XVIII века, а также современные поэты, романисты и эссеисты. Все эти и многие другие факты, давно введенные в обиход мировой пушкинистики, легли в основу ряда работ, посвященных пушкинскому восприятию Англии и английской литературы. Трудami главным образом Н.В. Яковлева, В.М. Жирмунского, Д.П. Якубовича, М.П. Алексеева, Ю.Д. Левина, В.Д. Рака и В.А. Сайтанова в России, а также Э. Симмонса, Т. Шоу, В. Викери и Дж. Гибиана на Западе были уяснены основные вопросы, связанные с предметом нашего рассмотрения, и в первую очередь с воздействием на Пушкина творчества Байрона, Шекспира и Вальтера Скотта. Как известно, именно эти три британца – один за другим – играли важнейшую роль на разных этапах творческой эволюции Пушкина, едва ли не всякий раз, когда он осваивал новый жанр за пределами лирики. Восточные поэмы Байрона послужили ему жанровой моделью для «южных поэм», а «Беппо» и «Дон Жуан» – для «Евгения Онегина» и «Домика в Коломне»; исторические хроники Шекспира – для «Бориса Годунова», романы Вальтера Скотта – для «Арапа Петра Великого» и «Капитанской дочки». Неудивительно поэтому, что «байронизм», «шекспи-

^{*****} В «Путешествии в Арзрум» цитируется его «Погребение сэра Джона Мура» (1817).

ризм» и «вальтер-скоттизм» Пушкина исследованы полнее всего: не слишком глубоко, с обычными реализмоцентричными и культовыми абберрациями – в теоретическом плане, но зато почти исчерпывающе – в частностях^{*****}. Относительно неплохо изучены и некоторые другие частные аспекты темы: прояснены важнейшие биографические эпизоды, с ней связанные, установлены английские источники и подтексты целого ряда пушкинских стихотворений и фрагментов, прокомментированы наиболее существенные аллюзии. Однако тема «Пушкин и Англия» в целом, в совокупности и взаимодействии нескольких аспектов, до сих пор никогда еще не обсуждалась, и поэтому представляется необходимым кратко рассмотреть хотя бы основные ее составляющие. Наименее достойным внимания мне представляется собственно биографический аспект темы, а именно личные встречи Пушкина с англичанами, досконально изученные М.П. Алексеевым в специальной работе^{*****}. Как кажется, ни одна из этих встреч большого значения для Пушкина не имела, и даже самые заметные из двух десятков его английских знакомцев – скажем, домашний врач Воронцовых Уильям Хатчинсон, тот самый «англичанин, глухой философ, единственный умный афей», у которого, как сообщал Пушкин в перехваченном письме не то Кюхельбекеру, не то Вяземскому, он

^{*****} См. основополагающие работы: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924; переиздание – *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. (Избранные труды). Л., 1978; *Алексеев М.П.* Пушкин и Шекспир // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 240–280; переиздание – Л., 1984. С. 253–292; *Левин Ю.Д.* Шекспир и русская литература XIX века / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1988. С. 32–63; *Альтицуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996.

^{*****} *Алексеев М.П.* Пушкин и английские путешественники в России // Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. С. 574–656.

брал «уроки чистого афеизма» (*Акад.* XIII, 92)*****, или советник английского посольства Артур Чарльз Меджнис, который едва не стал секундантом Пушкина в дуэли с Дантесом, – остаются на дальней периферии его биографии. Никто из них, очевидно, не разделял литературных и житейских интересов Пушкина, и потому о них можно говорить лишь как о его эпизодических (часто докучных) собеседниках, от которых он, в лучшем случае, мог получить некоторые дополнительные сведения об Англии и англичанах. При этом надо учесть, что основным источником Пушкину все-таки служили разговоры с русскими знатоками Великобритании – А.И. Тургеневым, С.А. Соболевским, П.Б. Козловским и др. Любопытно, что косвенно это признает и М. П. Алексеев, посвящая три четверти своей работы «Пушкин и английские путешественники в России» писателю-полиглоту и фантастическому вралю Джорджу Борроу, единственному петербургскому англичанину, разговоры с которым, несомненно, могли бы Пушкина позабавить, но с которым он так ни разу не встретился. Незначительной роли заезжих англичан в жизни Пушкина соответствует то место, которое они занимают в его художественном мире. Пожалуй, только мисс Жаксон, гувернантка Лизы Муромской в «Барышне-крестьянке» – «сорокалетняя чопорная девица», «которая белилась и сурьмила себе брови, два раза В год перечитывала 'Памелу', получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой *варварской России*» (6, 101; курсив оригинала) – это образ, не лишенный важных историко-культурных и литера-

***** См. о нем: *Гроссман Л.* Кто был «умный афей»? // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. – С. 414–419. *Аринштейн Л.М.* Одесский собеседник Пушкина // Пушкин Временник Пушкинской комиссии 1975 Вып 13 Л., 1979. – С 58–69, *Черейский Л.А.* Гутчинсон (Хатчинсон) // *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение 2-е изд, доп и перераб Л., 1989. – С 123–124.

турных коннотаций, поскольку в 1820-е годы гувернантки-англичанки стали все чаще появляться в дворянских семьях, что нашло отражение в художественной прозе и публицистике того времени^{*****}. Играя с бытовым и литературным стереотипом, Пушкин подсмеивается над безобидной старой девой, которой не удастся укротить свою воспитанницу. Очевидная ирония по отношению к британской чопорности чувствуется и в «Пиковой даме», где появляется безымянный англичанин, которому сообщают на похоронах старой графини, что Германн ее побочный сын, и который холодно отвечает на это «Oh?» (6, 232). Что же касается еще одного безымянного британца, «человека лет 36», который в черновом варианте главы «Русская изба» «Путешествия из Москвы в Петербург» беседует с рассказчиком, объясняя ему, что «свободный англичанин» намного несчастнее «русского раба», который на самом деле наслаждается большей свободой, чем «английский работник» (7, 443–445), то это наспех придуманный идеологический конструкт, повествовательная публицистическая маска «чужого» наблюдателя, за которой скрывается сам автор. Хотя импульсом для создания таковой маски, как показал Б.В. Казанский, вполне могла послужить беседа Пушкина с английским путешественником Кольвилем Френклендом в мае 1831 года в Москве, а также запись о ней в путевых заметках последнего, имевшихся в библиотеке Пушкина^{*****}, она используется для выражения «протославянофильской» идеи о превосходстве особого русского уклада над западным общественным устройством, совершенно невозможной ни для Френкленда, ни для любого англи-

^{*****} См. об этом *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи. – С 489–492.

^{*****} См. об этом *Казанский Б.* Разговор с англичанином // Пушкин Временник Пушкинской комиссии М., Л., 1936 [Вып.] 2. – С 302–314.

чанина того времени, будь он вигом или тори. Куда более занимателен вопрос о том, насколько хорошо Пушкин знал английский язык, – вопрос, который до сих пор остается не вполне решенным. Около 80 лет назад М.А. Цявловский, досконально исследовавший биографический аспект проблемы, пришел к выводу, что только в 1828 году, после нескольких неудачных попыток, Пушкин наконец овладел английским языком и с тех пор свободно читал англоязычных авторов в подлиннике^{*****}. Большинство позднейших исследователей приняло эту точку зрения, и потому любое обращение Пушкина к английской словесности, начиная с 1828 года, обычно возводят непосредственно к оригиналу. Противоположного мнения придерживался Владимир Набоков, который утверждал, что Пушкин до конца своих дней знал английский язык на уровне начинающего, и в качестве доказательства указывал на грубые ошибки, допущенные им в дословных переводах и заметках, сделанных уже в 1830-е годы. По убеждению Набокова, Пушкин во всех без исключения случаях читал английские тексты с помощью французских или русских переводов-посредников; вопреки очевидности, он отрицал даже тот бесспорный факт, что источником «Пира во время чумы» послужила сцена драматической поэмы Джона Вильсона «Город чумы», прочитанная Пушкиным в оригинале, и без всяких на то оснований постулировал существование какого-то ее французского перевода, который так никогда и не был обнаружен. Как это часто бывает в подобных случаях, истина, пожалуй, лежит где-то посередине. Безусловно, в конце 1820-х годов Пушкин серьезно занимался английским языком и овладел им в такой степени, что стал регулярно читать по-английски, покупать английские книги и переводить английских авторов. Не случайно все цитаты из англо-

^{*****} См. Цявловский М. Пушкин и английский язык. – С 69–73.

зычных авторов на языке оригинала появляются у него не ранее 1828 года. В то же время его английский язык был весьма далек от совершенства. По воспоминаниям М.В. Юзефовича, Пушкин сам признавался, что выучил его «самоучкою»^{*****}, и потому знал его как очень способный самоучка – с большими пробелами, вызванными недостаточным знанием грамматики, ограниченным словарным запасом и инерционным воздействием навыков чтения по-французски. Об этом свидетельствуют однотипные ошибки почти во всех его переводах с английского. Так, в «Пире во время чумы» Пушкин неправильно понимает реплику Председателя, отсылающую к только что прозвучавшей песне Мэри («...попе / Fitter to make one sad among his mirth / Than the tune yet faintly singing through our souls»; букв.: «...ни одна [из песен] / Не способна сильнее опечалить среди веселья, / Чем эта песня, до сих пор негромко звучащая в наших душах»), и превращает ее в обобщающую сентенцию:

..Нет! ничто

Так не печалит нас среди веселий,

Как томный, сердцем повторенный звук! (5, 353)

Ошибку в грамматическом анализе – *ing'oebix* форм он допускает и при переводе фразы Луизы о проезжающей мимо телеге смерти, управляемой негром. Если в оригинале девушку пугает страшное, непонятное бормотание возницы («He beckon'd on me to ascend the cart / Fill'd with dead bodies, muttering all the while / An unknown language of most dreadful sounds»; букв.: «Он манил меня в телегу, переполненную мертвыми телами, все время что-то бормоча на неведомом языке, очень страшно звучащем»), то у Пушкина бормочет не негр, а сами мертвецы:

^{*****} Юзефович М.В. Памяти Пушкина. – С. 114.

*Лежали мертвые – и лепетали
Ужасную, неведомую речь... (5, 354)*

С помощью словаря Пушкин способен был правильно понять и перевести текст средней степени сложности (например, большую часть сцены из «Города чумы» или стихи Барри Корнуола с их относительно бедным словарем и простым синтаксисом), но явно испытывал затруднения, когда сталкивался с нетривиальным словоупотреблением (архаизмы, диалектизмы и т.п.) и усложненными грамматическими конструкциями. В подобных случаях он, несомненно, предпочитал разбирать текст с помощью перевода-посредника, если таковой имелся в его распоряжении, и, как правило, следовал скорее за ним, нежели за оригиналом. Например, в нескольких диалогах из комедии Шекспира «Мера за меру», включенных в поэму «Анджело», хорошо заметны лексемы и синтаксические конструкции, идущие не от английского оригинала, а от французского прозаического перевода пьесы. Характерно, что единственную лексическую ошибку в них Пушкин сделал, доверившись французскому переводчику, который неверно передал фразеологизм «make friends to» (войти в доверие к кому-то, подольститься) как «explorer des amis» (использовать / действовать через друзей). Если у Шекспира Клавдио хочет, чтобы его сестра Изабелла «подольстилась к суровому наместнику» («Implor her, in thy voice, that she make friends / To the strict deputy» – I, 2:170–171), то у Пушкина, как и во французском переводе, вместо этого речь идет о каких-то неведомых друзьях: «Скажи, <...> чтоб поспешила/ Она спасти меня, друзей бы упросила...» (4, 254).

Даже если Пушкин знал, что перевод-посредник не отличается большой надежностью, и имел возможность сравнить его с английским оригиналом, он все равно пользовался им

как основным источником. Так Пушкин поступил, скажем, с неточным и устаревшим русским переводом аллегорического романа Джона Баньяна «Путь паломника» («The Pilgrim's Progress»), первые страницы которого он вольно переложил в «Страннике». В специальной работе об источниках этого стихотворения А.Г. Габричевский показал, что в нем, с одной стороны, имеется место, которое передает оригинал точнее, чем русский перевод, а с другой — есть целый ряд стихов, в которых «выражения почти слово в слово те же, что и в переводе»^{*****}. Явные следы работы именно с переводом обнаруживаются и в не учтенной Габричевским первоначальной редакции «Странника», где Пушкин еще в нескольких случаях отталкивается непосредственно от русского источника^{*****}. Поэтому выводы Д.Д. Благого, увидевшего в наблюдениях Габричевского доказательство того, что «Пушкин пользовался и английским оригиналом, и данным русским переводом»^{*****}, представляются верными, но недостаточными. Скорее здесь можно говорить о радикальной

^{*****} См Габричевский А. «Странник» Пушкина и его отношение к английскому подлиннику // Пушкин и его современники Материалы и исследования Вып XIX–XX Пг, 1914. — С 47, примеч 1.

^{*****} Ср, например

И стал он <i>трепетать и плакать</i>	< > начал <i>плакать и трепетать</i>
Что буду я <i>творить</i> ?	«Что ми подобает <i>творити</i> ?»
< > <i>тяжкое</i> несносно давит <i>бремя</i>	<i>тяжкое бремя</i> мое причиноу погибели моей
целу <i>ночь все плакал и вздыхал</i>	вместо сна <i>всю ночь воздыхал</i> <i>и плакал</i>

«Странник» (Акад III 2, 979–980). Русский перевод «Пути паломника» (1819) — Сочинения Иоанна Бюниана М., 1819 Ч 1 С 11–13.

^{*****} Благой Д.Д. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин Исследования и материалы М., Л., 1962 Т IV. — С 54.

переделке архаичного переводного текста, к которому отчасти восходит стилизованный язык «Странника», тогда как английский оригинал отражается в стихотворении лишь одной малозначимой деталью. Недостаточное знание английского языка и, как следствие, не всегда верное понимание оригинала во многих случаях весьма благотворно влияли на сам ход творческого процесса, ибо активизировали творческую фантазию Пушкина, заставляли его домысливать недостающие элементы или создавать собственные их заменители. Так, можно предположить, что песней Мэри в «Пире во время чумы» мы не в последнюю очередь обязаны обильным шотландским диалектизмам подлинника, которые Пушкин в Болдине, без специальных пособий и словарей, едва ли имел возможность перевести. Допущенные при переводе Вильсона грамматические и лексические ошибки, о которых мы упоминали выше, в конечном счете получают определенное художественное обоснование, входя в новую систему смысловых отношений и соответствий, мотивированных не столько оригиналом, сколько структурно-тематическими связями внутри «Пира во время чумы» и его контекстов. Г. Гиффорд уже писал о том, что пушкинский смелый образ говорящих мертвецов, зовущих к себе Луизу, – это поэтическая удача, оживляющая описание, несмотря на то что образ этот появился вследствие оплошности. К этому следует добавить, что он не просто «украшает» монолог Луизы, но и входит в разветвленную сеть мотивов, связанных с одной из главных тем как «Пира», так и цикла «маленьких трагедий» (и, шире, всего творчества Пушкина 1830–1831 годов), – с двойной темой «вызывания мертвыми – живых, а живыми – мертвых». Не исключено, что сама продуктивность воздействия на Пушкина Байрона и Шекспира в 1820-е годы не в последнюю очередь объясняется тем обстоятельством,

что он, по сути дела, имел дело не с Байроном, а с его переводчиком А. Пишо, не с Шекспиром, а с Летурнером и Гизо, а также с сопутствующей литературой, в основном на французском языке. Вместо изучения оригиналов Пушкин руководствовался их иноязычными прозаическими переложениями и чужими критическими оценками, что позволяло ему создавать для себя идеальные модели творчества обоих поэтов, абстрагированные от поэтического языка оригинала, и выделять в них те свойства, которые были созвучны его собственным художественным установкам. В результате он получал возможность интегрировать новые темы, структурные принципы и композиционные приемы в свою поэтическую систему, которая при этом развивалась независимо от Байрона или Шекспира. Работая в 1820-е годы с французскими переводами-посредниками, Пушкин неизменно обращает внимание на «изобретение», «план», «систему» авторитетных текстов, и его «шекспиризм» или «байронизм» в основном ограничиваются областью архитектоники. Наиболее яркий и, как ни странно, наименее изученный пример подобного присвоения чужого – влияние «комических поэм» Байрона на замысел «Евгения Онегина»^{*****}. Известно, что, сообщая Вяземскому о начале работы над «романом в стихах» в 1823 году, Пушкин отметил сходство этой формы с «Дон Жуаном» (10, 57), а в предисловии к отдельной публикации первой главы писал, что она «напоминает 'Беппо', шуточное произведение мрачного Байрона» (5, 427). В то же время, отвечая на критику А.А. Бестужева, он резко возразил против срав-

^{*****} Интересные соображения о преемственной связи «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном» в том, что касается формы, манеры повествования, структуры, отношения автора к своему тексту, были высказаны в московском докладе американского исследователя Л.Н. Штильмана, вызвавшем большой переполох в советском литературоведении (см.: *Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине»* А.С. Пушкина.

нения «Евгения Онегина» с поэмой Байрона: «Никто более меня не уважает «Дон-Жуана» (первые пять песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с «Онегиным»» (10, 104). В этих суждениях Пушкина на самом деле нет никакого противоречия. «Евгений Онегин» действительно не имеет ничего общего ни с авантюрно-эротическим сюжетом «Дон Жуана», ни с характерами его героев, ни с центральной для Байрона установкой на тотальное сатирическое осмеяние всех общественных институтов, нравов и верований, которого требовал от Пушкина декабрист Бестужев. Однако в том, что касается пушкинской «формы плана», самой структуры повествования, где ведущую роль играет образ «забалтывающегося» автора, «Евгений Онегин» во многом следует за «Дон Жуаном», явившимся для него моделью и катализатором. Как резюмировал В.М. Жирмунский, «композиционный замысел «комической поэмы» отражается в характере отступлений, в игре с сюжетом. Ее манера повествования определяет собой иронический тон поэта-рассказчика по отношению к герою и событиям его жизни»^{*****}. К манере «Дон Жуана», в котором Пушкин, вслед за Вальтером Скоттом, усматривал «удивительное шекспировское разнообразие» (7, 50), восходят важные особенности поэтики «Евгения Онегина»: деление текста на нумерованные строфы, стилевое многоголосье, не исключая и резких, снижающих переходов от «поэтического» к «прозаическому»; прерывание рассказа всевозможными отступлениями в духе Стерна (байроновское *digression*), в которых иногда обнаруживаются тематические параллели; автометаописательные комментарии, особенно в концовках глав^{*****}; игра с «чужой речью» (цитаты, реминисценции,

^{*****} Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. (Избранные труды). – С. 218.

^{*****} См. об этом: Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. – С. 19–20.

пародии, иноязычные вкрапления и т.д.). Как «смирненно сознался» сам Пушкин в «Опровержении на критики», две выпущенные строфы в «Дон Жуане» послужили образцом для пропущенных строф в «Евгении Онегине» (7, 122). То же самое можно утверждать и в отношении ряда других приемов – например, авторских обращений к читателям и собратьям по перу, иронических *a parte* в скобках, каталогов имен и предметов, межстрофических *enjambements*^{*****}. Сама творческая история «Дон Жуана» – поэмы, писавшейся пять лет с перерывами, публиковавшейся по частям и оставшейся неоконченной, – была для Пушкина ориентиром и фоном игры с читательскими ожиданиями. Очевидно, именно ее он имел в виду, когда писал в предисловии к первой главе «Евгения Онегина», что это «большое стихотворение», несколько «песен, или глав» которого уже готовы, «вероятно, не будет окончено» (5, 427). По наблюдению Л.Н. Штильмана, явная параллель к «Дон Жуану» (на которую сам Пушкин намеревался указать в примечаниях к полному изданию романа 1833 года) есть и в заключительной строфе первой главы. Подобно последней строфе Первой песни «Дон Жуана», она содержит ироническое напутствие автора своему творению на манер первой из «Скорбных элегий» Овидия:

*Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань
Кривые толки, шум и брань* (5, 30)

***** О переносах из строфы в строфу у Пушкина как особом приеме, нарушающем читательские ожидания, см. Томашевский Б.В. Строфика Пушкина // Пушкин Исследования и материалы М., Л., 1958 ТИС 114–116 В «Дон Жуане», как и в «Евгении Онегине», этот прием используется редко и создает резкий ритмический эффект (ср., например, строфы VI и VII Второй песни или VIII–IX песни Пятой).

В «Дон Жуане» сходное обращение дано в кавычках («Иди, книжка, прочь из моего уединения! / Я посылаю тебя по водам, иди своим путем! / И если, как я думаю, ты хороша по своему духу, / Мир найдет тебя много дней спустя»), ибо, как объясняет ниже Байрон, оно представляет собой цитату из его заклятого врага Роберта Саути («Первые четыре стиха написал Саути, каждую строчку: / Ради Бога, читатель, не спутай их с моими»). Байрон издевается над претензиями благопристойного «поэта-лауреата» на роль нового Овидия, которую он присваивает себе как современному певцу «науки страсти нежной» и изгнаннику *par excellence* Пушкин же цитирует не Саути (для него нерелевантного), а сам байроновский прием, актуализируя его классический подтекст и уподобляя себя двум прославленным изгнанникам: подобно тому как Овидий посылал свое творенье из Том в Рим, а Байрон – из Италии в Англию, он шлет «Евгения Онегина» из ссылки «к неврам берегам», куда, говоря словами «Скорбных элегий», ему, «увы, доступа нет самому». Важно, что отсылка к «Дон Жуану» появляется в строфе, где, как писал Ю.М. Лотман, декларированы «важнейшие творческие принципы поэта, свободное движение плана действия < > и принцип совмещения противоречий»^{*****}. Определенные проявления этих же принципов Пушкин должен был заметить и у Байрона, особенно в том, что касается изменений планов и композиционных решений. Называя свою Музу «своенравной феей» (песнь IV, строфа LXXIV; ср. в седьмой главе «Евгения Онегина». «С моею музой своенравной» – 5, 123), Байрон в Первой песни «Дон Жуана» объявлял, что его поэма будет построена как классический эпос из двенадцати книг и трех эпизодов (строфа CC); во Второй уточнял, что число

^{*****} Лотман Ю.М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин СПб, 1995, – С 586.

песен может дойти до двадцати четырех (строфа ССХVI), в конце Третьей сокрушался, что пишет «слишком эпично», и предлагал разделить песнь надвое (строфа СХI), в Четвертой сообщал, что у него вообще нет никакого плана, кроме нового для него намеренья «предаваться мимолетному веселью» (строфа V); в Двенадцатой (которая, согласно первоначальному замыслу, должна была стать последней) неожиданно утверждал, что собственно поэму, в которой будет сотня песен, он еще не начал писать и только работает над ее планом, а известные читателю части – это лишь вступление к ней, «прелюдии», «проба струны или двух на лире» (строфы LIV–LV, LXXXVII). В 1830–1831 годах, когда Пушкин обдумывал завершение или продолжение «Евгения Онегина», он знал — из прочитанного им по-французски собрания писем и дневниковых записей Байрона, изданного Томасом Муром, — о неосуществленных и весьма противоречивых планах продолжения и завершения «Дон Жуана». В письме к Джону Мьюрри от 16 февраля 1821 года Байрон сообщал, что он намеревался отправить своего героя в путешествие по Европе, сделав его «cavalier servente» в Италии, «причиной развода» в Англии, вертерянцем в Германии. Кончить свой путь Дон Жуан должен был во время Французской революции, «как Анахарсис Клотц», то есть на гильотине, где кончил жизнь неистовый атеист. При этом Байрон добавляет, что еще не решил, каким будет конец героя: окажется ли он в аду, как того требует испанская легенда, или в несчастливом браке. Как можно заметить, с этими планами перекликаются некоторые недоосуществленные или потенциальные варианты развития сюжета «Евгения Онегина», — долгое путешествие героя, его участие в декабристском восстании, адюльтер. Байрон в «Дон Жуане» постоянно колеблется между двумя повествовательными стратегиями. С одной стороны,

эпическая традиция и легенда о Дон Жуане побуждают его искать способ «закрыть» сюжет одним из двух возможных финалов – гибелью или женитьбой героя (ср. в строфе IX Третьей песни поэмы: «Все трагедии заканчиваются смертью, / Все комедии кончаются женитьбой»). С другой стороны, линейная авантюрная фабула (которая допускает нанизывание событий, стремящееся к бесконечности) и стернианская техника задержки действия отступлениями дневникового типа позволяют длить повествование бесконечно долго, откладывая ожидаемую развязку все дальше и дальше, до гипотетической сотой (или тысячной) песни. Судьба распорядилась так, что «Дон Жуан» получил открытый финал вполне в духе Стерна. Для читателей XIX века, не знавших начатой Байроном Семнадцатой песни, поэма обрывалась «на самом интересном месте»: герой, подобно Йорику из «Сентиментального путешествия», протягивал руку в темной спальне и обнаруживал, что перед ним не привидение, а замужняя светская дама, готовая ему отдаться. По тонкому замечанию А.С. Немзера, начиная «Евгения Онегина», Пушкин читал «Дон Жуана» как «открытое» повествование, которое в то же время может – «в любой момент — обрести вполне определенный сюжетный итог», и «композиционная двойственность» его романа восходит именно к этим структурным особенностям поэмы Байрона^{*****}. Согласимся с А.С. Немзером и в том, что оборванная концовка «Евгения Онегина» в определенной степени перекликается с непредумышленным обрывом повествования в Шестнадцатой песни «Дон Жуана», получившей статус финальной из-за того, что автор рано оставил «праздник жизни»: «...мнимая незавершенность пушкинского романа становилась эквивалентом реальной

^{*****} См.: Немзер А. «Евгений Онегин» и творческая эволюция Пушкина // Одиссей: Человек в истории. М., 1999. – С. 289–290.

незавершенности байроновской поэмы»^{*****}. Сама сцена в будуаре Татьяны тогда может рассматриваться как инверсия сцены в спальне Дон Жуана – любовная драма пародирует (в тыняновском смысле) фривольный фарс. Отзываясь в 1824 году на смерть Байрона в письме к Вяземскому, Пушкин подчеркивал резкие изменения в его поэзии: «...постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал – пропел и замолчал; и первые звуки его уже не возвратились – после 4-й песни Child-Harold Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» (10, 74). Очевидно, что в это время (когда у него были готовы только две главы «Евгения Онегина») он стремился дистанцироваться от позднего – «другого», «созревшего» – Байрона, то есть от автора «Дон Жуана», который в Первой же песни поэмы напоминал, что ему исполнилось тридцать лет, и прощался с ушедшими «днями любви», с «маем» своей «жаркой юности», когда его «сердцем владела страсть, а умом – рифмы» (строфы ССХІІІ—ССХVІІ). Два года спустя, в конце шестой главы, Пушкин сам, подобно Байрону, прощается с «весной своих дней», напоминает, что ему скоро тридцать лет, и говорит о том, что пускается «ныне в новый путь / От жизни прошлой отдохнуть» (5, 119). О наступившей трезвой зрелости, противопоставляя ее «жару» и «волшебной тоске» юности, он писал и в «Путешествии Онегина»:

*Какие б чувства ни таились
Тогда во мне – теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,*

^{*****} См.: Немзер А. «Евгений Онегин» и творческая эволюция Пушкина. – С. 296/

*И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страдания...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал. (5, 174)*

Нельзя не согласиться с Л.Н. Штильманом, писавшим, что тема наступившей зрелости в «Евгении Онегине» – данная «без элегических затей», в автобиографическом аспекте – идет от «Дон Жуана» и что в обоих случаях она подчеркивает «переход от одного жанра к другому, от одной поэтики к другой»^{*****}. Сходство здесь, однако, представляется куда менее значимым, чем смещение. Переход от юности к зрелости в «Дон Жуане» есть свершившийся факт, главная предпосылка и мотивировка текста, определяющая образ автора и его отношение к своим героям. Трезвомыслящий до цинизма, навсегда расставшийся с пылкими романтическими чувствами и мечтами, разочарованный и пресыщенный автор остается неизменным на протяжении всего повествования; меняться же допускается только его юному и наивному герою, который, по замыслу Байрона, должен с возрастом становиться все более «gate и blase» – все более развращенным и пресыщенным, – то есть должен постепенно приближаться к авторской позиции. Такой же переход у Пушкина — это не предпосылка, а один из важнейших итогов романа, его центральное сюжетное событие, приуроченное к гибели юного Ленского и влекущее за собой перенос авторского внимания с героя, подражающего «певцу Гяура и Жуана», на героиню.

^{*****} Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. – С. 22.

Пушкинский повзрослевший автор не теряет способность чувствовать, но обретает «иные желания», «новую печаль», «другие сны» и в конце концов снова сближает себя с Онегиным, когда тот преодолевает свой наигранный и стерильный «байронизм».

ПУШКИН И ИСПАНИЯ

Агата Ожешек

Пушкин в переводах на испанский и каталонский языки*

Когда профессор Михайлова пригласила меня принять участие в пушкинской неделе, я долго думала, что интересного о Пушкине может рассказать российским пушкинистам полька, живущая в Барселоне и преподающая испанским студентам русский язык (на первоначальном этапе обучения) и кое-что из теории и практики перевода на испанский язык. Наконец, благодаря блестящей идее одного из моих коллег – профессора по переводу, я решила сказать несколько слов о существующих переводах произведений Пушкина на испанский и каталонский языки и, в общем, о том, что (и как) знают барселонские студенты (и не только студенты, но и каталонское общество) о гении русской литературы.

Итак, я решила просмотреть библиографический фонд Государственной библиотеки Каталонии, где находится (во всяком случае, должно находиться) все, что было издано в Испании за последние 150 лет.

И вот результаты моих поисков. Сначала давайте посмотрим, какие произведения Пушкина переведены на испанский и на каталонский языки и опубликованы в Испании:

- Дубровский – 1892 (кат.), 1921 (кат.), 1935 (кат.), 1953, 1963, 1969. (6)

* «Внимая звуку струн твоих...». – Калининград, 1999. – С. 55–62.

- Пиковая дама – 1897 (кат.), 189?, 1921 (кат.), 1935 (кат.), 1942, 1951, 1952, 1959, 1961, 1965, 1981 (кат.), 1990 (кат.). (12)
- Уединенный домик на Васильевском острове – 1919. (1)
- Барышня-крестьянка– 1921 (кат.), 1942, 1953, 1966, 1969, 1981 (кат.), 1990 (кат.). (7)
- Метель – 1921 (кат.), 1940, 1943, 1959, 1963, 1981 (кат.), 1990 (кат.). (7)
- Выстрел – 1921 (кат.), 1942, 1964, 1961, 1969, 1971. (6)
- Несколько лирических стихотворений – 1930, 1983 (кат.). (2)
- Борис Годунов – 1934 (кат.), 1942, 1957, 1959. (4)
- Капитанская дочка – 1935 (кат.), 1940, 1958, 1981, 1981 (кат.), 1990 (кат.). (6)
- Каменный гость – 1938, 1965 (Дон Жуан). (2)
- Пир во время чумы (Джон Уилсон – 1816) – 1938. (1)
- Русалка – 1942, 1965. (2)
- Моцарт и Сальери – 1942, 1965. (2)
- Евгений Онегин – 1942, 1959, 1969, 1983 (кат.). (4)
- Граф Нулин – 1942, 1960. (2)
- Медный всадник– 1942, 1960, 1983 (кат.). (3)
- Голуб – 1942 (Galub). (1)
- Сказка о царе Салтане – 1942. (1)
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях – 1942. (1)
- Руслан и Людмила – 1942. (1)
- Кавказский пленник – 1942. (1)
- Бахчисарайский фонтан – 1942. (1)
- Цыганы – 1942.(1)
- Арап Петра Великого – 1952. (1)
- Гробовщик – 1952. (1)
- Египетские ночи – 1952. (1)
- Рославлев–1952. (1)

- Станционный смотритель – 1961, 1967 (Dunia). (2)
- Скупой рыцарь (отрывок) – 1983 (кат.). (1)

На первый взгляд кажется, что не так уж плохо обстоят дела с переводами произведений Пушкина. Их довольно много, но дело не в количестве, а в качестве. Этим вопросом займемся немножко позже.

С хронологической точки зрения, Пушкина начали печатать в Испании только в конце прошлого века. Первое знакомство каталонского общества с творчеством Пушкина возникло благодаря французским переводам (Тургенева и Виардо), которые до сих пор хранятся в Государственной библиотеке Каталонии. (Нужно сказать, что образованная часть каталонского общества всегда прекрасно владела французским языком). Но скоро появляются «собственные» переводы – любопытно, что сначала на каталонский, а только потом на испанский язык. Это *Дубровский* и *Пиковая дама*. Публикуются они в журналах: каталонские переводы в журнале «Ренашенса», а испанский – тоже *Пиковал дама* – в приложении к газете «El tiempo» (Время). Сразу становится очевидно, что все три перевода сделаны не с русского, а с французского языка: достаточно посмотреть на орфографию фамилий – сохраняется типичная для французского языка транслитерация (Pouchkine, Doubrovsky, Naroumoff и т. д.).

В 1919 году появляется *Уединенный домик на Васильевском*, первый перевод на испанский язык, опубликованный не в журнале, а как самостоятельная книга. Не кажется ли нам странным тот факт, что первое книжное издание Пушкина – это не сам Пушкин, а пересказ Титова? В предисловии (без подписи, фамилия переводчика тоже неизвестна) уверяют читателя в том, что это первый перевод на западный язык только что открытого этим издательством русского писателя. То же

издательство, несколько лет спустя, опубликует *Дубровского* и опять соврет насчет «открытия» и «перевода с подлинника». А правда состоит в том, что одна из публикаций опирается на французский текст, а вторая – на немецкий,

Только в 20-х и 30-х годах появляются переводы с русского языка. Показательно, что опять не на испанский, а на каталонский язык. Это *Дубровский*, *Пиковая дама*, *Капитанская дочка* и три из «Повестей Белкина»: *Выстрел*, *Метель* и *Барышня-крестьянка*. В будущем каталонские издательства еще неоднократно будут публиковать эти тексты, но не будет ни одной попытки перевести их заново. Перевод Рудольфа Слабого 21-го года, по-видимому, считается окончательным.

Только в сороковых и пятидесятых годах (точнее говоря, речь идет о двух изданиях – 1942-го и 1952-го годов) испанский читатель имеет возможность познакомиться с произведениями Пушкина в переводе прямо с русского языка, а не через третий (иногда даже четвертый) язык, как бывало раньше. (См. список переводов). Беда в том, что, так как эти переводы сделаны в Аргентине, они полны латиноамериканизмов, что придает текстам южноамериканский вкус, который у испанского читателя вызывает ощущение, как будто Пушкин родился не в России, а где-то в экзотических джунглях Парагвая.

Есть одно исключение: юбилейное издание перевода двух драматических пьес испанским правительством с помощью посольства СССР в 1938 году. Перевод совместный, сделанный русским специалистом-филологом вместе с испанским коллегой-поэтом (Савич/Алтолагирре). И, конечно, поэтому он не ограничивается передачей сюжета, но и передает поэтическое ощущение. Жаль, что его мало кто читал: книга ведь была издана в конце гражданской войны и после нее побе-

дители – франкисты, конечно, не возобновляли «литературы врагов». И, конечно, враг в этом случае не Пушкин (наверяд ли фашистская власть слышала о существовании такого), а республиканское правительство и его сотрудник – сам дьявол – посольство СССР.

В пятидесятых и шестидесятых годах публикуется в журналах довольно много коротких прозаических произведений Пушкина, главным образом *Метель*, *Выстрел* и *Барышня-крестьянка*. В театральных и музыкальных журналах появляются также *Борис Годунов*, *Моцарт и Сальери* и *Каменный гость* (последний под названием *Дон Жуан*. В предисловии переводчик объясняет свое решение тем, что центральной фигурой пьесы является Дон Жуан, а не Командор – значит, Пушкин ошибся, неправильно назвал свое произведение). Все эти тексты – это уже знакомые нам переводы с французского языка и те, переведенные в Южной Америке.

Исключением в то время (1961 г.) являлся блестящий перевод с русского на европейско-испанский язык *Выстрела* и *Станционного смотрителя*, авторства Аугуста Видаля, опубликованный в Антологии «Русские рассказы». Да, испанцам пришлось ждать почти полтора века, чтобы наконец насладиться «настоящим Пушкиным». Жаль, что только двумя произведениями, но «и то хлеб».

Семидесятые годы – период, не очень благоприятствующий Пушкину: его в Испании не публикуют. Но стоило ждать: в 1981 году издается первый хороший перевод (с русского языка на испанский) *Капитанской дочки*.

1983 год приносит каталонцам чрезвычайный подарок: поэзию Пушкина (фрагменты из *Евгения Онегина*, *Медного всадника*, *Скупого рыцаря* и несколько стихотворений) переведенную не прозой, а в стихах (Елена Видаль и Микел Десклот). Этот перевод, вместе с маленьким сборником лири-

ческих стихотворений, изданным в 1930 году, является единственной попыткой передать поэзию Пушкина поэзией.

В девяностых годах вышло только одно издание – каталонское – произведений Пушкина: *Пиковая дама* (с подзаголовком *или секрет графини*), *Капитанская дочка*, *Барышня-крестьянка*, *Метель и Выстрел* в переводе Рудольфа Слабого 21-го и 35-го годов.

Раз мы уже перечислили переводы произведений Пушкина на испанский и каталонский языки, позвольте сейчас сказать несколько слов об их качестве.

Беспорядок в них изумительный: например, хотя переведены все «Повести Белкина», они ни разу не собраны в одном томе. То издается одна из них с *Пиковой дамой*, то с *Капитанской дочкой*, то с *Евгением Онегиным*.

В переводах прошлого столетия и пятидесятых и шестидесятых годов нашего, фамилии переводчиков не упоминаются. С одной стороны, это обидно, но с другой, пожалуй, лучше: некому стыдиться.

А есть чего. О большинстве переводов даже нельзя сказать, что они плохие. Они ужасные. Во-первых, потому, что они не сделаны специалистами, а тем, кто согласился на ставку издателя, во-вторых, потому, что они не переводились с русского, а с так называемого «третьего» или даже «четвертого» языка.

(В одном из переводов *Дубровского*, изданном в 1963 году, довольно крупным и важным на книжном рынке издательством, я обнаружила влияние по крайней мере трех языков: каталонского, немецкого и французского. Возможно, что переводчик одновременно пользовался всеми тремя текстами, но ошибок, изменений, пропусков так много, что можно полагать, что хорошо не знал ни одного из этих языков и переводил, опираясь на свою собственную, к сожалению, ни филологическую, ни поэтическую – интуицию).

Раз мы уже говорим о плохих переводах, мне хочется рассказать Вам об одном издании, которое, по-моему, побило все рекорды. Речь идет о книге, опубликованной в 1969, году большим, влиятельным барселонским издательством в очень в свое время популярной и – что важно – дешевой серии «Классическая книга». Содержит произведения: *Евгений Онегин* (пересказ прозой), *Выстрел*, *Барышня-крестьянка* и *Пиковая дама* (под названием *Непредвиденный случай в игре*). Все четыре перевода принадлежат к «ужасным» (к счастью, не упоминается фамилия переводчика), но рекорды глупости бьет уже самое предисловие. В нем утверждается, что, цитирую: «*Повести Белкина* это: *Выстрел*, *Барышня-крестьянка* и опубликованный в книге *Непредвиденный случай в игре*». И дальше: «Пушкин – автор только трех произведений. Это *Повести Белкина*, *Пиковая дама* (!) и *Капитанская дочка*». Комментарии излишни.

Теперь мне хочется сказать несколько слов об испанских и каталонских названиях произведений Пушкина. В названиях беспорядок не меньший, чем в самих переводах. Вопрос о *Дон Жуане* вместо *Каменного гостя* я уже затрагивала.

«*Выстрел*», в свою очередь, появляется под пятью названиями. Постараюсь их пере-перевести: «выстрел» с определенным артиклем (как и должно быть); «памятный выстрел» (зачем исправлять автора?); «вызов» или «дуэль» (слово *desafío* может иметь оба значения) и, по моему мнению, самое любопытное название – «одна пуля в запасе» (тут в самом заглавии переводчик заключил содержание целого текста).

Так же обстоят дела с *Метелью*. Тут проблема не в самом значении, а в отсутствии точного эквивалента слова. Ни испанский, ни каталонский язык не располагают эквивалентным термином из-за климата. Точнее говоря, в словарях такой термин существует, но его никто не знает, кроме маленькой

группы жителей Пиренейских гор. Поэтому обыкновенную в нашей географической широте «метель» нужно было перевести с помощью парафразы: «снежная буря» (в одном случае), «снежная гроза» (в другом). У переводчиков (или издательства – в Испании названия литературных произведений часто зависят не от переводчика, а от отделения маркетинга издательства), которые хотели быть верными оригинальной форме и сохранили однословное название, оно получилось неадекватным по значению: просто «Буря» или «Снег».

Барышня-крестьянка появляется под тремя названиями: все согласны, как перевести «крестьянку», но «барышню» выражают каждый по-своему: то *senorita*, (наиболее адекватное слово), то *hidalga* (слово с четким испанским вкусом: *hidalgo* – испанский дворянин), то «переодетая крестьянка» (как будто бы шла на бал).

Переводов и изданий *Дубровского* довольно много: шесть. Но книга только раз появляется под оригинальным названием. Всегда его определяют: добавляют «бандит» или «разбойник», а в одной версии даже не появляется фамилия пушкинского героя, а его полное определение: романтический разбойник.

Станционный смотритель у Видаля таким и остался. Но в «Антологии любви» текст Пушкина получает название «Дуня», наверно, чтобы привлечь читателя экзотическим для испанского уха именем.

Медный всадник тоже вызывает полемику между переводчиками. Иногда он действительно «медный», но иногда он «бронзовый». В одном переводе он действительно «всадник», в другом «рыцарь». И опять задаем вопрос: зачем исправлять автора?

Положение всемирно известной (в Испании, скорее всего, благодаря опере) **«Пиковой дамы»** представляется не лучше.

Итак, встречаем семь разных названий (опять можем говорить о рекорде). Но в этом случае более понятно, почему. Тут ситуация переводчика немножко сложнее: дело в том, что в Испании мало кто пользуется нам знакомыми картами, которые испанцы и каталонцы называют «французскими». А испанская колода иная: в ней отсутствуют черви, трефы, бубны и – что для нас важно – пики. Вместо них есть золото, бокалы, дубинки и кинжалы. Карт одной масти не 13, а 12, и единственные фигуры – это валет, лошадь и король. Дамы нету и поэтому перевод словосочетания *Пиковая дама* оказался наиболее сложным. Попытаемся проанализировать, как разные переводчики преодолели эту трудность.

La dama depicas: испанцам, пользующимся «французской колодой» ясно, что такое «дама», но вторая часть словосочетания (которая значит копье) звучит странно, фальшиво. Нужно было оставить оригинальное французское слово *pique*, в кавычках, и получилось бы самое верное подлиннику название.

Так и сделал переводчик на каталонский язык. Сохранил оригинальную французскую орфографию, но обидно, что добавил объяснительный подзаголовок *или секрет графини*.

La reina de espadas – кинжальная королева. Так как в испанской колоде есть кинжалы, тут понятно, что такое кинжальная, но королева? Смесь обеих колод звучит еще фальшивее, чем *La dama de picas*.

Непредвиденный случай в игре. Тут переводчик не то, что преодолел, а избег трудности. По-видимому, ему не мешало, что его версия ничем не напоминает подлинника Пушкина.

Дама из трех карт. Трудность толкования масти здесь безусловно преодолена, но эта версия не только не верна подлиннику, но и пытается объяснить сюжет произведения.

Кинжальный король и кинжальный валет. Испанский читатель все прекрасно понимает – масть и обе фигуры соответствуют испанской колоде. И все было бы в порядке, если бы, во-первых, Пушкин написал **Пикового валета** и, во-вторых, если в одной из последних сцен княгиня не представилась бы Герману в виде пиковой дамы. В текстах, где вместо дамы переводчик решил поставить валета, эта великолепная сцена теряет весь смысл, от нее ничего не остается.

На самом деле, переводчики согласны с названиями только четырех произведений – это **Капитанская дочка, Евгений Онегин, Моцарт и Сальери и Борис Годунов**. (Здесь, конечно, я не имею в виду те произведения, которые были опубликованы и в Испании только один раз.) Чем больше переводов и изданий, тем больше названий.

Не кажется ли нам странным, что произведения поэта категории Пушкина не заслужили в Испании права на названия, принятые всеми?

Наконец, позвольте вернуться на пару минут к теме столь обычного в Испании перевода (точнее говоря – пересказа) поэзии прозой.

В предисловии к польскому изданию **Евгения Онегина** – в великолепном, поэтическом, разумеется, переводе Адама Важыка (1970–1993) Рышард Лужны пишет:

«Суть достижения Пушкина заключалась вот в чем: это произведение превышало все предыдущие – современную, чрезвычайно актуальную идейную и нравственную проблематику – автор сумел выразить в дышащих психологической правдой картинах и в сценах, полных жизненной конкретности», (это насчет содержания) «и все это заключил в необыкновенно метко подобранной литературно-артистической форме» (тут уже – что для нас важно – речь начинает идти о форме). «Достиг притом исключительной

гармонии содержательно-проблемной и формальной сферы произведения; адекватности его «внутренней» и «внешней формы», создал неповторимый, оригинальный жанровый синтез, благородный сплав особенностей эпики и лирики, «прозы» и поэзии, черт объективного повествования и самой глубокой, самой интимной поэтической исповеди.»

На испанский язык *Евгения Онегина* перекладывали дважды, и оба раза прозой. «Внешняя форма» совсем исчезает, соблюдается только часть «внутренней формы», само содержание повествования, эта «проза», которую Лужный поставил в кавычки и которой совсем не достаточно, чтобы понять творчество Пушкина и наслаждаться им.

И еще одно, уже последнее, замечание: почти все прологи, эпилоги, предисловия, послесловия, энциклопедические статьи и т.п. начинаются предложением: Пушкин – великий русский поэт. Подчеркиваю слово «поэт». В свете того, что я Вам рассказала об испанских и каталонских переводах его произведений прозой, согласитесь со мной, что испанцам нужна сильная, несокрушимая вера, чтобы убедиться в том, что Пушкин – действительно поэт, да и еще великий.

ПУШКИН И ПОЛЬША

Феликс Кичатов

«Их души вознеслись над всем земным...»*

*Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним зримо,
со стороны, —
О, как мы стали бы терпимы
и как скромны!*

Роберт Бернс

Судьбе было угодно, чтобы в Москве встретились два великих славянских поэта: Александр Пушкин и Адам Мицкевич. Эта встреча стала символом дружбы двух соседних народов, диалогом, взаимообогащающим культуры двух стран.

Их личная дружба, возникшая с первых мгновений знакомства, нашла яркое отражение в воспоминаниях многочисленных современников, запечатлелась в поэзии и переводах творений друг друга, в их, казалось бы, противоречивых мотивах «Бахчисарайского фонтана» и «Сонетов», «Полтавы» и «Конрада Валенрода», «Медного всадника» и «Отрывка» 3-й части «Дзядов».

Почти ровесники, они были сосланы в ссылку (один – на юг, другой в Россию) императором Александром I; оба некоторое время проживали в Одессе под надзором генерал-губернатора М.С. Воронцова, где были безнадежно влюблены в одну и ту же красавицу – Каролину Собаньскую, которой посвящали прекрасные стихи; оба восхищались поэзией «певца туманного Альбиона» Джорджа Гордона Байрона, не избежав со-

* «Внимая звуку струн твоих...». – Калининград, 2002. – С. 42–49.

блазна подражания его лучшим произведениям, и, наконец, оба были страстными поборниками Свободы, пути к которой каждый из них понимал по-своему. Если у Мицкевича «Свят созидающий, но свят и разрушитель, // Во имя вольности и счастья людского!» («Редут Ордона»), то у Пушкина – «... лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» («Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»).

Пушкин был очарован личностью Мицкевича. Он говорил: «Из всех поляков меня интересует только Мицкевич». Его профиль он рисует на одном из своих черновиков, на другом – иллюстрацию к «Крымским сонетам». Работая над романом «Евгений Онегин», Пушкин не может обойти молчанием свое восхищение творениями польского поэта:

*Воображаю край священный:
С Агридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал. (VI, 199)***

Этот образ «вдохновенного» поэта-изгнанника мы встречаем и в его «Сонете о сонете», где «Певец Литвы в размер его стесненный //Свои мечты мгновенно заключал».

В ответ на строки «вольности певца» Мицкевич позже вспоминал о дружбе со своим русским братом:

*Их души вознеслись над всем земным. –
Так две скалы, разделены стремниной,*

** Произведения Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А.С. Поли. собр. соч.: В 16 т. Изд. АН СССР, 1937–1949. Римской цифрой указывается номер тома, арабской – страницы.

*Встречаются под небом голубым,
Клонясь к вершине дружеской вершиной,
И ропот волн вверху не слышен им,
Иной из вас, друзья наказан небом строже.****

Но не всегда над этими «скалами» сияло голубое небо. Было время, когда их отношения омрачались хмурыми тучами. По-разному они отнеслись к Польскому восстанию, начавшемуся 17 (29) ноября 1830 года. Пушкин, как известно, на это событие откликнулся тремя стихотворениями: «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинской Годовщиной». Последние два стихотворения вошли в сборник под названием «На взятие Варшавы», переведенном на немецкий язык и изданном в 1831 году, куда вошло и стихотворение В. Жуковского «Старая песня на новый лад».

На эту публикацию Мицкевич ответил «Посланием к москалям», которым завершил «Отрывок» третьей части «Дзядов». Пушкин прочел это послание в 1833 году, когда его друг, С.А. Соболевкий, возвратившийся из-за границы, преподнес ему четвертый том парижского издания сочинений «сына Запада», и не мог не заметить в нем горького упрека в свой адрес:

*Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрую царя или вельможи.
Иль деспота воспев подкупленным пером.
Позорно предает былых друзей злословью.*

В стихотворении «Памятник Петра Великого» его поразила ненависть польского друга к русскому монарху, Петру I, и всем его творениям, в том числе и к Санкт-Петербургу. Было

*** Произведения Мицкевича цитируются по книге: «Клонясь к вершине дружеской вершиной...» / Сост. Я. Леонова. Калининград, 1980.

страстное желание ответить резко, беспощадно, выплеснуть сразу все, что накопилось в душе. Но он не стал спешить.

Сидя в Болдине, отрезанный холерным карантинотом от своего домашнего очага, Пушкин мучительно обдумывает ответ, но чем дальше, тем труднее складываются строки. Работая над «Историей Пугачева», он часто возвращается к мысли о большой петербургской поэме, которая сама бы стала ответом Мицкевичу на его «Памятник Петра Великого». 6 октября в «Альбоме без переплета» появляются первые черновые наброски:

*| На берегу || варяжских | волн
Стоял глубокой думы полн
Великий Петр,.. (V, 436)*

Затем идут перечеркивания, поправки, рисунки на полях: несколько портретов жены (он давно не получал от нее писем), профиль старой женщины и два мужских портрета, но дальше одиннадцати строк не идет. Он снова берется за «Историю Пугачева». Затем, в считанные дни, появляется «Сказка о рыбаке и рыбке». В течение недели он несколько раз возвращался к «Альбому без переплета», записывая туда отдельные стихи петербургской поэмы, но мысли постоянно возвращаются к Мицкевичу.

О том, что испытывал поэт в это время, рассказывают его стихи:

*...Я книгу закрываю;
Беру перо, сию; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной,
Стих вяло тянется, холодный и гуманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...(III, 181)*

В конце октября ему попадают на глаза списки баллад Мицкевича. Он записал их на польском еще в Петербурге, когда получил от Соболевского парижское издание стихотворений поэта. Вспомнил, как был влюблен в «Литовскую балладу», о чем признавался сестре: «Знаешь, Ольга, что это стихотворение как нельзя более мило? Он (Мицкевич – Ф.К.) мне перевел его на французский язык с начала и до конца, и я хочу тоже сделать кое-что из «Будрыса».

В течение нескольких дней он перевел сразу две баллады: «Будрыс и его сыновья» и «Воевода». Интересно, что заставило Пушкина выбрать не мрачные стихи. Мицкевича из петербургского цикла, которые так возмутили его, а его романтические баллады? Видимо, тональность баллад подсадила ему, как надо воспринимать нанесенную ему обиду, пробудила его сознание, сделала ясными мысли. Теперь он знал, как ответить Мицкевичу на его «Памятник». Строки, питаемые чувством гордости за Россию, за родной и вместе с тем не раз проклинаемый Петербург, складывались легко и непринужденно:

*...И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут... (III, 935)*

Я внимательно вчитываюсь в «Литовскую балладу» Мицкевича. Ну, конечно же, совершенно очевидно, что для написания этой шуточной сказки польский поэт использовал реалии, взятые из истории Литовского государства.

Если имя героя поэмы связано непосредственно с университетским товарищем поэта, Винцентием Будревичем по прозвищу «Будрыс», проживавшим в одно время с ним в Москве, то остальные имена (Ольгерд, Кейстут и Скиргелл

или Скиргайло) – широко известные имена великих князей Литовских. Читаю дальше:

*Bo mywiono w Wilne ie otr.ŃobiŃ niemyInie
Try wyprawu na ńwiata try srony:
Olgierd ruskie posady, Skirgieli Lachy sŃisialy,
A ksiŃoz Kiestut napadnie Teutony.****

И здесь Мицкевич исторически достаточно точен, связав имена великих князей Литовских с направлениями их походов: Ольгерд – на Русь, Скиргелл – на Польшу, Кейстут – на Пруссию.

Ольгерд был славен своими походами на Русь, расширявшими за счет ее литовские владения. Родной брат Кейстута, он объединился с ним против остальных братьев и, когда прочно сел на литовский трон, все свои усилия сосредоточил против Руси, используя для этого все возможные средства: р аспри в Орде, породнение с русскими князьями, вероломные набеги на ослабленные русские города, ложь и обман.

Вот что писал о нем наш историк Н.М. Карамзин: «Ольгерд... превосходил братьев умом и славолубием; вел жизнь трезвую, деятельную; не пил ни вина, ни крепкого меду; не терпел шумных пиршеств, и когда другие тратили время в суетных забавах, он советовался с вельможами или с самим собою о способах распространить власть свою»****.

Таким образом, ему удалось утвердить за Литвой Витебскую и большую часть Волынской земель, захватить Шелонскую область и берега Луги, поработить Опоку, Мстиславль,

*** Говорили мне в Вильно, что достоверно
Трубят к трем походам на три стороны света:
Ольгерд на русские селения, Скиргелл на ляхов-соседей,
А князь Кейстут нападет на тевтонов.

(Перевод с польского – К.К. Лавринович)

**** Карамзин Н.М. История государства Российского. М, 1993. Т. 1-4. С.518.

Ржев, Белый, под его зависимостью были Смоленск и Брянск. В 1362 году он захватил Киев, посадил в нем своего сына Владимира.

Что касается Скиргайло, то история действительно подтверждает факт тесных отношений его с Польшей: он был наместником своего брата, польского короля Ягайло, в великом княжестве Литовском. Правда, был он не братом Кейстута, а сыном великого князя Литовского Ольгерда от второй жены – дочери великого князя Тверского, Александра Михайловича, – Ульяны Александровны. В Польшу он наведывался не с военными набегами, а с дружественными визитами.

А вот настоящей грозой для тевтонов был князь Кейстут – сын великого князя Литовского Гедимина и смоленской княжны Ольги. Много он сотворил неприятностей тевтонским рыцарям, особенно в походах 1370 года*****.

Всех их объединяло одно: в них текла русская кровь. Все они старались породниться с русскими князьями: это входило в экспансионные планы Гедиминовичей. Так, у великого князя литовского Гедимина вторая жена, как уже говорилось ранее, была смоленская княжна Ольга Всеволодовна. У его сына, Ольгерда, обе жены были русские княжны: Мария Ярославна Витебская и Ульяна Александровна Тверская. У другого сына, Любарта, первая жена была Анна Андреевна Волинская, вторая – Агафья Константиновна Ростовская. Сын Кейстута, великий князь Литовский Витовт, также был дважды женат на русских княжнах – Марии Лукомской и Анне Смоленской. А свою дочь, Софью, Кейстут выдал за великого князя Московского Василия Третьего.

И нет ничего удивительного в том, что мы среди русских князей обнаруживаем в анналах истории, к примеру, сыновей

***** Любавский М.К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 23–27.

Ольгерда: в Подольске – Ивана, в Мстиславле – Семена, в Пскове – Андрея, в Чернигове – Киргайло и т.д.*****

Мицкевич как поэт увидел в этом не политическую интригу, а тему для шуточной баллады. Но построить ее на точном историческом факте – значит воспевать русских красавиц, чего ему совсем не хотелось. Он так был влюблен в свою Польшу и, конечно же, в польских красавиц, слава о которых распространялась по всей Европе, что, даже будучи сосланным в Россию, влюблялся там только в полячек: то в Каролину Собаньскую, которой посвятил несколько сонетов, то в Цилину Шимановскую, на которой позже женился.

К тому же польский поэт не питал к России нежных чувств. В ней он видел, прежде всего, поработителя своей «Ойчизны» и угнетателя польского народа.

Потому-то в балладе и появились не русские, а польские красавицы.

Занимаясь переводом «Литовской баллады», Пушкин даже не обратил на это внимания. Но два момента заставили его глубоко задуматься, вспомнить распри со своим заклятым недругом – Фаддеем Булгариным. Ему было известно, что Фаддей Бенедиктович родом из великого княжества Литовского и происходит из семьи польского шляхтича. Мало того, Пушкин знал и то, что Булгарин домогался княжеского достоинства, утверждая, что он из рода Скандербергов, о чем писал Е.Ф. Розен в письме к С.П. Шевыреву 16 декабря 1832 года*****. Откуда Пушкин почерпнул эти сведения? А может быть, речь шла вовсе не о роде Скандербергов (уж больно отдаёт он восточным происхождением), а Скиргайло или

***** История родов российского дворянства /Сост. П. Р. Петров. М., 1991. С. 320–323, 368–370.

***** Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. Н.А. Тархова. М., 1999. Т.3. С.525.

Свидригайло? Разве в этой нижегородской глуши вспомнишь сразу, о какой фамилии шла речь? Не лучше ли вовсе заменить в переводе Скиргайло на какую-нибудь магнатную фамилию, допустим Паза, чтобы не давать повода для очередных инсинуаций этого придиричивого лгуна. Все-таки это литературный перевод, и Мицкевич не будет за это в обиде:

*Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замыслены в Вильне походя.
Паз идет на поляков, а Ольгердна пруссаков,
А на русских Кестут воевода. (III, 311)*

На подобные размышления Пушкина могла натолкнуть работа над планом Записок, в первой части которых предусматривались сведения о семье отца. Ведь все родословные изыскания Пушкина были напрямую связаны с нападками Булгарина. Исследования Я.Л. Левкович показали, что над этим планом Пушкин работал как раз в 1833 году, в Болдине*****.

Второй момент связан с именем Ольгерда. В пылу полемики с Булгариным Пушкин обращался к многочисленным источникам, подробно изучая свою родословную. Он не мог не обратить внимание на связь ее с генеалогическим древом гедиминовичей через Ольгерда, Дмитрия Ольгердовича (Корибута), Трубчевских, Трубецких и, наконец, Ольгу Ивановну Головину, жену князя Юрия Юрьевича Трубецкого, родная сестра которой, Евдокия, вышла замуж за Александра Петровича Пушкина – прадеда поэта по отцовской линии***** (см. рис. 1). Родство не бог весть какое, но для Булгарина и этого

***** Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С.161.

***** Черкашин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А. Пушкина. М., 1998. С. 132, 133.

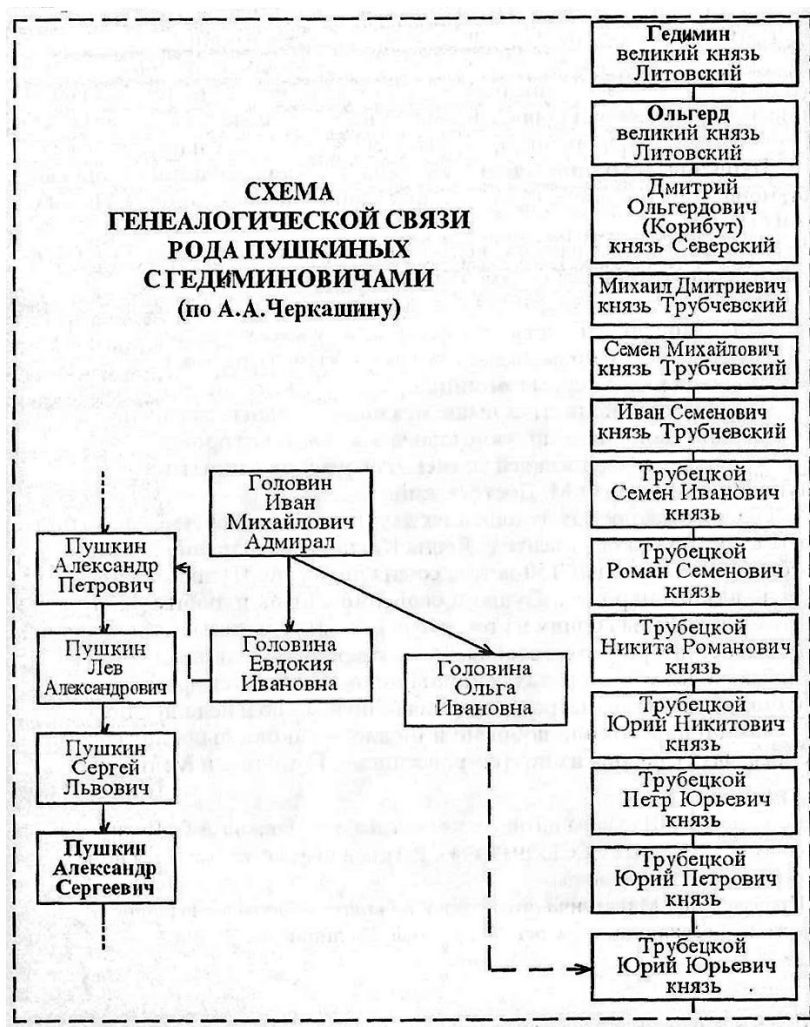

Рис.1

было бы достаточно, чтобы в очередной раз облить грязью своего противника.

Еще свежа была в памяти карамзинская «История государства Российского», где Ольгерд представал поработителем земли русской. И кто его знает, как бы мог использовать Булгарин тот факт в очередных нападках на Пушкина, которые, впрочем, продолжались и без того в 1834 году. Так не лучше ли в своем переводе отправить Ольгерда не на Русь, а, к примеру, на пруссаков – «проклятых крыжаков», а Кейстута развернуть с Запада на Восток и направить на русских? Тем более, что тут нет большой погрешности: и тот, и другой воевали как против русских, так и против тевтонов.

28 октября, в субботу, Пушкин набело переписал стихотворение и назвал его «Будрыш (подражание Мицкевичу)». Так он и написал – «подражание», но не «перевод». Это потом, в 1834 году, в «Библиотеке для чтения» это стихотворение появилось под заглавием «Будрыс и его сыновья. Литовская баллада», где имя Мицкевича исчезло совсем. По существу, это стихотворение превратилось в самостоятельное произведение Пушкина, сохранив, однако, не только сюжетную линию Мицкевича, но во многом явилось достаточно точным переводом его «Литовской баллады».

Видимо, это обстоятельство и смутило Владимира Набокова, который назвал этот «перевод» «мелодически приятным, но безнадежно неточным»*****.

Стихотворение «Будрыс и его сыновья» уже само по себе стало своеобразным ответом польскому поэту на его «Послание москалям». Пушкин, подавив в себе первые эмоции, преодолел желание ответить грубо, жестко. Он сумел подняться выше межнациональных распрей, еще раз подтвердив

***** Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С.624.

свою «всемирную отзывчивость», о которой только через сорок семь лет скажет в своей знаменитой речи на открытии памятника Пушкину в Москве Ф.М. Достоевский.

Говоря о непростых отношениях, двух друзей-поэтов, уместно вспомнить слова польского писателя Леона Кручковского на юбилейных торжествах, посвященных 150-летию со дня рождения Пушкина: «Для нас, для польского народа... Пушкин особенно близок и любим. Не только потому, что он был одним из тех, кто переходил границы между народами. Бывает дружба более слабая, более умеренная – такова дружба счастливых людей и довольных собой народов. Но бывает дружба, полная глубокого драматизма, разделяющая общую долю и недолю, дружба со взлетами и падениями, любовью и болью, – такова была дружба двух гениев, двух славянских поэтов-ровесников, Пушкина и Мицкевича»*****.

***** «Trybuna ludu», 1949, №156// L. Kruchkowski. Puszkina z nami.

В.М. Ванькович, 1828
Адам Мицкевич (1798–1855)

ПУШКИН И КИТАЙ

Лариса Черкашина

Китайская мечта поэта

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж...*

А.С. Пушкин

«К подножию ль стены далекого Китая»

Сколько их было, заветных пушкинских мечтаний? Одним суждено было воплотиться в поэтические строки и в реальные земные события, другим – так и остаться потаенными

Гао Ман. Пушкин на Великой Китайской стене. Фрагмент

желаниями, надеждами и видениями. Самая заветная, самая любимая, самая страстная, но так и несбывшаяся мечта – увидеть иные края, побывать в других странах. Ну хоть единожды пересечь границы огромнейшей Российской империи, посмотреть другой, почти нереальный

для Пушкина мир, живущий лишь в его воображении, почувствовать вкус и запахи, неведомые прежде, увидеть краски дальних стран, испытать невероятные ощущения от встречи

с иными мирами и цивилизациями. Это сладостное предчувствие свободы...

Странно. Будто некий рок тяготел над Пушкиным: словно золотой цепью приковали его к мифическому русскому дубу в родном Лукоморье. И как бы ни старался он преодолеть наложенное свыше «табу», тайком уехать в чужие края – все было тщетно: незримые пограничные шлагбаумы враз опускались перед дорожной кибиткой поэта.

«Долго потом вел я жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России». Десятки, сотни мелких, незначительных причин выстраивались вдруг в непреодолимые препятствия, и российская граница для Пушкина обретала контуры Великой Китайской стены...

Но как хотелось Александру Пушкину увидеть это настоящее чудо света, величественную крепость-твердыню, и он уже представлял себя в своих поэтических грезах там, у ее подножия, у «стен недвижимого Китая»...

«Генерал, – обращается Пушкин к Александру Бенкендорфу, – я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством».

«Милостивый государь, – отвечает поэту пунктуальный Бенкендорф, – желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все

А. Х. Бенкендорф

входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».

Уже позднее, после гибели поэта, Василий Андреевич Жуковский напишет графу Бенкендорфу письмо, где прозвучат горькие упреки: «А эти выговоры, для Вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу».

Добавлю: и «наслаждения видеть» Азию, древний Китай.

Вторил Жуковскому и еще один современник поэта, знавший его, – французский литератор и дипломат, барон Леве-Веймар: «Для полного счастья Пушкину не доставало только одного: он никогда не бывал за границей».

Древнейшая китайская цивилизация, словно магнитом манила поэта. Если Италия, Англия, Франция – страны, в которых так хотелось побывать поэту и куда давно уже положили тропы многие русские путешественники, в том числе приятели и родные Пушкина, – были близки и знакомы: понятны их обычаи, язык, культура, то Китай представлялся ему неведомой и экзотической страной. А ведь таким в то время он и был.

Отец Иакинф и барон Шиллинг

Александр Сергеевич готовился и, надо сказать, серьезно к путешествию в Китай. Интерес к этой древней и самобытной стране возник во многом благодаря дружбе поэта с отцом Иакинфом (в миру — Никита Яковлевич Бичурин). Ученый-востоковед, большой знаток китайской культуры, он в совершенстве владел китайским языком, перевел древние хроники и сказания, составил русско-китайский словарь. 14 лет монах Иакинф Бичурин в составе русской духовной миссии прожил в столице Поднебесной.

И. Я. Бичурин

Из воспоминаний современника: «О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское... Характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий; беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем».

Пожалуй, одним из немногих исключений для него был Пушкин. В апреле 1828 года монах Иакинф дарит поэту книгу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии с картой дороги из Чен-ду до Хлассы» с дарственной надписью: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения».

В следующем, 1829 году он преподносит поэту еще одну книгу «Сань-Цзы-Цзин, или Троесловие», по сути, древнюю китайскую энциклопедию, где были и такие мудрые слова: «Люди рождаются на свет, собственно, с доброй природой...» Александр Сергеевич отзывался об отце Иакинфе, «коего глубокие познания и добросовестные труды разлили свой яркий свет на сношения наши с Востоком», весьма уважительно.

Надо думать, что в петербургском салоне Одоевского, где «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами», можно было услышать немало увлекательных рассказов ученого-монаха об удивительной далекой стране. И тогда же, наверное, уже строились планы совместного путешествия. Впервые у Пушкина появилась реальная возможность увидеть сказочный Китай своими глазами.

Уже в ноябре-декабре 1829 года начала готовиться экспедиция в Восточную Сибирь и в Китай – русская миссия. В ее подготовке самое деятельное участие принимали знакомцы поэта: отец Иакинф и барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт – дипломат, академик, тонкий ценитель китайской литературы и древностей Востока и... будущий изобретатель электромагнитного телеграфа (!). Вот с какими замечательными людьми предстояло Пушкину совершить путешествие!

Забегая вперед, замечу: отец Иакинф, прибыв в Иркутск (здесь готовилось к отправке в Пекин русское посольство), отправил Пушкину свой очерк о Байкале, напечатанный поэтом в альманахе «Северные цветы» за 1832 год. Рукопись же осталась в пушкинских бумагах как память о такой возможной, но несбывшейся поездке в Китай.

В январе 1830 года, Пушкин и обратился к Бенкендорфу за всеилостивейшим разрешением покинуть пределы России, и ему в том отказали. К слову сказать, столетием ранее, темнокожий прадед поэта Абрам Ганнибал против своего желания был послан в Сибирь «для возведения фортеций» – Селегинской крепости на китайской границе, как иронично записал поэт, «с препоручением измерить Китайскую стену» – недруги «царского арапа» пытались удалить его от двора. Правнука же Абрама Петровича, знаменитого во всей России поэта, мечтавшего посетить Китай, под благовидным предлогом не пустили в далекое и столь заманчивое для него путешествие.

Но даже и после этого учтивого по форме, но жесткого отказа Его Императорского Величества интерес поэта к Китаю не угас.

«Незримый рой гостей...»

Н. Н. Гончарова

Из богатейшей фамильной библиотеки Полотняного завода, калужского имения Гончаровых, где Пушкин гостил вместе с женой и детьми в августе 1834-го, он отобрал для себя в числе других книг и старинные фолианты – «Описание Китайской империи» в двух частях, «с разными чертежами и разными фигурами», издания 1770-х годов, и «О градах китайских».

Возможно, эти же книги читала прежде и юная Наташа Гончарова. В историческом архиве,

где хранятся ныне ее ученические тетрадки, есть одна, посвященная Китаю. Поразительно, каких только сведений о древней стране нет на страницах старой детской тетрадки: о государственном устройстве, географическом положении, истории, климате, об особенностях всех китайских провинций. Для 13-летней девочки это просто энциклопедические познания! Так что ей, будущей избраннице поэта, станет понятной давняя мечта ее супруга увидеть Китай.

Отзвуки пушкинских мечтаний можно найти и в стихах, написанных поэтом болдинской осенью 1833 года, сохранившихся в его черновиках:

*И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей...
Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы...*

Богдыханы – так на Руси, еще в старинных грамотах, величали китайских императоров, для Пушкина – «знакомцы давние, плоды мечты моей». Знал ли Александр Сергеевич, что своей китайской мечте — Великой Китайской стене – обязан он правителю Ин Чжэну, в будущем богдыхану Цинь Шихуанди, два тысячелетия назад возведшего это чудо света? По велению императора для защиты страны от вторжения гуннов на севере и армии рода Бей-Ю на юге соединены были старые крепостные стены и построены новые. Первым из китайских правителей он стал именоваться именем Шихуанди – «первым божественным правителем». Этот титул носил и китайский богдыхан из династии Цин Сюаньцзун, правивший империей именно в те годы, когда в Китай собирался Пушкин.

Не став реальностью, китайская мечта поэта обратилась в другую ипостась. Как точно эти невольные пушкинские признания соотносятся с воспоминаниями Александры Смирновой-Россет, близкой приятельницы поэта, ценившего ее за оригинальный ум и красоту. «Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и великую стену? Что за идея смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел «Китайскую сироту», в которой нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера». Для этого Александру Сергеевичу нужно было увидеть Китай собственными глазами. (Драма Вольтера «Китайская сирота», по словам ее создателя, — «мораль Конфуция, развернутая в пяти актах». В ней Вольтер оспаривает тезис Руссо, будто бы искусство способствует падению нравов в обществе.)

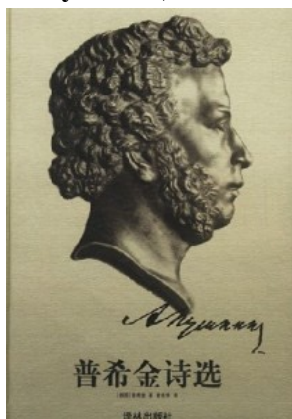
Удивительно, Пушкин всего дважды, и то в заметках, как бы мимоходом, упомянул Японию. А японские пушкинисты, в

числе которых немало замечательных исследователей и переводчиков, помнят и гордятся этим. Китаю же, в этом смысле, повезло куда больше: Пушкин упоминает о Поднебесной, ее жителях, столице Пекине десятки раз. И даже в одну из глав «Евгения Онегина», по первоначальному замыслу, должны были войти и эти строки:

*Конфуций ... мудрец Китая
Нас учит юность уважать,
От заблуждений охраняя,
Не торопиться осуждать...*

А ведь Пушкин писал первую главу своего романа в 1823-м, до знакомства с учеными-китаистами. Надо полагать, что философские воззрения Конфуция, как и учение «конфуцианство», имена китайских мудрецов и мыслителей были известны Пушкину еще с лицейских времен. А еще раньше, в детстве, поэт впервые услышал о древней загадочной стране и о многих ее чудесах – фантастических пагодах и дворцах, драгоценных нефритовых Буддах, бумажных фонариках и воздушных змеях.

Пу-Си-Цзинь – «весёлое имя» Пушкин!

При жизни Александру Сергеевичу так и не удалось пересечь таинственную российскую границу. Но спустя столетие поэтический гений Пушкина сумел преодолеть не только государственные границы, но и хронологические и, может быть, самые сложные – языковые.

Пушкина стали переводить в Китае. Его имя впервые было названо в издан-

ной там «Российской энциклопедии» в 1900 году. А через 3 года китайские читатели уже могли держать в руках первую пушкинскую книгу на родном языке. «Капитанская дочка» вышла в свет с необычным названием: «Русская любовная история, или жизнеописание капитанской дочери Марии» – и с не менее экзотичным подзаголовком: «Записки о сне мотылька в сердце цветка». По-китайски название книги звучало так: «Эго цинши, сымиши мали Чжуань».

Затем были переведены «Станционный смотритель», «Метель», «Барышня-крестьянка», «Моцарт и Сальери». Но то, что Маша Миронова «заговорила» на китайском языке, стоит назвать событием историческим – ведь это был для Китая первый перевод русской прозы.

Начиная с 1934 года, в литературном еженедельнике «Вэньсюэ чжоубао» начинают печатать переводы пушкинских поэтических шедевров, под редакцией поэта Эми Сяо выходит пушкинский сборник стихов.

Но более всего китайцам полюбился «Евгений Онегин» (по-китайски – «Ефугэни Аонецзинь»), известны, по крайней мере, шесть его переводов! «Легендарный роман в стихах «Евгений Онегин» — это величайшее творение Пушкина», – восхищался литературовед Ций Цюбо.

В историю китайского пушкиноведения вошло имя одного из его патриархов – Гэ Баоцюаня, самого блистательного переводчика русского поэта. В Москве он впервые побывал еще в 30-х годах, последний раз — уже полвека спустя, почтенным старцем, он вновь приехал на родину любимого поэта поклониться святым пушкинским местам. В Михайловском, на празднике пушкинской поэзии в 1986 году мне посчастливилось с ним познакомиться.

Китай открывал для себя Пушкина, открывал Россию, русскую душу, русскую культуру. А самого поэта (Пу-си-цзинь

– так звучит на китайском «веселое имя» Пушкина) стали почтительно именовать «отцом русской литературы»

«До стен недвижимого Китая...»

1937 год. Грустный пушкинский юбилей – 100-летие со дня гибели поэта. Но каким эхом прокатились по всему миру торжества во славу русского гения!

*От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая...*

В феврале того года в Шанхае торжественно был открыт памятник Пушкину. В тот день в красивойейшей части города, на пересечении улиц Гизи и Пишон, было необыкновенное стечение народа: собрались рус-

Памятник Пушкина в Шанхае

ские эмигранты, представители китайской интеллигенции и шанхайских властей, дипломаты, сотрудники французского консульства.

Первым выступил председатель Шанхайского Пушкинского комитета К.Э. Мецлер и попросил всех в минуту молчания склонить головы в память о поэте. Дочь генерального консула Франции госпожа Бодэз удостоилась чести перерезать ленточку, и покров, скрывавший памятник, медленно опустился. В ту же минуту раздались ликующие звуки французского

военного оркестра, и затем – русский хор с воодушевлением исполнил «Коль славен наш Господь». Архиепископ Иоанн, свершив краткий молебен, окропил памятник святой водой.

Потом мимо памятника поэту (его бронзовый лик был обращен на север, в сторону далекой родины) церемониальным маршем прошли ученики русских школ, к его подножию был возложен венок из живых цветов.

Первый памятник Пушкину в Азии, вне пределов России, воздвигли в Шанхае! И создан он был благодаря тройственным усилиям – русских эмигрантов, китайских властей и французских дипломатов.

Но шанхайскому памятнику поэту довелось стать свидетелем не только славных торжеств, были в его истории и горькие годы забвения. Уже в том же 1937 году Япония, оккупировав северо-восток Китая, начала войну за захват всей страны. И памятник русскому гению, ставшим символом независимости – у его подножья всегда лежали цветы, был тайно демонтирован. Его восстановили лишь в феврале 1947 года.

Затем пришел черед «культурной революции», и «шанхайский Пушкин» вновь помешал строить счастливую жизнь для китайского народа.

1987-й – год 150-летия со дня гибели поэта — стал, по сути, третьим рождением пушкинского памятника в Шанхае. И, дай Бог, последним. Ныне в стране создано Всекитайское общество пушкинистов, при содействии которого в юбилейном пушкинском году огромным тиражом были изданы собрания сочинений поэта.

Вообще 200-летний юбилей русского гения в Китае праздновали на самом высоком уровне, ведь недавний глава Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь относит себя к числу поклонников российского поэта и даже некоторые пушкинские шедевры декламирует на русском.

Китайская ветка

Китайские потомки Пушкина

Жизнь сама дописала «китайскую страницу» в биографию поэта, которая вопреки всем законам бытия так и не завершилась в том далеком зимнем Петербурге, в старинном доме на набережной Мойки.

Пройдут десятилетия, и в середине XX столетия 17-летняя Елизавета Дурново, прапраправнучка поэта, выйдет замуж за

китайца Родни Лиу. И свадьба эта будет отпразднована не где-нибудь, а в Париже, родном городе юной невесты.

Молодые супруги поселятся на Гавайях, близ Гонолулу. Там они обретут свой дом, там же появятся на свет пятеро их детей — два сына и три дочери: Екатерина, Даниэль, Рэчел, Надежда и Александр. Семейство Лиу стремительно разрастается: дочери вышли замуж, сыновья женились, и уже в новых семьях рождаются дети, далекие потомки русского гения.

...Давным-давно, еще в Царском Селе юный поэт-лицеист набросал шуточные строки:

*Не владелец я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя...*

Знать бы Пушкину, что в жилах его потомков будет течь и китайская кровь, а далекого пра...правнука назовут в его честь Александром. Русское имя соединится с китайской фамилией: потомок поэта в седьмом колене Александр Лиу также легко может разобрать китайские иероглифы, как и прочесть на русском стихи своего великого предка.

В пушкинском роду, среди прямых потомков поэта, был и профессиональный китаист – американец Джон Хенри Оверол. Китайским языком он владел в совершенстве, и даже писал на нем стихи.

Правнук поэта граф Михаил Михайлович де Торби, живший в родовом лондонском имении Лутон Ху, снискал известность как художник, постигший каноны древнекитайской живописи. Его рисунки на рисовой бумаге до сих пор восхищают знатоков, равно как и собранная им великолепная коллекция китайского фарфора.

Посмертная судьба поэта... Она богата причудливыми событиями, удивительными родственными и духовными связями. И еще — необычными воплощениями давних пушкинских замыслов и мечтаний. Но не чудо ли, что в XXI столетии китайский живописец изображает Александра Сергеевича в цилиндре и сюртуке, с неизменной дорожной тростью в руке, прогуливающимся по... Великой Китайской стене?!

Александр Торолов

Пушкин и Китай. Две истории

Вместо предисловия

Имя Пушкина по-китайски (普希金) звучит музыкально и даже весело: Пу- Си- Цзинь. Великий русский поэт прочно вошел в культурную жизнь современного Китая, где его почтительно именуют «отцом русской литературы».

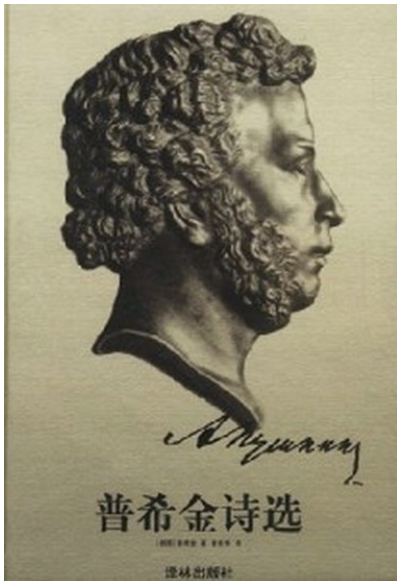

Рис.1 Пу-Си Цзинь

Первые сведения о А.С.Пушкине были опубликованы в «Русской энциклопедии» вышедшей в Пекине в 1900 году. Через три года китайские читатели смогли познакомиться с переводом «Капитанской дочки», выполненным писателем и переводчиком Ди Чхуи. Перевод имел экзотическое для русского слуха название – «Русская любовная история Смита и Мэри» и уж совсем необычный, очень поэтичный подзаголовок: «Сон бабочки среди цветов»¹.

Для своей работы Ди Чхуи использовал... японский перевод пушкинской повести, исполненный в 1886 году Такасу Дзисукэ (1856–1909)². Этот перевод, в свою очередь, был

Рис. 2. Маша и Петр Гринев

осуществлен с более раннего английского перевода повести. (*Первый перевод «Капитанской дочки» на английский язык был сделан в 1846 г. – А.Г.*) Именно Такасу Дзисукэ дал пушкинским героям английские имена, его перевод назывался «Сказание о Смите и Мэри: история русской любви». И там не обошлось без красивого подзаголовка: «Сердце цветка и думы бабочки. Удивительные вести из России». (*Действительно,*

восток – дело тонкое. – А.Г.) Не удержимся от соблазна привести два рисунка из японского перевода 1886 года. На одном изображены главные герои пушкинской повести – Маша и Петр Гринев (барышня Мэри и Смит, который по воле переводчика стал ... генералом), на другом императрица Екатерина Великая и одна из ее фрейлин.

Китайский, фактически двойной, перевод «Капитанской дочки» сопровождался значительными сокращениями, стилистическими и сюжетными отступлениями от пушкинского оригинала. Будет правильно сказать, что перевод представлял собой вольный пересказ любовной линии повести, исполненный в привычных для восточного читателя формах. При этом историческая фабула повествования была сокращена до минимума и служила лишь детективным фоном для любовной истории, которая представляла собой разновид-

Рис. 3 Екатерина Великая и ее фрейлина

ность классического треугольника: барышня Мэри – злой разбойник – благородный генерал Смит. Как бы то ни было, работа Ди Чхуи представляла собой первый в истории Китая полный перевод русского прозаического произведения.

В последующие годы были сделаны переводы других произведений А.С. Пушкина: «Повестей Белкина», «Маленьких трагедий» и др. Стихотворения стали переводиться на китайский язык в 1920-х гг.³

В 1944 году настала очередь особо полубившегося китайцам «Ефугэни Аоне-Цзинь», так по-китайски

звучит «Евгений Онегин». Первый перевод был выполнен в конце 1930-х гг. с английского издания романа малоизвестным переводчиком Люй Ином (второе, измененное и дополненное издание его перевода вышло в 1954 г.). С тех пор великий «роман в стихах» переводился не менее десяти раз. Отметим, что опера «Евгений Онегин» была одной из первых зарубежных музыкальных постановок на китайской сцене. Она была впервые показана в уже далеком 1962 году на сцене пекинского театра Тянь Чао. В 2009 году опера была поставлена на сцене Шанхайского оперного театра.

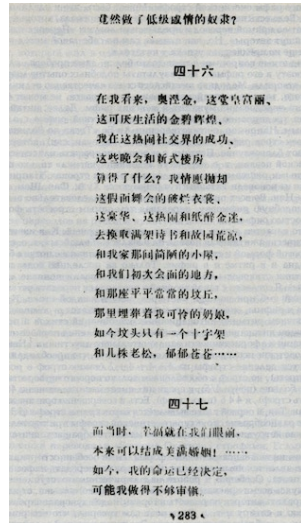

Рис. 4. Страница 8-й главы «Евгения Онегина»

Большим событием явилась совместная постановка «Евгения Онегина» на русском языке в марте 2014 года, осуществленная Национальным центром исполнительских искусств (Пекин) и Мариинским театром (Санкт-Петербург).

Дань глубокого уважения великому русскому поэту в Китае наглядно выражается в том, что в стране ему установлены три памятника. Два из них появились совсем недавно – в начале нового века.

Рис. 5. Памятник А.С.Пушкину
в г. Нингбо

В июне 2008 года, в преддверии проходившей в Пекине летней Олимпиады, на площади перед Государственным оперным театром в городе Нингбо (пятый по величине порт в мире, население более 6 млн. чел.) был установлен двухметровый памятник А.С. Пушкину работы всемирно известного российского скульптора Григория Потоцкого⁵. Стоящая на земле выразительная двухметровая бронзовая скульптура изображает поэта с тростью в левой руке. Его правая рука прижата к сердцу.

По замыслу автора монумента поэт вот-вот оттолкнется тростью от земли и высоко взлетит в свободном поэтическом порыве.

Рис. 6. Памятник А.С.Пушкину в с. Гуцунь

В 2009 году в дальнем предместье крупнейшего китайского города Шанхая, в небольшом селении Гуцунь, перед местной средней школой появился памятник А.С.Пушкину работы известного шанхайского скульп-

птора и резчика по дереву Мао Гуанфу (род. 1946). Это был подарок КНР к 210-й годовщине со дня рождения русского поэта. (Поселение Гуцунь расположено в промышленной зоне Баошань, одной из тридцати восьми зон, раскинувшихся на десятки километров и вместе составляющих «Большой Шанхай».)

Самой интересной и драматичной оказалась история третьего памятника великому русскому поэту, установленному в историческом центре Шанхая. О ней нам хотелось бы рассказать подробнее.

История первая. Памятник Пушкину в Шанхае

В ноябре 2013 года, направляясь в Малайзию на очередную встречу с акулами, черепахами и прочей морской живностью (более двадцати пяти лет занимаюсь дайвингом), я оказался на два дня в Шанхае. Решив, что знаменитая набережная реки Хуанпу, современные небоскребы из стекла и стали и бесчисленные ресторанчики никуда не денутся, сразу поехал на свидание с Александром Сергеевичем.

В Москве я распечатал карту района Шанхая, где стоит знаменитый и, как мы увидим, многострадальный памятник

поэту. Названия близлежащих улиц значились на карте на английском и китайском языках. Сделанная распечатка оказалась далеко не лишней в Шанхае. (Не забудем, что площадь города составляет свыше 6500 кв. км., а население превышает 24 млн. чел., что выводит его на одно из первых мест в мировом списке самых населенных городов). Стово рившись с шофером такси о цене (это китайское племя заслуживает отдельного разговора!), я сел в машину и принялся смотреть

Рис. 7. Памятник
А.С. Пушкину
в Шанхае. Современный вид

по сторонам. Проплывали проспекты, площади, улицы, улочки огромного города, а мы все ехали и ехали в сплошном потоке машин и мопедов. Наконец водитель, выражая всем своим видом явное замешательство вкупе с неудовольствием, приостановился и стал изучать мою карту, затем достал толстенный атлас улиц Шанхая. Район, куда мы заехали, был ему явно малознаком, хотя это был исторический центр города. Еще минут десять кружения почти на одном месте, и мы прибыли.

Памятник поэту вдруг возник сам собой. Окруженный деревьями, он стоял очень «уютно» в тиши и спокойствии. То, что совсем рядом, за деревьями громоздились многоэтажные дома новой постройки,

в глаза совершенно не бросалось, виделся только бюст поэта на высоком постаменте.

Вокруг мирно текла каждодневная жизнь. Пожилой китаец сидел у подножия памятника и пил чай из термоса, мамыши толкали коляски с чадами, торговец продавал китайскую «быструю еду», в десяти метрах проходила репетиция за-втрашней свадебной фотосессии. (Молодожены придут на благословение к Пушкину!). Поэт задумчиво смотрел вдаль, думая о своем – великом и простом одновременно.

Памятник, который я видел перед собой, был торжественно открыт в августе 1987 года. За полтора года до этого по решению Народного правительства города Шанхая был создан творческий коллектив во главе с известным скульптором и художником Гао Юн Лонгом (род в 1927 г.), в задачу которого входило «разработать проект восстановления памятника и составить смету расходов». Почему «...восстановления памятника?», – спросите вы. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо перенестись на полвека назад.

Как известно, после Октябрьской революции и Гражданской войны в Китае оказалось множество белоэмигрантов. Большинство осело в Харбине, но многие проживали в Шанхае, который был крупным культурным центром на Дальнем Востоке. К началу 1930-х гг. в городе было порядка тридцати тысяч эмигрантов, там выходили газеты и журналы на русском языке, работали театр, консерватория и художественная школа, проходили гастроли знаменитых на весь мир артистов.

В 1937 году русские шанхайцы решили торжественно отметить столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Главным событием года должно было стать открытие в Шанхае памятника великому поэту. По согласованию с властями города и французской стороной было решено установить его

в центральной части Шанхая, на территории Французской концессии ⁶. Был учрежден специальный Пушкинский комитет, в который вошли представители русской эмиграции, китайской интеллигенции, французские и британские предприниматели. В задачу комитета, помимо организации пушкинских празднеств, входило проведение конкурса на лучший проект памятника поэту. Как сообщает исследователь истории русской эмиграции в Шанхае канд.ист.наук Л.П. Черникова (Башкирский Государственный университет), было представлено шесть проектов, но ни один из них не смог полностью удовлетворить жюри конкурса. Тогда было принято соломоново решение – отобрать лучшие идеи из проектов и создать «гармоничный памятник, отвечающий великой цели» (www.russianshanghai.com). К сожалению, историк не приводит имен авторов представленных проектов.

Выполнение задачи установки памятника А.С. Пушкина было поручено известному деятелю шанхайской эмиграции М.Н. Павловскому ⁷. Заметим, что имеющее хождение в различных печатных и интернет изданиях утверждение, что создание памятника осуществлялось под началом «скульптора М.Н. Павловского» вряд ли состоятельно. Об участии последнего в возведении памятника имеются многочисленные материалы⁸, но нигде не говорится о его художественных талантах и, в частности, о том, что он был скульптором. Скорее всего М.Н. Павловский взял на себя чисто организационные функции. Вполне вероятно, что он, как и в ряде других случаев, выделил на памятник определенную сумму из своих значительных в то время доходов.

Деньги на строительство памятника собирали всем миром. Свою лепту внесли русские эмигранты, китайские и иностранные ценители творчества А.С. Пушкина. Долю от гонораров за выступления перечислили Ф.И. Шаляпин,

А.Н. Вертинский (он проживал в то время в Шанхае) и многие другие артисты.

Юбилейные пушкинские торжества начались в Шанхае в январе 1937 года. Их открыл Генеральный консул Французской концессии. Затем был проведен молебен в православном Свято-Николаевском соборе и состоялся концерт во Французском клубе. В течение двух недель на разных площадках прошло несколько пушкинских литературных вечеров. Кульминацией торжеств стало открытие 11 февраля

Рис. 8. Памятник
А.С.Пушкину. 1937 г.

1937 года памятника А.С. Пушкину. На церемонии присутствовали Генеральный консул Франции в Шанхае, руководство Французской концессии, представители городской Администрации Шанхая и высокие чины китайской армии, епископ Шанхайский Иоанн⁹, видные деятели русской эмиграции в Китае. По обе стороны от памятника стоял почетный караул из русских офицеров в форме царской армии. По понятным причинам, представителей от СССР на мероприятии не было.

На площади перед памятником собралось множество простых людей, желавших засвидетельствовать свое уважение русскому гению. Памятник представлял собой бронзовый бюст А.С. Пушкина, установленный на цилиндрическом пьедестале, за которым располагалась полукруглая стена. На ней была размещена лаконичная надпись на русском языке: «1837–1937. Пушкину – в сотую годовщину смерти». На боковых сторонах надпись дублировалась на китайском и

французском языках. Поэт смотрел на север, в сторону далекой родины.

Площадь перед памятником быстро стала излюбленным местом отдыха не только русских людей, но и многих жителей Шанхая, которые называли ее «уголком поэта». Идиллия, однако, длилась недолго. Летом того же 1937 года началась война между Китайской республикой и Японской империей. До начала Второй мировой войны этот локальный дальневосточный конфликт не слишком влиял на жизнь иностранцев в Шанхае. Японцы, оккупировавшие часть побережья Китая, их особо не притесняли, жизнь текла без особых изменений. Все разом изменилось в декабре 1941 года с началом активных боевых действий многих стран в Тихоокеанском регионе. Японцы стали закрывать в Шанхае иностранные представительства, школы, клубы, газеты и журналы. Были снесены многие здания и памятники. «Уголок поэта» на удивление долго оставался нетронутым. Лишь в декабре 1944 года памятник Пушкину был незаметно разобран, а бронзовый бюст отправлен на переплавку для военных нужд. Это событие выглядит особенно трагичным, поскольку через полгода японцы покинули Шанхай.

В ходе Второй мировой войны значительная часть русских эмигрантов в Китае выказывала сочувствие СССР, радовалась победам Красной (Советской) армии сначала на далеких фронтах, а осенью 1945 года в соседней Маньчжурии. Так же, как в Европе, в среде китайской эмиграции наблюдались активные призывы к возвращению на родину, хотя уже был печальный опыт «возвращенцев» 1920-х гг., большая часть которых попала под репрессии. В те годы усилили свою работу эмиссары из Москвы, проводившие большую агитационную работу и обещавшие золотые горы в Стране Советов.

Эмигранты «первой волны» оказались расколотыми на два враждебных лагеря. Ситуацию подогревало то обстоятельство, что в Китае явно назревала гражданская война, во весь голос заговорили о себе коммунисты, открыто поддерживаемые Москвой. Шанхай постепенно пустел, белоэмигранты переезжали подальше от границ СССР – в Австралию, Латинскую Америку, США. Однако, когда в конце войны встал вопрос о восстановлении разрушенного японцами памятника А.С. Пушкину, все распри внутри русской колонии оказались на время забытыми. Русский гений в который раз объединил своих соотечественников.

14 ноября 1946 года в шанхайской газете «Новая жизнь»¹⁰, появилась большая патриотическая, просоветская статья, заканчивавшаяся призывом собрать средства на восстановление памятника А.С. Пушкину. Экономическая ситуация была на редкость трудной, однако это не остановило русских шанхайцев, создавших специальный фонд по сбору средств. К ним присоединились эмигранты из других городов Китая и далеких стран, а затем и китайские почитатели русского поэта.

На этот раз не остался в стороне и великий северный сосед Китая. (Советский Союз вскоре на некоторое время станет «великим другом»). После окончания тяжелой войны в Москве серьезно задумались о привлечении на свою сторону эмигрантов. Мир оказался поделенным на два лагеря, и СССР надо было заручаться поддержкой в самых различных слоях мирового сообщества. По указанию из Москвы, был создан «советский» фонд по сбору средств на восстановление в Шанхае памятника великому поэту. Его возглавил начальник отделения ТАСС в Китае И.М. Рогов.

В феврале 1947 года исполнялась 110-летняя годовщина со дня смерти поэта. В СССР было решено торжественно отметить это событие. Страна вернулась к мирной жизни, и юбилей был очень кстати, чтобы в очередной раз напомнить

о национальных ценностях. Повсюду проходили торжественные памятные собрания, открывались памятники поэту. Памятник в Шанхае был включен в список мероприятий, и началась срочная работа по изготовлению монумента.

Было решено повторить общую идею «первого» памятника, разрушенного японцами. Для придания большей выразительности композиции бюст поэта на этот раз поместили на верхнюю часть высокой полукруглой стеллы. На многоступенчатом цоколе в основании памятника появилась ваза классической формы. Надписи на стелле на трех языках (русском, китайском и английском) повторяли надпись 1937 года с добавлением даты открытия нового памятника. «Кто же был автором бюста поэта?», – спросите вы. Поскольку времени для изготовления памятника было крайне мало, то в качестве образца решили использовать готовый бюст работы известного скульптора В.Н. Домогацкого¹¹, исполненный им в бронзе в 1926 году и хранящийся в Третьяковской галерее. Бюст для памятника был изготовлен в СССР. Отлитый из меди, он был черно-фиолетового цвета.

В октябре 1947 года разобранный на части памятник прибыл в Шанхай. Некоторое время бюст поэта экспонировался в редакции газеты «Новая жизнь», а в декабре памятник был установлен на прежнем месте. Как и раньше, А.С. Пушкин смотрел на север, в сторону земли российской.

На официальной торжественной церемонии открытия памятника в феврале 1948 года, приуроченной ко дню гибели поэта, присутствовали советские официальные лица во главе с Генеральным консулом СССР в Шанхае Ф.П. Халиным, представители той части русской эмиграции, что мечтала вернуться на родину, китайские власти во главе с мэром Шанхая Вуо Гуо Чхэном, который произнес речь. Были приглашены жены двух великих, уже ушедших из жизни китай-

Рис. 9

цев: «отца нации» Сунь Ятсена¹² и основателя современной китайской литературы Лу Синя¹³. Мероприятие прошло при большом стечении народа. «Уголок поэта» вернулся к жизни и снова стал одним из любимых мест шанхайцев. Только русских, приходивших в гости к Александру Сергеевичу, становилось все меньше. От некогда многотысячной русской колонии к концу 1940 гг. в Шанхае осталось несколько сотен человек. Остальные либо уехали в СССР навстречу но-

вым испытаниям, либо рассеялись по свету.

В конце 1950-х гг. произошел конфликт КНР с СССР и период «великой дружбы» двух стран закончился. После неудачного «большого скачка» по-китайски, предпринятого в 1958–1961 гг., экономическое положение огромной страны стало резко ухудшаться. В коммунистической партии начались раздоры, авторитет лидера КНР Мао Цзедунa стал падать. С целью сохранения личной власти «великий кормчий» объявил в 1966 году «культурную революцию». (Термин был введен в обиход В.И. Лениным в 1923 году в статье «О кооперации».) В результате страна на десять лет – до самой кончины Мао в 1976 году, погрузилась в братоубийственный конфликт. От-

ряды хунвейбинов («красные охранники» идей Мао Цзедуна) бесчинствовали в стране, сеяли средневековый ужас. В ходе «культурной революции» больше всего пострадали именно культурные ценности Китая. Были разрушены многие исторические памятники, выброшены на свалки и сожжены десятки тысяч книг и рукописей, ценных артефактов.

Памятнику А.С. Пушкину, как и многим другим материальным свидетельствам культурной связи Китая и его северного соседа, снова не повезло. Хунвейбины оказались даже хуже японских оккупантов. В августе 1966 года они варварски разрушили монумент, демонстративно разбив стеллу и бюст поэта на мелкие куски. «Уголок поэта» снова опустел.

Пройдет еще двадцать лет. В мире многое изменится. КНР, оставаясь коммунистической страной, возьмет курс на рыночную экономику и начнет превращаться в мощную державу. В СССР произойдет «перестройка», а затем, по выражению М.С. Горбачева, «процесс пошел», и зашел, как известно очень далеко. На карте вместо бывших советских республик появились новые независимые государства. Россия встала на либерально-демократический путь развития. Между тем ее отношения с КНР стали заметно улучшаться, и это дало свои плоды в том числе и в культурной сфере.

Как мы уже говорили, Народное правительство Шанхая, вняв просьбам китайской общественности, приняло решение восстановить памятник А.С. Пушкину. Творческий коллектив во главе с Гао Юн Лонгом, который уже имел опыт восстановления объектов, разрушенных во время «культурной революции», осенью 1986 года взялся за дело. После обсуждения было решено повторить основные моменты композиции «второго» памятника и поместить бюст поэта на высокой трехгранной стелле со слегка вогнутой передней стенкой. Сложность работы заключалась в отсутствии документации

Рис. 10. Три жизни
памятника А.С.Пушкину

на разрушенный хунвейбинами памятник. Приходилось довольствоваться фотографиями и обращаться к собственной памяти. Как рассказывал позднее Гао Юн Лонг, в работе его вдохновляли памятники А.С. Пушкину, созданные русскими и советскими скульпторами, в первую очередь, широко извест-

ное творение М.К. Аникушина. Вместе с тем, созданный под его руководством бюст поэту – это самостоятельная работа шанхайских мастеров.

По китайской традиции, основанной на даосской практике организации пространства (известной как «фэншуй»), окна комнат, где собираются люди (гостиные) должны смотреть на юг, навстречу солнцу. Также должны ставиться памятники, что и было учтено при сооружении «третьего» памятника А.С. Пушкину. Поэт теперь смотрит на любимый им теплый юг. Поскольку новый памятник сооружался по инициативе китайской стороны, то надпись на лицевой стороне стеллы была исполнена на китайском языке. На левой боковой стороне расположилась надпись на русском языке. На этот раз надписи были предельно лаконичны: «Памятник Александру Сергеевичу Пушкину. 1799–1987». На правой боковой стене стеллы размещена еще одна надпись на китайском языке, запечатлевшая историю памятника. На ней выбиты цифры – «1937, 1947, 1987» – три даты рождения памятника. Будем надеяться, что последняя дата останется на века.

Открытие памятника А.С.Пушкину состоялось в торжественной обстановке в августе 1987 года. Площадь перед памятником снова стала любимым местом горожан. «Уголок поэта» зажил новой жизнью.

Автор благодарит известного петербургского исследователя жизни и творчества А.С. Пушкина, коллекционера А.Д. Гдалина за помощь в подборе иллюстративного материала.

¹ В литературе о переводах произведений Пушкина китайский язык встречаются и другие, созвучные названия перевода. Мы остановились на названии, приведенном в наиболее авторитетном источнике: Б.Л. Кандель. Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки. Приложение к книге: А.С.Пушкин. Капитанская дочка. Серия: Литературные памятники. М.Наука. 1964. с.261–282

² Юри Като. Первые переводы «Капитанской дочки Пушкина на японский язык. Рижский библиофил. Библиофил и коллекционер. Рига-Москва. 2010. с. 123–130

³ Малиновская Т.А. Пушкин в Китайской Народной Республике. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т.2, с.409–418

⁴ Ван. «Евгений Онегин» в Китае. Временник Пушкинский комиссии. Вып.26. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург. Изд. «Наука».1995; Чжа Сяоянь. Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов. Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Ред. В.В. Красных, А.И.Изотов. – М.: Диалог – МГУ. 1999. Вып. 10. с. 96–99.

⁵ Потоцкий Григорий Викторович (р. 1954 г., Курганская обл.) – российский скульптор и живописец. Создал галерею скульптурных портретов современных российских и зарубежных писателей, художников, ученых, общественных деятелей. Скульптор установил более 80 памятников по всему миру, в том числе около 20 памятников А.С.Пушкину.

⁶ Французская концессия – район в центральной части Шанхая, основанный в конце 19-го века французскими торговцами и предпринимателями. Постепенно в этот престижный и дорогой район стали переезжать другие европейцы. Вскоре он стал центром деловой и культурной жизни Шанхая, затмив собой исторический Старый город.

⁷ Павловский Михаил Наумович (1885–1963) – инженер, предприниматель, публицист, социал-революционер. В 1930-х гг. жил в Шанхае, поставлял железнодорожное оборудование из Франции. В 1937–

1939 г. издавал журнал «Русские записки» (место издания значилось как «Париж-Шанхай»). Принимал активное участие в культурной жизни русской колонии. Позднее проживал во Франции и США.

⁸ См., например: М.В.Вишняк. Годы эмиграции. 1919-1969. Париж-Нью-Йорк. Стэнфорд: Гувер-Пресс.1970. с.276. Вишняк Марк Вениаминович (псевдоним Марков, 1883, Москва-1976, Нью-Йорк), юрист, публицист, социал-революционер. В эмиграции с 1919 г., в США – с 1940 г. Известный деятель русского зарубежья.

⁹ Епископ Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, в миру Михаил Борисович Максимович (1896, Харьковская губерния – 1966, США). Выдающийся церковный деятель Русской право славной церкви за рубежом. Служил в Югославии, Западной Европе, Китае, США. Прославлен Архиерейским собором РПЦ в 2008 г. для всеобщего почитания как Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский чудотворец.

¹⁰ В 1937 году сразу после начала военной агрессии Японии против Китая русские эмигранты в Шанхае организовали «Общество возвращения на родину», печатным органом которого стала газета «Возвращение на родину». В 1940 г. она была переименована в «Новую жизнь». Газета существовала до 1952 г.

¹¹ Домогацкий Владимир Николаевич (1876–1939) – русский советский скульптор. Педагог, воспитавший плеяду видных советских скульпторов. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1937). Работал в жанре портретной и анималистической скульптуры. Создал ряд скульптур деятелей искусства, писателей, политических фигур. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹² Сунь Ятсен (литературный псевдоним: Сунь Вень, 1866–1925) – китайский революционер, основатель партии «Гоминьдан», Один из самых почитаемых в стране политических деятелей.

¹³ Лу Синь (наст.имя: Чжоу Шужень, 1881–1936) – китайский писатель и публицист. Родоначальник современной китайской литературы. Симпатизировал СССР, много сделал для популяризации русской и советской литературы.

ПУШКИН И ИЗРАИЛЬ

Захар Тельман

Пушкин в Израиле

Когда говорят Пушкин, подразумевают русскую литературу. Но мало кто знает, что великий русский поэт оказал влияние и на становление литературы на иврите. Еще до воссоздания государства Израиль в 1948 году у русской литературы в Израиле был особенный статус.

Первая Мировая война и последовавшие за ней революции и гражданские войны в России вынудили немало тогдашних граждан России покинуть свою родину. Много бывших российских евреев оказалось в те годы в Палестине, в которой власть Османской Турции сменилась на британскую. Неудивительно, что в двадцатые годы только что завершившегося века Тель-Авив стал не менее значительным центром русской культуры за пределами метрополии, чем Париж, Берлин и Прага. Перед Второй мировой войной вся тель-авивская литературная богема говорила по-русски.

Ныне в Израиле издается литературы на русском языке больше, чем в любой стране мира, включая республики бывшего СССР, кроме, естественно, России. Тем не менее, картина будет неполной, если к изданиям на русском языке не присовокупить многочисленные переводы на иврит произведений классической и современной русской литературы. Профессор Г. Шакед в своей книге «Ивритская проза. 1880–1970» (Тель-Авив, 1977) указывает, что основным источником, повлиявшим на становление литературы на иврите, была русская литература. На рубеже XIX–XX вв. переводы

русских классиков на иврит способствовали обогащению словарного состава иврита и развитию его лексики. И в этом разлитом море русской литературы в Израиле особое место принадлежит Пушкину.

Впервые Пушкина перевели на иврит в 1847 году. В хрестоматийной части учебного руководства по изучению русского языка для владеющих ивритом были даны подстрочные переводы на иврит двух фрагментов из поэмы «Медный всадник» и одного фрагмента из трагедии «Борис Годунов». Автором учебника и переводов был Леон Иосифович Мандельштам (1819–1889), первый еврей, получивший гуманитарное образование в российском высшем учебном заведении. В 1861 году был опубликован первый поэтический перевод стихотворения Пушкина на иврит. В литературном приложении к журналу «Кармэл» вышло стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных». А на идиш первое стихотворение Пушкина было переведено в октябре 1863 года: стихотворение «Телега жизни», опубликованное в одесской газете «Голос вестника» (Кол мевасер).

Книжное издание произведений Пушкина на иврите впервые увидело свет в 1879–1880 гг. в Варшаве. С начала 20-го года произведения Пушкина активно переводились на идиш. В 1918 году в переводе А.И. Гродзенского на идише вышла поэма «Полтава», а в следующем году тот же переводчик издал на идише «Евгения Онегина». Вскоре на идиш были переведены все основные произведения Пушкина.

Уничтожение большей части европейского еврейства, а также антисемитская политика Сталина конца 40-х – начала 50-х годов привели к тому, что в послевоенные годы Пушкин в СССР на языке идиш не издавался. В последний раз книги Пушкина на идише выпускались в СССР в 1940 году. Хотя следует заметить, что общее число экземпляров произведений

Пушкина, вышедших в предвоенные годы на языке европейских евреев, доходило до 70 тыс. экземпляров.

В 1937 году, в год столетия со дня смерти Пушкина, в Иерусалиме вышли два издания «Евгения Онегина» на иврите. Переводчики А. Левенсон и А. Шленский. Переводы пушкинских текстов на иврит Авраама Шленского (1900–1973) считаются классическими. «Евгений Онегин» в переводе А. Шленского и с его комментариями впервые вышел в 1937 году и с тех пор неоднократно переиздавался. Последняя, сильно переработанная, редакция появилась в 1966 году и была снабжена подробнейшими примечаниями Шленского на 127 страницах.

Авраам Шленский – уроженец Украины, переводил с четырех языков: русского, идиша, французского и английского. С особой любовью он переводил с русского – языка своего детства. Восхищение Пушкиным Шленский унаследовал от матери. Он перевел на иврит большую часть пушкинской лирики, «Евгения Онегина», пьесу «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии». Пушкиноведа считают переводы на иврит Шленского классическими: ему удалось с поразительной точностью сохранить на иврите пушкинскую рифму, композицию и ритмический нюанс подлинника. Вот пример строф из «Евгения Онегина» и русской транскрипции ее перевода на иврит:

Онегин, добрый мой приятель,
Онегин, едиди миноар,

Родился на берегах Невы,
Аль гдот нэхар Нева нолад,

Где, может быть, родились вы
Шам гам ата, коре нихбад

Или блистали, мой читатель;
Улай хифлэта зив вазоар!

Там некогда гулял и я,
Шам аз тиналти гам ани

Но вреден север для меня.
Ах ой ли мээклим цфони.

Достоинства перевода Шленским «Евгения Онегина» на иврит отметил советский критик А. Белов в сборнике «Мастерство перевода. 1964», вышедшем в Москве в 1965 году. Переводы произведений Пушкина, осуществленные Шленским, стали неотъемлемой частью израильской культуры. Поколения израильтян, не знающих русский язык, воспитываются на этих переводах, которые обязательны для школьного чтения. Следует обратить внимание, что Шленский по несколько раз возвращался к работе по уже готовым переводам, и у многих из них несколько редакций. Так, последний вариант перевода «Онегина» сильно отличается от первой редакции 1937 года. Переделки нравятся далеко не всем поклонникам великого русского языка. Израильский писатель И. Орен (Надель) вспоминает, как однажды сказал об этом Шленскому, который критику не принял. Он заявил: «Вы, русские, считаете, что «Евгения Онегина» написал на иврите Шленский, и первый вариант кажется вам оригиналом. Это не так».

Еще в 1826 году Пушкин написал стихотворение «Пророк», основанное на библейской книге Исайи. К еврейской тематике относятся и пушкинское стихотворение «В еврейской хижине лампада» и неоконченное «Юдифь».

Пушкин оказал огромное влияние на становление современной ивритской поэзии и поэзии на языке идиш. Пушкин-

ские мотивы прослеживаются в творчестве таких крупных советских еврейских поэтов как Давид Гофштейн, Перец Маркиш, Лейб Квитко, Шаул Черняховский. К сожалению, все они были расстреляны в эпоху антисемитского шабаша в СССР в конце 40-х – начале 50-х годов.

«В глуши, в дали Ерусалима...» – писал Пушкин в поэме «Гавриилада». Великий русский поэт проявлял к Земле Обетованной живой интерес. Он мечтал посетить святые места. В 1830 году молодой петербуржец Александр Николаевич Муравьев (1779–1863), декабрист, за четыре года до того освобожденный из ссылки в Якутске, успел побывать в Палестине, а, вернувшись, опубликовал «Путешествие по Святым местам». Свой труд он подарил Пушкину, который в ответном письме заметил, что «с умилением и невольной завистью прочел эту книгу».

В записной книжке Пушкина за 16 марта 1832 года на двух листках начертаны его рукой ивритские буквы. Эти записи вполне можно считать учебными. Об этом же сообщает русский фольклорист и археограф Петр Васильевич Киреевский (1808–1856) в письме поэту Николаю Михайловичу Языкову (1803–1846): «Пушкин учится по-еврейски с намерением переводить Иова». (Согласно библейской мифологии Иов – праведник, наряду с Даниилом и Ноем). Во времена Пушкина не существовало полного перевода Библии на русский язык. В России Библию обычно читали или по-старославянски или по-французски.

...16 августа 1956 года одна из улиц города Яффо, ныне слившегося с Тель-Авивом, была названа именем великого русского поэта.

*В еврейской хижине лампада
В одном углу, бледна, горит,*

*Перед лампадою старик
Читает Библию...*

Прав, конечно же, великий Пушкин: народ Израиля будет читать Библию всегда. Но и его произведений здесь никогда не забудут.

ПУШКИН И ЯПОНИЯ

Анатолий Мамонов

Пушкинское наследие в Японии*

Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное.

В. Г. Белинский

Советский пушкинист А.Л. Григорьев, систематизировавший и обобщивший богатейший материал о Пушкине в зарубежном литературоведении, основную задачу своей обзорной работы видел лишь в том, чтобы «кратко охарактеризовать различные тенденции в зарубежном пушкиноведении вплоть до нашего времени». Но, сообщая, что о Пушкине «уже существует большая научная литература на разных языках», автор обращается только к материалам Запада. Восток словно бы непричастен к определению места и роли Пушкина в мировом литературном процессе. И это понятно: автор опирается на имеющиеся в его распоряжении работы по национальным литературам, а среди них восточных почти нет, они только-только начинают появляться.

В СССР в последние годы предпринят ряд плодотворных попыток освоить восточную тему в творчестве Пушкина.

* Пушкин в странах зарубежного Востока. – Наука, 1979. – С. 93–107.

В статье Д. И. Белкина «Тема зарубежного Востока в творчестве А. С. Пушкина» убедительно прослежен «устойчивый интерес к Востоку», который «в течение всей жизни проявлял» Пушкин. Показан его неослабный интерес к Арабскому Востоку, Турции, Персии, древнееврейской культуре, Китаю, но ни словом не упомянута Япония. Упоминания о Японии нет и в кандидатской диссертации того же автора «Концепция Востока в творчестве А.С. Пушкина», в исследованиях И.С. Брагинского и М.Л. Нольмана, посвященных проблеме западно-восточного синтеза в творчестве Пушкина, в книге Н.М. Лобиковой «Пушкин и Восток».

Разумеется, исследователи здесь ни при чем: сам Пушкин обошел вниманием Японию, почти неизвестного тогда дальневосточного соседа России. Тем более отраднo, что имя Пушкина, самого интернационального из всех русских поэтов, стало родным и близким для многих поколений его почитателей-японцев.

Изучение творческих связей национального русского поэта с культурами других народов мира является сейчас одной из насущных задач пушкиноведения, пишет автор книги «Пушкин и Восток», усматривая свою главную роль в том, чтобы ответить на вопрос, как видел Пушкин Восток, уяснить особенности его представлений о Востоке и их образного воплощения в произведениях.

Не менее важной задачей пушкиноведения представляется и проблема восприятия пушкинского наследия зарубежным читателем.

В перечне работ о переводах пушкинских произведений на языки зарубежного Востока встречаем лишь такие страны, как Турция, Иран, Китай. Япония же оставалась до настоящего времени своего рода белым пятном.

Пушкинское наследие мощным потоком влилось в океан мировой культуры. По данным, опубликованным в юбилейные дни 1974 г., за рубежом книги поэта издавались 1614 раз на 45 языках. Своеобразный рекорд поставлен такими произведениями, как «Евгений Онегин» (215 раз в 24 странах), «Капитанская дочка» (258 раз в 27 странах), «Дубровский» (96 раз в 26 странах).

В дни VII Всесоюзного пушкинского праздника поэзии (1973 г.) Евгений Сидоров удивительно точно выразил интернациональную сущность Пушкина: «Пушкину уже мало быть русским, даже славянином. Он не просто пошел дальше, но принципиально по-новому осознал национальное. В нем русская литература впервые ощутила себя открытым общечеловеческим искусством... Рывок Пушкина в интернациональное и есть наиболее полное воплощение русского духовного начала. Это зерно пушкинского гения раньше других понял Достоевский. Подобно Петру, Пушкин прорубил окно в Европу... Отныне русская литература стала мировым феноменом, нравственной и художественной традицией».

Следует добавить, что Пушкин «прорубил окно» не только в Европу: его читают на маратхи, бенгальском, хинди, пенджаби, персидском, корейском, бирманском, китайском, арабском, гуджарати и многих других языках. Поистине сбылось сказанное Белинским: «Этой поэтической натуре ничего не стоило быть гражданином всего мира...».

Как же пришел Пушкин в Японию? Каким увидели его там, какие представления о его творчестве складывались у японских читателей и как пушкинские творения стали явлением национальной литературы нашего дальневосточного соседа?

Широкое знакомство с творчеством великого русского поэта в Японии, особенно с его поэзией, состоялось значительно позже, нежели знакомство с шедеврами русской классической

прозы, хотя формально (и поверхностно) Пушкина в Японии узнали несколько ранее.

Причина этого и в сложности перевода с русского языка вообще (главное препятствие, по мнению профессора Нодзаки Ёсио), и в особой сложности перевода русской поэзии, и в отсутствии японских русистов, наделенных поэтическим даром. Западным поэтам в этом отношении «повезло» больше. Уже в 1882 г. в «Сборник стихов нового стиля» («Синтайсисё») вошли наряду с произведениями японских авторов переводы стихотворений Шекспира, Теннисона, Грея и др., носившие, правда, экспериментальный характер, выполненные известными учеными и поэтами, знатоками английского языка.

История проникновения пушкинских произведений в Японию насчитывает без малого сотню лет. Переводы делались с языка-посредника и с русского, с письменных источников и устных пересказов. В переводческом деле участвовали и малоизвестные, случайные люди, и крупные мастера. Вначале проза, драматургия, затем поэзия – таков «японский путь» Пушкина.

Япония в известном смысле была подготовлена к восприятию поэтического мира русского гения. Особенность японского переводческого процесса «допушкинского» периода (т. е. до всестороннего знакомства с поэтом) состояла в том, что переводились в подавляющем большинстве прозаические произведения русской классики XIX, а затем и начала XX в. Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький донесли до японских читателей свой богатейший духовный мир, свои раздумья над судьбами России, передали незабываемые образы русских людей и русской природы. Фтабатэй Симэй, Нобори Сёму, Накамура Хакуё, Ёнэкава Масао, Хара Кюитиро – прославленные переводчики русской классики – совершили титанический подвиг: они бережно и вдохновенно

воссоздали на родном языке почти все, что было создано крупнейшими писателями России.

Русским литература, как справедливо отмечает К. Рехо, неизмеримо расширила область художественного творчества, углубили социальную тематику японской литературы. Она оказала влияние не только на содержание, но и «на становление реалистического метода новой литературы Японии в период ее формирования».

Таким образом, появлению в Японии полного собрания сочинении А. С. Пушкина на японском языке предшествовала богатой традиция художественного перевода творений, созданных соотечественниками поэта.

Советские ученые, разрабатывая тему литературных взаимосвязей и взаимовлияний, неоднократно обращались к изучению взаимосвязей русской классической и японской литератур. Еще в начале 20-х годов публикуются ранние сведения о Толстом в японской литературе, а в 1944 г. появляется работа Н.И. Конрада «Чехов в Японии». В послевоенные годы число работ о русских классиках в Японии возрастает. Выходят статьи и даже книги. Гоголю, Горькому и Шолохову в Японии посвящены три исследования Е. М. Пинус. О Белинском пишет Р.Г. Карлина, о Горьком – Н.И. Чегодарь и К. Рехо, о Толстом – А.И. Шифман. Что касается изучения поэзии, то оно ограничивается советским периодом: творчество Маяковского и некоторых других советских поэтов в Японии рассматривается в работах А.Е. Глускиной и автора данных строк.

К сожалению, советское японоведческое литературоведение еще не касалось пушкинской темы. И это тем более досадно, что еще в дореволюционной России делались первые робкие шаги в этом направлении, не получившие, как ни странно, дальнейшего развития. Не появилось пока

ни одной специальной монографии; в общих работах по проблематике междокультурных связей мы едва ли найдем десяток абзацев, посвященных Пушкину в Японии. Лишь отдельные фразы, упоминания вскользь (то имени поэта, то названия его произведения) – этим, пожалуй, и ограничивается степень изученности данной темы, раскрытие которой имеет немаловажное значение для анализа советско-японских литературных связей.

В статье, опубликованной в 1932 г., Н.И. Конрад, отвечая на вопрос, какие европейские авторы попали в Японию в «первый этап буржуазной литературы», т.е. в 70–80-е годы прошлого века, называет ряд имен, в числе которых были и наши соотечественники: «русские – Толстой и Пушкин». И далее: «Совершенно случайный характер имело появление Толстого (отрывки из ‘Войны и мира’**), Пушкина (‘Капитанская дочка’)). Это первое в советском японоведении упоминание о Пушкине в Японии.

Говоря о переводной литературе 80-х годов, Н.И. Конрад вновь несколько раз упоминает оба имени.

Заметим, однако, что в статье ни разу не упоминается в связи с Пушкиным имя какого-нибудь переводчика. Впервые в советском японоведении это произойдет лишь несколько десятилетий спустя.

В 50-е годы имя Пушкина упомянуто трижды и работе Е. М. Пинус «Гоголь и русская классическая литература в Японии» и дважды – в исследовании В.В. Логуновой «Краткий очерк истории японской демократической литературы 1950–1952 годов», а в 60-е годы (опять-таки дважды) – в комментариях Н.И. Конрада к русскому переводу «Истории

** Речь идет о переводе 1886 г., который остался незавершенным опубликованы были лишь первые 23 главы романа.

современной японской литературы» – при цитации источника и ассоциативно, в иллюстративных целях***.

В 70-е годы имя Пушкина вновь появляется в трудах Н. И. Конрада, а также в книге автора данных строк «Встречи на берегах Ёдогавы». Новейшее упоминание – в статье И. Л. Иоффе, посвященной творчеству Горького в Японии.

Случается, в солидных японоведческих трудах имя поэта как бы изолируется от имен других классиков. Так, например, К. Рехо, справедливо отмечая, что русская литература занимает особое место по силе своего влияния на новую японскую литературу, далее пишет: «Можно без преувеличения сказать, что путь ее развития связан с изучением творчества Тургенева, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького».

А что же Пушкин? Случайно ли опущено его имя? Имело ли его творчество влияние на японскую литературу и в какой степени?

Подобные вопросы во множестве встают перед исследователем, задавшимся целью попытаться восполнить пробел в изучении пушкинского наследия в Японии. И ответить на них в значительной степени помогают работы японских авторов.

Изучение Пушкина в Японии самими японцами стоит на более высоком уровне, чем в нашем японоведении, хотя, по существу, написанное ими не представляет собой единого продуманного целого; это скорее разрозненные, хотя и весьма

*** Комментируя термин «тэйкайсюми», созданный популярным писателем-классиком Нацумэ Сосэки «для обозначения особого направления творчества», Н.И. Конрад пишет: «Смысл... термина заложен в слове ‘тэйкай’, являющемся основой всего выражения в целом. ‘Тэйкай’ буквально значит ‘бродить с опущенной головой’, ‘бродить в задумчивости’. По мысли Сосэки, это относится и к жизни и к творчеству. Сходная мысль заложена в строках Пушкина: ‘По прихоти скитаться здесь и там, дивясь божественной природы красотам’».

квалифицированные, как правило, работы различных жанров – перепады, комментарии, послесловия, биографии, эссе и даже диссертации. Да и общее количество их крайне невелико, если учесть огромный временной период, на протяжении которого они появлялись. К сожалению, ни в одной из работ (за исключением, пожалуй, работы Огума Хидэо), как будет показано далее, не дается критическая оценка предшествующих исследований, что, конечно, усложняет воссоздание общей картины развития научно-художественной мысли в японском пушкиноведении.

Появление в Японии критической литературы о Пушкине хронологически совпадает с началом нынешнего столетия. Именно на заре века появилась книга Нобори Сёму «Великий писатель России Гоголь», в которой говорится и о Пушкине. Вполне естественно, что в такого рода исследовании творчество Пушкина не могло не рассматриваться поверхностно, лишь в плане иллюстрации основной, «гоголевской» темы.

Совсем иной характер носил труд Ясуги Садатоси «Великий поэт Пушкин». С этой книги начинается, по существу, японское пушкиноведение.

Внимание читателя сразу же привлекают прекрасные иллюстрации – репродукции известных портретов и рисунков, выполненные в четырех цветах: синий – портрет Пушкина, фиолетовый – портрет Н. Н. Гончаровой, зеленый – могила поэта в Святогорском монастыре, розовый – памятник поэту в Москве, на площади, носящей ныне его имя. Иллюстрации предваряют текст, и Ясуги, как бы отталкиваясь от них, видит в движении «от простого черного креста над могилой в Святогорском монастыре (1837 г.) до великолепного памятника, сооруженного в 1880 г.», символ признания поэта в России.

«Великий поэт Пушкин» состоит из введения «От автора» и трех основных частей (с главами и разделами): «Жизнь

Пушкина», «Краткое изложение важнейших произведений», «Место Пушкина в литературе России». Книга Ясуги (особенно ее биографическая часть) в значительной степени несет на себе отпечаток концепций дореволюционных российских исследований и свойственных им заблуждений. В изложении биографии поэта заметна тенденция к субъективизму; анализ творчества Пушкина, и особенно раздел о его месте в русской литературе, носит достаточно объективный характер. Дает о себе знать знакомство с сочинениями Белинского, начиная с вводных разделов, посвященных характеристике допушкинской эпохи в истории русской литературы. (Изредка упоминаются также имена Анненкова, Григорьева и других русских критиков Пушкина.) Допушкинская тема – лишь вводная, но, так же как и в статьях Белинского о Пушкине, она играет огромную роль в выявлении художественных связей поэта, преемственности лучших демократических традиций русской литературы.

Каждое из рассматриваемых в книге Ясуги пушкинских произведений сопровождается фактической информацией (когда и где начато, когда и где закончено, из скольких строф состоит и т.д.), представлявшей несомненную ценность для тогдашнего широкого японского читателя, совершенно, можно сказать, незнакомого ни с Пушкиным, ни с его творчеством. Эти данные обогащают небольшие тексты комментариев, как правило, предваряющих «краткое изложение» произведений.

Читая рассуждения Ясуги о лирике Пушкина, невольно проникаешься ощущением, что в них недостает одного, весьма существенного элемента – понимания гражданственности поэта. Вопрос о величии Пушкина Ясуги сводит, по существу, к чисто формальной стороне творчества. Главным источником творческих взлетов Пушкина является его несомненная

принадлежность к так называемому «чистому искусству» – вывод, к которому неизбежно приходишь, читая, например, раздел «Короткие стихотворения», да и многие другие разделы книги Ясуги. Певец красоты и гармонии – таким, и только таким видится Пушкин японскому автору.

Нетрудно заметить, как в книге Ясуги сливаются стремление убедить читателя в том, что Пушкин – эстетствующий поэт, и тенденция затушевать (вольно, а скорее невольно) оппозиционность его творчества.

Как бы то ни было, суждения японца о Пушкине, высказанные еще в начале века, крайне любопытны. Они представляют интерес как исторический документ японской пушкиноведческой мысли дооктябрьской эпохи.

Зарождение в японском пушкиноведении марксистского метода анализа связано с работой Катагами Нобуру «Бунт обыкновенного человека», посвященной разбору поэмы «Медный всадник».

30-е годы в Японии отмечены появлением интереснейших статей о Пушкине пролетарского поэта Огума Хидэо, частью изданных посмертно в послевоенные годы.

Перечисленные работы – в основном все, чем располагало японское пушкиноведение к концу второй мировой войны (не считая кратких сведений о поэте, содержащихся в различного рода переводных изданиях, а также в общих исследованиях о русской литературе).

Расцвет пушкиноведения и Японии приходится на послевоенные годы, когда пушкинское наследие стало распространяться особенно интенсивно, чему в немалой степени способствовали торжественно отмечавшиеся в стране юбилейные даты поэта.

В 1947 г. в серии «Изучение русской литературы» в издательстве «Синсэйся» выходит книга «Пушкин». Названная

«специальным выпуском», посвященным поэту, она представляет собой сборник исследований по русской и советской литературе, в котором основными были три пушкиноведческие работы: «О Пушкине» Екэмура Ёситаро, «Пушкин в селе Михайловском» Канэко Юкихико (сокращенный вариант главы его будущей биографической книги), а также «Пушкин и крестьяне» с подзаголовком «К размышлениям о социальном характере творчества поэта» Ямамура Фусадзи.

В 1948 г. появляется статья «О прозе Пушкина» Накамура Тору, включенная в полное собрание повестей Пушкина. Однако главным событием этого года (да и не только этого) в японском пушкиноведении явилась книга «Биография Пушкина», принадлежащая перу Канэко Юкихико, поэта и переводчика, профессора токийского университета Хитоцубаси.

Это вторая книга о Пушкине на протяжении полувека. Если Ягути Садатоси, автор первой, попытался конспективно изложить историю русской литературы допушкинской поры и пушкинской эпохи, а также определить место, занимаемое в ней Пушкиным, указав на основные вехи его творческого пути, то Канэко Юкихико ограничивает себя главным образом хронологическими рамками жизни Пушкина, при этом значительно расширяя и углубляя повествование за счет множества сведений биографического и творческого характера.

Одну из основных задач своего исследования автор раскрывает следующим образом: «Думаю, что люди, сердца которых пленяют прекрасные стихотворения Пушкина, хотят знать, как жил поэт. Знакомство с его биографией необходимо для того, чтобы правильнее понять его творчество. Путь, пройденный этим великим поэтом, сам по себе имеет для нас огромное воспитательное значение».

В своей трактовке личности Пушкина, поэта и гражданина, профессор Канэко следовал тенденции времени. Граждан-

ственность творчества Пушкина не вызывала у него сомнений. Концепция Ясуги, таким образом, была подвергнута существенной корректировке. За плечами биографа солидный багаж изученных им известных русских дореволюционных источников, новейших фундаментальных исследований советских и англоязычных авторов.

В книге девять глав: «Родословная поэта и годы детства», «Царскосельский лицей», «Петербургское общество и тайные организации», «Ссылка в Южную Россию», «Село Михайловское», «Москва, Петербург», «Женитьба», «Жизнь на службе при императорском дворе», «Дуэль и смерть». Помимо основных глав книга содержит предисловие и послесловие автора. Тщательно составлены примечания, которые собраны в конце книги и занимают 50 страниц убористого текста. В книге приводится также хронология жизни Пушкина (со ссылкой на Б.В. Томашевского и М.А. Цявловского) и обширный справочный материал о лицах, чьи имена встречаются в книге.

«Биография Пушкина» Канэко Юкихико и поныне остается ценным пособием в изучении личности и творчества поэта.

Последующие годы отмечены в Японии появлением кандидатской диссертации Кусака Сотокити «Пушкин как национальный поэт в поэме ‘Руслан и Людмила’», исследования Одзава Масао «О незавершенных стихотворениях Пушкина», а также небольших статей Тэрада Тору («Поэзия Пушкина») и Хокё Кадзухико («Пушкин в творчестве Огума Хидэо»), включенных в первый том шеститомного пушкинского издания, и других работ.

Наиболее значительной публикацией в 70-е годы наряду с переводным шеститомным собранием сочинений поэта является критико-биографическая книга пушкиниста Икэда Кэнтвэро «Жизнь Пушкина».

Помимо специальных работ, посвященных Пушкину и его творчеству, существует ряд аналогичных исследований, которые в качестве отдельных разделов входят в многочисленные историко-обзорные издания, посвященные русской литературе. Крупный раздел о Пушкине содержит, например, капитальный труд (объемом в 618 страниц) Окадзава Хидэтора «История русской литературы XIX века».

Говоря о распространении и влиянии пушкинского наследия в Японии, следует, однако, с осторожностью подходить к оценкам и выводам исследователей, вытекающим не столько из действительных фактов, сколько из осознания японскими учеными роли Пушкина в нашей отечественной литературе. Японские исследователи подчеркивают, во-первых, историческую роль Пушкина как основоположника русской литературы и, во-вторых, то обстоятельство, что именно «Капитанская дочка» Пушкина явилась первым переводным произведением русской классики в Японии.

В работе Ёкэмура Ёситаро «К вопросу о влиянии русской литературы на японскую» подробно рассматривается распространение русской литературы в Японии в дооктябрьский период. Мы узнаем о деятельности Фтабатэя и многих других, но ни разу не встречаем имени Пушкина. И лишь в самом конце работы автор как бы «подключает» имя поэта к перечню русских классиков – Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Горький, – «почти все произведения» которых «в переводе непосредственно с русского» стало возможным читать «только после Октябрьской революции».

Чем руководствовался японский автор, завершая свой перечень именем Пушкина? Не тем ли, что творчество поэта в полном объеме пришло в Японию одним из последних великих наследий «золотого века» русской литературы? Такая версия представляется вполне логичной, хотя и несколько

смущает «третье» место Тургенева. Но, может быть, автор распределил места по степени воздействия русских писателей на японскую литературу? И это вполне возможно: ранняя версия «Капитанской дочки» ничем не выделилась в потоке японской переводной беллетристики последней четверти XIX в.

В другом исследовании Екэмура Ёситаро, написанном ранее – о распространении и влиянии русской литературы в Японии – имя Пушкина упоминается четырежды: впервые в связи с публикацией упомянутого выше перевода «Капитанской дочки», затем (трижды) – в перечне писателей, в разное время переводившихся на японский язык. При этом в трех последних случаях имя Пушкина дважды открывает перечень блистательных имен, а вот в заключительном, «последнеоктябрьском» перечислении мы неожиданно сталкиваемся с уже рассмотренным выше перечнем (с именем Пушкина в конце), перекочевавшим в более позднюю работу.

Цитируя именно эту часть первой работы Ёкэмура Ёситаро, К. Рехо в своей книге о Горьком в Японии, раскавычивая цитату, переставляет имя Пушкина на «законное», как принято считать, первое место в перечне русских классиков, известных в Японии. Разумеется, перед советским исследователем стояли иные задачи, связанные с иной проблематикой и темой. Однако в статье о Пушкине, мне кажется, нельзя не задуматься над причинами, побудившими известного японского ученого прибегнуть именно к такому порядку имен и именно в таком контексте. Если говорить о подлинном влиянии творчества Пушкина в Японии, то, конечно, Пушкин окажется далеко не в авангарде.

Как сейчас, так и раньше в русской печати, в разделах хроники культурной жизни за рубежом, выступали в основном специалисты, во всяком случае знатоки языка, читающие

инострannую прессу. Поэтому под инициалом П., например, в начале века мог скрываться какой-нибудь японовед с тем или иным восточным уклоном. И свидетельства таких хроникеров зарубежной литературы того времени имеют немалый интерес для изучающих истоки влияния русской литературы в Японии.

В крошечной заметке «Русская литература в Японии», принадлежащей перу упомянутого П., говорится: «Из русских писателей более всего известны в Японии Толстой, Горький и Гоголь. Особенно нравится японской публике Толстой: известие о том, что в скором времени появится в японском переводе роман ‘Анна Каренина’, с восторгом подхвачено японской прессой». И это свидетельство опять-таки не касается Пушкина.

Изучение «материалов японской критики 1905–1910 гг.» позволило Б.В. Поспелову в статье «Некоторые данные о русской литературе в Японии» прийти к выводу, что «в 1910 г. японская общественность ознакомилась почти со всеми выдающимися произведениями русской литературы» и что «по масштабам распространения в Японии она заняла первое место, намного опередив западноевропейские литературы». Далее автор пишет: «В 1909 г. отдельным изданием вышел сборник ранних произведений Горького в переводе Сома Гёфу. В этот период на японский язык переводились также произведения Пушкина, Гончарова, Короленко, Гаршина, Куприна и других».

К сожалению, конкретных названий произведений Пушкина, переведенных на японский язык, автор статьи не приводит. Думается, это не случайно. Оговорка в статье относительно того, что японцы в описываемое время познакомились не со всеми, а «почти» со всеми выдающимися произведениями

русской литературы, в значительной степени касается именно Пушкина.

В самом деле, из выдающихся произведений основоположника русской литературы к этому времени японские читатели знали немногие вещи – «Капитанскую дочку» (1883), «Бориса Годунова» (1893), «Анджело» (1895), «Гробовщика» (1904), «Метель» (1905), «Выстрел» (1909).

Обращает на себя внимание тот факт, что при всей случайности выбора русских книг для перевода, а тем более пушкинских (речь идет о периоде зарождения переводческой деятельности), эти произведения роднит социальная значимость, изображение народных движений в переломные моменты российской истории. Если учесть, что вслед за «Капитанской дочкой» в Японии появились книги русских народовольцев (например, «Подпольная Россия» С.М. Степняка-Кравчинского, за перевод которой, кстати сказать, М. Миядзакэ заплатил годами каторги), вызвавшие огромный интерес среди либерально настроенной интеллигенции, можно легко предположить, что именно растущая потребность общества в произведениях, пронизанных освободительным духом, обусловила и перевод первой исторической народной трагедии «Борис Годунов».

Об этой тенденции писал известный ученый-русист Нобори Сёму, характеризуя литературную ситуацию начала нынешнего века: «40-е годы Мэйдзи ознаменовались расцветом реалистической литературы в Японии. Это был период, когда подвергались переоценке все ценности, а пробудившееся самосознание личности требовало полноты жизни и не находило ее. Это был период исканий и блужданий во тьме ночи. И в это время японцы познакомились с русской литературой, проникнутой революционным духом... Читая произведения русских писателей, японцы испытывали такое чувство, ка-

кое испытывает человек в засуху, видя перед собой облака и радугу, предвещающие дожди».

От взоров японских исследователей не ускользнуло, однако, то, что Западная Европа после знакомства с шедеврами Толстого и Достоевского довольно долго считала, что русская литература XIX в. – «лишь мир этих прозаиков», и «почти ничего» не говорила о Пушкине и Лермонтове, «самых близких для каждого русского человека». Японские ученые объясняли это многими причинами, и прежде всего «исключительной сложностью перевода Пушкина и Лермонтова, особенно Пушкина: «его поэзию переводить почти невозможно».

Неинтересно вспомнить в этой связи, как пришел в Японию У. Уитмен.

Имя Уолта Уитмена стало известно в Японии после Пушкина, но одновременно с именем Лермонтова – в 1892 г. Тогда никого не оставила равнодушным взволнованная статья Нацумэ Сосеки, будущего прославленного писателя, «О стихах Уолта Уитмена – представителя движения за равноправие» в «Философском журнале» («Тэцугаку дзасси»). Вольнолюбивая поэзия Уитмена с ее свободными ритмами и размерами, легко поддававшаяся переводу, оказалась столь близкой и созвучной демократически настроенным читателям новой, постемэйдзийской Японии, переживавшей бурный период ломки старых понятий и устоев, что уже в 1919 г., когда отмечалось столетие его рождения, «Уитмен стал самым популярным в Японии зарубежным поэтом».

То были годы, когда синтайси изживал себя как единственная «большая» форма поэзии и в бурно протекавшей литературной борьбе на смену «стиху нового стиля» приходил верлибр.

Свободный стих в Японии, который, как утверждает современный исследователь Сава Хамадзиро, родился из «стара-

ний перевести западную поэзию японским стихом», многим обязан Уолту Уитмену. Поэзия Уитмена, переведенная свободным стихом, выглядела привлекательнее, чем в переводе строгим синтайси. О впечатлении, которое произвел верлибр на читателей, Сава Хамадзиро пишет: «Любители литературы заметили, что переводы, абсолютно лишенные поэтической формы строгого стиха, гораздо лучше передавали западную поэзию. И, более того, появились стихи, которые в этой новой форме стали создавать сами японцы...».

Показательно отношение к пушкинскому наследию Оно Тосабуро, одного из старейших демократических поэтов Японии. Представляют интерес его высказывания о влиянии русской литературы и причинах недостаточной популярности Пушкина в Японии в течение длительного времени.

Вспоминая далекую юность, книги, которыми он зачитывался в студенческие годы, Оно Тосабуро пишет, что великие русские писатели Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Горький были не только его любимыми авторами, но и наставниками. «Их проза была учителем моей поэзии», – заявляет Оно Тосабуро.

Влияние на будущего поэта русской классической прозы оказалось преобладающим в сравнении с воздействием классической поэзии, причем не только русской, но и западноевропейской. Причина, как он полагает, кроется в качестве художественного перевода. В области прозы существовала богатая традиция перевода. Имелись выдающиеся мастера – Фтабатэй Симэй, Нобори Сёму и др. Поэзия в этом смысле отставала. Вот почему, по словам Оно Тосабуро, и «Ад» Данте, и «Евгений Онегин» Пушкина, и «Манфред» Байрона для него «были начисто лишены очарования» и ему «совсем не казалось, что это – поэзия». Конечно, продолжает поэт, «в этом отнюдь не виноваты Данте, Пушкин и Байрон, но

с той поры я проникся чувством недоверия к переводной поэзии».

В одной из своих книг, «Введение в современную поэзию», Оно Тосабуро обращается к всемирно известным именам: Моцарту, Пушкину, Байрону. Рассуждая о поэзии, он проявляет, осведомленность в биографических деталях, напоминая, например, что «Пушкин, вдохновленный Вольтером, в одиннадцать лет написал поэму». При этом Оно Тосабуро подчеркивает, что главное в поэте – «своеобразие натуры», которое проявляется в любом возрасте и без которого бессмысленно что-либо делать в поэзии, а гением быть вовсе не обязательно.

Следовательно, для Оно Тосабуро Пушкин ценен прежде всего своеобразием; это, конечно, не означает, что Оно Тосабуро отрицает другие общепризнанные достоинства поэта и его творчества.

Весьма ценны соображения японского исследователя Накамура Тору о пушкинской прозе. Накамура Тору выделяет ряд ее отличительных черт. В первую очередь «значительность содержания и емкость, законченность формы». Содержание (*найё*)—это и мысль, идея (*сисо*). Накамура замечает: «Поэзия – речь чувств, проза – речь мыслей». Исходя из этого, он подчеркивает, что «пушкинская проза отличается прежде всего глубокой содержательностью». Второй особенностью пушкинской прозы критик считает «ее блестящую форму», третьей – исключительное богатство языка. «От его прозы сильно веет запахом русской земли», – замечает Накамура, видя в этом важную особенность пушкинской прозы.

Подытоживая свои наблюдения, Накамура Тору заключает: «В общем, есть все основания утверждать, что русская литература начинается с Пушкина».

Ярким свидетельством плодотворных литературных взаимосвязей Запада и Востока представляется мне та роль, которую сыграл в истории мировой литературы Проспер Мериме. Я имею в виду его замечательную серию «Статьи о русских писателях», и том числе о Пушкине. И после смерти Мериме суждено было пропагандировать творчество любимого русского поэта, но уже не во Франции, а в Японии.

Как известно, великий французский новеллист, почитатель и переводчик Пушкина, проявлял огромный интерес к русской культуре. Современник Пушкина (всего на четыре года моложе его), он посвятил двадцать лет жизни изучению литературы и истории России. По словам И.С. Тургенева, он был человеком, «который, положительно благоговел перед Пушкиным и глубоко и верно понимал и ценил красоты его поэзии».

Проспер Мериме вошел в японское пушкиноведение своей знаменитой статьей «Александр Пушкин» (1868). Это литературный портрет поэта, один из серии очерков, посвященных великим русским писателям – Пушкину, Гоголю, Тургеневу. [В качестве послесловия статья была включена в одно из популярных японских собраний переводов «Наследие Пушкина» (1947), принадлежащих перу переводчика Дзиндзай Киёси и многократно переиздававшихся в последующие годы]. О впечатлении, которое эти очерки произвели на родине Мериме, свидетельствуют специалисты, отмечая, что «они привлекли всеобщее внимание, несмотря на ряд ошибок и спорных положений, сыграли большую роль в популяризации русской литературы во Франции».

Думается, что не меньший след оставил «Александр Пушкин» в сердцах читателей-японцев. Пушкин в авторитетном изображении «европейского писателя» предстал перед ними во всей мощи гения мирового масштаба. Японский читатель, уже наслышанный о Пушкине или кое-что читавший ранее,

беря в руки томик его произведений, превосходно переведенных Дзиндзай Киёси, неизменно подпадал под влияние пушкинского слова, а читая об авторе, создавал себе четкое представление о нем с первых же фраз, в которых два корифея мировой литературы – Пушкин и Байрон – ставились рядом. Проспер Мериме писал: «Пушкин и Байрон – оба ушли из жизни в расцвете лет и таланта, но уже испытав все радости, какие только может дать литературная слава. Как тот, так и другой оказали огромное влияние на развитие литературы своей родины. Подражатели нанесли им немалый вред, однако потомки подтвердили суждение современников; бесспорная слава обоих теперь всеми признана, и ни один критик не осмелится зачеркнуть их имена, сияющие среди имен величайших поэтов».

Изучение материалов о зарубежных исследованиях пушкинского наследия не так давно привело ученых к выводу, что «о лирической поэзии Пушкина написано мало» и что исключение составляет «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», вызвавший оживленные филологические споры о значении пушкинского упоминания об «Александрийском столпе» и большие разногласия в объяснении идейного замысла стихотворения. При этом обычно ссылаются на известную работу академика М. П. Алексева «Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...».

Таким образом, скудость критической литературы о пушкинской лирике подтверждена высокими авторитетами. Тем более драгоценны для науки любые новые находки в этой области. Именно такой находкой представляется мне работа японского пушкиниста Одзава Масао «О незавершенных стихотворениях Пушкина»****. Она появилась на следующий

**** Эта работа, не включенная к сожалению, ни в один из известных мне библиографических указателей, найдена мной в библиотеке московского музея А.С. Пушкина, в дар которому была передана автором.

год после выхода в свет упомянутого исследования «Стихотворение Пушкина ‘Я памятник себе воздвиг...’» и свидетельствовала о глубоком и пристальном внимании к далеко не магистральным, казалось бы, проблемам пушкинского наследия, требующим от ученого-русиста весьма обширных познаний.

Исследованию предшествует краткое предисловие, написанное по-русски, в котором Одзава Масао очерчивает круг затрагиваемых проблем. Мне хотелось бы привести полностью этот редчайший в своем роде научный материал:

«Предлагаемая вниманию статья посвящена толкованию спорных стихов в черновиках неоконченных стихотворений Пушкина ‘Ты прав, мой друг,— напрасно я презрел’ (1822), ‘Бывало, в сладком ослепленье’ (1823). Стихотворения эти, полные глубокого пессимизма, как установил М.А. Цявловский, по-видимому, адресованы ‘первому декабристу’ В.Ф. Раевскому, являясь ответами на призывы последнего к Пушкину стать гражданским поэтом. А законченные стихотворения ‘Демон’ (1823) и ‘Свободы сеятель пустынный’ (1823) тематически и по своему происхождению тесно связаны с вышеназванными черновиками. В них уже намечены две главные темы — тема разочарования в ‘избранных людях’ и тема бессилия слова поэта перед равнодушной толпой. Вторая тема разрабатывается и вырастает в самостоятельное стихотворение ‘Свободы сеятель пустынный’. Автор статьи уделяет особое внимание интерпретации термина ‘избранные люди’, фигурирующего в черновых набросках недоработанных стихотворений. Ссылаясь на эпизод в Каменке, описываемый в записках декабриста И.Д. Якушкина, автор утверждает, что термин ‘избранные люди’ в наброске стихотворения ‘Ты прав, мой друг...’ носит вполне конкретно реальный характер и, возможно, относится к тем людям, с которыми Пушкин

встречался и вел ‘демагогические’ споры во время своего пребывания в именье Давыдовых. А термин ‘избранные люди’ в отрывке ‘Бывало, в сладком ослепленье’ представляется более обобщенным и обозначает романтическую теорию о спасении мира ‘избранными людьми’, хотя Пушкин создал себе реальное представление о них при общении с членами тайного общества на юге. Не исключена возможность, что в создании образа ‘избранных людей’ немаловажную роль сыграли руководители национально-освободительного движения 1820-х годов на Западе.

29 ноября 1968»

Судя по приведенному тексту, даже к пушкинской лирике, наиболее трудной для перевода и изучения, японские ученые приступают смело и основательно. И это дает лишний повод полагать, что влияние Пушкина в Японии неуклонно растет и ширится.

Кэйдзи Касамэ

А.С. Пушкин и императрица Елизавета Алексеевна*

01.

Интерес к Елизавете Алексеевне появился у Пушкина в лицейские годы. Так, 19 октября 1811 года царская семья присутствовала на церемонии открытия лицея. Думается, что тогда Пушкин впервые увидел Елизавету Алексеевну. В то время ей было 32 года, и она все еще слыла бесподобной красавицей. Позднее (1830 г.) в своих заметках для автобиографии поэт написал: «1814 год. Государыня в С С». Из этого можно сделать вывод, что в это время в окружении Елизаветы Алексеевны произошло некое событие, которое оказало глубокое впечатление на молодого Пушкина. Пушкиноведение не уделяло этому вопросу никакого внимания. Я думаю, что запись «Государыня в С С» содержит в себе не столько намеков на политическое событие в окружении Елизаветы Алексеевны, сколько указывает на существование определенных личных переживаний молодого Пушкина.

02.

В 1818 году Пушкин отправил в адрес фрейлины Елизаветы Алексеевны (Н. Я. Плюсовой) стихотворение, в котором превозносит императрицу. Есть предположения, что стихотворение было написано под определенным воздействием со

*«Внимая звуку струн твоих...». – Калининград, 1999. – С.77–81.

стороны фрейлины. В более ранних собраниях сочинений Пушкина это стихотворение носило название «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Это стихотворение дошло до императрицы, и поэт получил часы в награду. Потом это стихотворение удостоилось также хвалебного отзыва Федора Глинки. В сентябре 1819 года было прочитано на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, которое Федор Глинка возглавлял, а затем опубликовано в журнале. Это стихотворение, вероятно, может послужить одним из примеров тех восторженных настроений в отношении императрицы, которые царили в определенных кругах в то время. Я думаю, что исследователи биографии Пушкина должны» уделить внимание вопросу о том, как ситуация, сложившаяся вокруг этого стихотворения, повлияла на изменение личных чувств поэта.

03.

Хорошо известно, что Пушкин пользовался расположением Н. М. Карамзина. В 1816 году Пушкин впервые посетил дом Карамзина, который в это время жил в Царском Селе. Вплоть до южной ссылки такие посещения следовали одно за другим, и считается, что влияние Карамзина на юного поэта было достаточно большим. Известно, что с 1817 года Елизавета Алексеевна весьма благоволила к Карамзину. И здесь хотелось бы привлечь внимание к тому факту, что этот период совпал со временем посещений Пушкиным Карамзина. В связи с этим, при рассмотрении вопроса о взаимоотношениях Пушкина и Карамзина, невозможно игнорировать существование Елизаветы Алексеевны. Этот момент мне хотелось бы отметить.

04.

Елизавета Алексеевна доверила Карамзину свой тайный дневник. Впоследствии этот дневник был сожжен по приказу Николая I. Пушкин узнал об этом факте по прошествии уже долгого времени после смерти императрицы и Карамзина (1833 г.) Об этом Пушкин сделал специальную запись. Здесь стоит особо остановиться на том, каково было душевное состояние Пушкина в связи с этой новостью. Хотя императрицы к этому времени уже не было в живых, но факт, ставший известным Пушкину, всколыхнул в его душе волнение, которое некогда вызывал в нем образ Елизаветы Алексеевны. И запись, сделанная поэтом, вероятно, может послужить доказательством того, что Пушкин долгое время продолжал питать сильный интерес к Елизавете Алексеевне.

05.

Пушкин впервые встретился с Федором Глинкой в 1818 году, и их знакомство продолжалось до конца жизни. Два этих человека были достаточно далеки друг от друга по возрасту и жизненной среде, по характеру и наклонностям, но узы, связывающие их, были очень крепки. Однако в стадии изучения остается вопрос о том, что же связывало этих людей, что явилось мотивом для столь тесного общения. До сих пор в пушкиноведении игнорировалась личность Елизаветы Алексеевны в качестве фактора, который мог связывать Пушкина и Глинку. Много людей знали заявления Глинки о его приверженности Елизавете Алексеевне. И эти настроения быстро распространились в его окружении. В этом смысле нельзя не учитывать то влияние, которое Федор Глинка мог оказать на молодого Пушкина, здесь необходимо заметить, что в этот период (1817–1820 гг.) Пушкин тесно общался с Карамзиным и Федором Глинкой. Естественным было бы

предположить, что существование Елизаветы Алексеевны имело большое значение.

06.

Думается, что приверженность Пушкина Елизавете Алексеевне нашла определенное отражение в деле с тайным заговором декабристов убить царя. Этот план был в конце концов отклонен, но возможно, что вежливо отстранили Пушкина от дел тайного общества именно в связи с его отношением к императрице. Я имею в виду, что отношение Пушкина к императрице было исполненным эмоций. И здесь следует заметить, что при подобном характере поэта привлечение его к участию в политическом движении было для декабристов чрезвычайно опасным. Думается, что Пушкин откровенно высказывал свое отношение к Елизавете Алексеевне. Если предположить, что из уст поэта звучала открытая хвала в адрес императрицы, то декабристы считали подобные слова и поведение поэта легкомысленным. Хотелось бы отметить, что отношение Пушкина к императрице Елизавете Алексеевне стало одной из причин того, почему декабристы старались держать поэта на определенном расстоянии от своих политических дел.

07.

Весной 1829 года Пушкин составил свой «Дон-Жуанский список». В нем поэт перечислил имена женщин, которых он когда-то побил. Этот список вызывает интерес пушкинистов, и было предпринято множество попыток установить действительные имена. К настоящему времени практически все реальные личности женщин, перечисленных в списке, выяснены. Но лишь имя некой NN до сих пор представляет загадку, и вопрос о женщине, скрывающейся за этими буквами, остался в стороне от активного обсуждения.

К моменту появления «Дон-Жуанского списка» впечатления от восстания декабристов были еще свежи. За Пушкиным следили глаза множества шпионов. И он должен был быть очень осмотрителен в своих делах и поступках. Так, даже в личном альбоме опасно было делать намеки на Елизавету Алексеевну. Ведь это могло пробудить кошмарные воспоминания о заговоре убийства императора. В связи с этим, вероятно, можно сделать предположение, что именно исходя из подобных опасений, Пушкин использовал анонимное NN и, таким образом, скрыл действительное конкретное лицо (то есть Елизавету Алексеевну).

08.

Существует мнение о наличии связи между NN из «Дон-Жуанского списка» и незаконченным стихотворением «Prologue». Пушкин получил высочайшее прощение и в мае 1827 года приехал в Петербург. Елизавета Алексеевна к тому времени уже умерла, и прах ее годом ранее был погребен в Петропавловском соборе столицы. Тайная возлюбленная умерла, и через несколько лет после долгого отсутствия герой стоит перед ее могилой. Такую ситуацию поэт изображает в стихотворении «Prologue». Если исходить из того, что женщина, которая послужила прообразом героини стихотворения, реально существовала в окружении Пушкина, то невозможно найти подходящую фигуру, помимо Елизаветы Алексеевны. Хотя существует множество упоминаний о женщинах, которых Пушкин любил в петербургский период (1817–1820 гг.), но на тот момент (1827–1829 гг.) все они были живы, за исключением лишь Елизаветы Алексеевны.

09.

В 1820 году Пушкин путешествовал по Кавказу и Крыму. Пушкинистами ставится вопрос о так называемой «северной

любви», или «утаенной любви», «безыменной любви» поэта. Некоторые из исследователей в качестве гипотезы называли определенные женские имена. Существует мнение, что женщина из незаконченного стихотворения «Prologue» владела сердцем Пушкина во время его южного путешествия. В этом случае нельзя не принимать во внимание страсть поэта к Елизавете Алексеевне. Прежние исследователи биографии поэта вообще не касались вопроса о связи между Пушкиным южного периода и Елизаветой Алексеевной. Не следует ли предположить, что в произведениях Пушкина южного периода находит свое отражение образ императрицы? Например, вполне возможно сделать заключение, что в поэме «Цыганы» «северная любовь», оставленная главным героем Алеко в Петербурге, и есть Елизавета Алексеевна.

10.

Одним из приближенных Александра I был польский князь А.А. Чарторыйский. Он был введен в состав Негласного комитета. При этом, когда-то давно он был любовником Елизаветы Алексеевны, и не было человека, который бы об этом не слышал. Спустя некоторое время князь Чарторыйский прервал связь с Елизаветой Алексеевны и возвратился в Польшу. Во время восстания 1831 года он стал главой польского народного правительства. Отношение Пушкина к польскому восстанию было весьма прохладным. Я думаю, что этот человек был главной причиной возникновения антипольских настроений Пушкина. Необходимо попытаться еще раз пересмотреть антипольские настроения Пушкина с позиций возможного существования весьма личной ненависти к Чарторыйскому.

11.

После Чарторыйского у Елизаветы Алексеевны появился новый любовник, молодой офицер. От их союза даже родился ребенок, а в 1806 году офицер был убит. С другой стороны, у этого молодого офицера помимо Елизаветы Алексеевны была связь с женщиной, которая впоследствии стала тещей Пушкина. То есть, теща поэта Наталья Ивановна Гончарова в молодые годы была частью любовного треугольника, в который входила и императрица. Можно сказать, что было бы весьма естественным, если бы Пушкин бессознательно испытывал к Наталье Ивановне Гончаровой неприязнь. Нелады между поэтом и тещей, возможно, имели еще и подобные вторичные причины. До сих пор пушкиноведение упускало из виду этот момент.

12. Заключение

Ранее в пушкиноведении очень мало говорилось об императрице Елизавете Алексеевне. До революции на исследования, касающиеся Александра I и Елизаветы Алексеевны, было в основном наложено табу. В советский период преобладала тенденция весьма поверхностного отношения к рассмотрению связей Пушкина с высшим светом. Однако, исходя из вышеизложенного, нельзя ни в коем случае игнорировать роль Елизаветы Алексеевны в жизни Пушкина. Более того, Елизавета Алексеевна занимала достаточно большое место в душе поэта на протяжении всей его жизни. Принимая во внимание все это, мне думается, что необходимо расширить рамки исследования биографии Пушкина и более глубоко изучить вопрос о том, как образ Елизаветы Алексеевны нашел свое отражение в произведениях поэта.

Александр Мапошников

И неподкупный голос мой был эхо русского народа.....

Восток — дело тонкое, Петруха!

В. Ежов, Р. Ибрагимбеков

Слух обо мне пройдет...

А. Пушкин

Недавний двухсотлетний юбилей Пушкина подтвердил простую истину о том, что творчество великого русского поэта стало тем поворотным пунктом, когда русская культура сделалась голосом, к которому вынужден был прислушаться весь культурный мир. Так считал Ю.М. Лотман. Конечно, Европа отчасти поняла Россию, лишь услышав Толстого, Достоевского и Чехова, но сам переворот произошел именно при Пушкине, и, в значительной мере, благодаря его гению. В своей знаменитой речи 1880 года, на открытии памятника Пушкину, Достоевский отметил «всемирную отзывчивость» Пушкина, в произведениях которого «засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». Ни Шекспир, ни Сервантес, ни Шиллер (по мнению Достоевского) не обладали такой способностью, как наш Пушкин, способностью перевоплощения в другую национальность, добавим мы. Даже у Шекспира, замечает Достоевский, его итальянцы почти сплошь те же англичане. Вспомните песню Мери, обращается Достоевский к слушателям, — это английские песни, это тоска британского гения,

его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. «Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги, – утверждает Достоевский, – как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей!».

И вот это братство, прежде всего профессиональное, встречало меня на всех бухгалтерских конгрессах, и мировых, и европейских. С Адольфом Эйнтховеном (профессором университета в Далласе) мы пили виски на 42 стрит в Нью-Йорке, Грэм Карр угощал меня английским чаем в лондонском Сохо, с Джузеппе Галасси за бокалом кьянти мы сидели на площади Синьории во Флоренции, Жак Ришар угощал меня своим любимым коньяком «Реми Мартин» в Латинском квартале Парижа. Эти профессора – звездные имена на бухгалтерской карте мира, но говорили мы не только о бухгалтерском учете, но и, конечно, о жизни и литературе. И собеседники мои, к удивлению моему, знали Пушкина, хотя бы немного. Дело в том, что языком международного общения в бухгалтерском учете является английский, и коллеги мои, конечно, читали лучший англоязычный перевод «Евгения Онегина», сделанный Владимиром Набоковым. К тому же, в пушкинских текстах содержится столько иноязычных примет, что кажется, что поэт объехал не только всю Европу, но и весь мир! Вспомните, уважаемый читатель: «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Я здесь, Инезилья...», «Стамбул гяуры нынче славят».

Просвещенному читателю, конечно, известно, что Пушкин был невыездным. Единственный раз Пушкин пересек границу империи 12 июля 1829 года, когда он вброд форсировал реку Арапчай, разделяющую Армению и Турцию, следуя к

Эрзруму вслед за армией фельдмаршала Паскевича. Пушкин позже в «Путешествии в Арзрум» описал особое волнение, охватившее его, когда он миновал недоступную для него ранее границу. Пушкин не раз просился у государя за границу, если нельзя в Париж, то хотя бы с русской миссией в Китай. В ответ русский поэт получал очередные отписки шефа жандармов Бенкендорфа: «Государь не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая что это расстроит ваши денежные дела и отвлечет вас от ваших занятий». Китай, кстати говоря, не раз и не два встречается в поэтических строках и письмах Пушкина. Пушкин даже о Североамериканских Соединенных Штатах успел оставить свои провидческие замечания, публикуя в «Современнике» «Записки Джона Теннера»: «Америка явила миру отвратительный лик своей демократии...». Добавим, что почти за 200 лет отвратительные черты этого лика несколько не облагородились.

И вот судьба забрасывает меня в Японию. Новосибирск и Саппоро уже почти четверть века города-побратимы, и к новосибирцам там относятся с особым расположением. А в Саппоро уже более 100 лет располагается университет Хоккайдо, заметный даже по японским меркам, где, как известно, существует культ высшего образования. А в университете Хоккайдо уже много лет профессорствует Акира Танака, известный специалист по бухгалтерскому учету, с оригинальными взглядами на учетные проблемы, даже на происхождение бухгалтерии. На работы Танака постоянно встречаются ссылки в трудах российских ученых, хотя ни одной его строки на русский не переводилось. В Саппоро приехала небольшая группа членов новосибирского гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу» во главе с Иваном Индинком, а курировал наш визит лично г. Кацура,

бывший мэр Саппоро. После обязательной церемонии представления, с обязательным чаепитием, мы вышли с Танака в университетский кампус, представлявший собой огромный английский пейзажный парк, с каналами и прудами, не хватало только мраморных скульптур, как в Царском селе. Мы вспоминали 15-й юбилейный бухгалтерский Конгресс в Париже в 1997 г., где Танака познакомился с моим старшим другом и учителем Ярославом Соколовым. Именно тогда, закрывая конгресс, президент Франции Франсуа Миттеран назвал бухгалтеров «послами мира», Танака тоже это помнил. А вокруг нас бушевала японская осень, конец октября, бешенство красок, непохожих на наши сибирские: красные, бордовые, оранжевые, фиолетовые, желтые тона сливались в такую праздничную симфонию, что я не мог не прочесть: «'Унылая пора, очей очарованье!' Кто это?» – спросил Танака. «Пушкин», – ответил я. Танака читал Пушкина в переводах и помнил несколько его стихов по-японски. «А вообще-то у нас есть свой Пушкин», – заметил он. – Мацуо Басе(1644–1694). Я, конечно, тоже его знал, правда он умер за 100 лет до рождения Пушкина, но истинная красота не стареет. Танака тут же прочитал хайку Басе «Ночь в бухте Акаси»:

В ловушке осьминог...

Сон призрачный под летнею луной

Здесь уже пришлось обратиться к услугам переводчицы, профессор читал мне японские хайку с переводом на условно русский, а я читал пушкинские строфы с переводом на японскую прозу. Особенно собеседника моего впечатлило «Пора мой друг, пора! Покоя сердце просит...

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частицу бытия, а мы с тобой вдвоем

Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем».

Даже в прозе эти поэтические строки производят сильное впечатление, а дальнейшая программа стихотворения, написанная Пушкиным, конечно, прозой, читается как стихи, да и воспринимается как стихи тоже: «О, перенесу ли я пенаты мои в деревню?...» Мотив бренности бытия оказался близким и Пушкину, и Басе. А ведь в основе японской художественной традиции лежит идея бренности всего живого, всего сущего (по-японски – мудзе).

После этих слов собеседник пригласил меня в университетскую библиотеку, где нашлось немало переводов Пушкина на японский язык. Гордостью собрания было, конечно, второе издание повести «Капитанская дочка» 1886 года, в переводе Такасу Дзискэ. В соответствии с тогдашними литературными канонами, простой и ясный язык пушкинской прозы был заменен цветистой риторикой, ведь в те времена даже письма писать на простонародном языке считалось вульгарным и безграмотным. Такасу Дзискэ, учитывая популярность всего английского, Петрушу Гринёва назвал Джоном Смитом, Швабрина – Дантоном, а Маша превратилась в Мэри. Книга стала называться «Сумису Мари – но дэн» («Жизнь Смита и Мари») и предварялась словами «Любовная история в России». Нельзя не подчеркнуть, что именно с Пушкина началось знакомство Японии с русской литературой. «Капитанская дочка» впервые была издана на японском в 1883 году под названием «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Удивительные вести из России».

На стене университетской библиотеки я увидел несколько десятков портретов светил мировой литературы, из русских литераторов были представлены Достоевский, Толстой, Чехов и Пушкин (черно-белая гравюра портрета кисти Кипренского). Где-то дальше затерялись портреты Пастернака и Иосифа Бродского, как-никак нобелевские лауреаты. Из раз-

говора с директором университетской библиотеки (несколько сот тысяч книг) стало ясно, что русский писатель номер один в Японии – это, конечно, Достоевский. Великий Куросава в 1951 году даже снял фильм «Идиот» по тексту Достоевского, но на японском материале, и это один из любимых фильмов профессора Танаки. Достоевского изучают даже в старших классах японских школ, иначе как же понять русскую душу? – так пояснила мне госпожа библиотекарь. И «Евгений Онегин» в библиотеке был. И первое издание 1932 года, подготовленное аж шестью переводчиками, и лучшее по сию пору издание 1949 года в переводе Накаяма Сездабуро. Это был год 150-летия Пушкина, и этот праздник русская община в Японии отметила достаточно широко. Правда, Пушкина и тогда, и сейчас читают только знатоки и особые почитатели русской литературы, хотя ведь у Пушкина можно найти ответы на все вопросы даже современного бытия.

Через день мы клубом поехали в Отару – фактически морской порт Саппоро, Танака поехал с нами. Хочу купить корзину мидий, – пояснил он. В пять утра – самая бойкая торговля морепродуктами, только что добытыми из морских глубин. Мы прогуливались меж прилавками, усыпанными шевелящейся морской живностью: осьминоги, каракатицы, кукумарии, креветки, устрицы... Всюду кричали продавцы и покупатели: на рынке полагалось торговаться! Сразу вспоминался Пушкин: «И гад морских подводный ход!». Я пояснил Танаке: «Seareptilias!». Это из пушкинского «Пророка», «Doyouknowprophet?». Он что-то помнил про глагол, которым жгут сердца людей. В тихом уголке я прочитал ему «Пророка» по-русски с необходимыми паузами и ударениями. После паузы собеседник мой заметил, что хорошее чтение Пушкина вслух по-русски производит гораздо большее впечатление, чем чтение вслух по-японски, конечно, при

некотором знакомстве с содержанием. Об этом феномене немало написано, у того же Овчинникова в «Ветке сакуры». Загадка пушкинского слога!

В это время над причалом на грузовой стреле зачалась огромная сигара только что выловленного тунца, килограммов на 100 – 150! Я таких рыб вообще раньше не видел, хотя по морям-океанам, как яхтенный рулевой, хаживал немало. Раздались резкие выкрики покупателей, в основном, рестораторов. Танака пояснил мне, что такой тунец стоит дороже новой Тойоты-Камри! «Goldenfish» – «Золотая рыбка», так назвал бы ее Пушкин, пояснил я спутнику. Выяснилось, что Танака не читал, и не знал «Сказки о рыбаке и рыбке». И тут перед нами возник рыбный ресторанчик. Окна его призывно светились, он был почти пуст, но даже в начале шестого там пахло хорошим кофе, и горел камин. Мы устроились у запотевшего окна с чашками хорошо сваренного капучино, и я собрался прочитать собеседнику «Сказку о рыбаке и рыбке», свою любимую пушкинскую сказку. Но внимание мое привлек камин. Тут же вспомнилось другое:

*Пылай камин в моей пустынной келье,
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук!*

Танака слушал закрыв глаза. Я спросил его: «Скажите, а ваш коллега, профессор Ито (мы с ним познакомились в университете Хоккайдо), также знает Пушкина или хотя бы о Пушкине?» – «Нет, конечно», – ответил он мне. «Но вот Басе или Сайге он может читать часами! И, как все японцы, обожает русскую музыку, в том числе на пушкинские сюжеты. «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Русалка», «Руслан и Людмила» – вся эта музыка у японцев

на слуху. «Вы заметили, как в Японии любят классическую музыку, и как много ее звучит в обыденной жизни?» «Еще бы не заметить», – ответил я, вспомнив как в аэропорту Осака мы с ректором Новосибирской консерватории профессором Гуренко посетили место общего пользования, называемое по-английски «restroom». А там под тихое журчанье воды звучала тихая музыка: «Времена года» Чайковского, а затем сразу без перерыва романс Полины из «Пиковой дамы». Между тем в уютном зальчике помимо кофе ощутимо пахло солярккой! Присмотревшись, я увидел, что в камине горят вовсе не дрова, а солярка, капающая из специальной металлической трубки! Профессора это ничуть не удивило. «Ну что вы», – пояснил он, – «жечь настоящие дрова в камине могут себе позволить только очень богатые люди!». Как утверждает всевидящая статистика, в Японии до сих пор сохраняется низкий уровень личного потребления и высокий уровень накопления. Хрустальная мечта среднего японца, при выходе на пенсию (63 года!) купить или построить отдельный домик (хотя бы 4 на 5) с видом на горы или море, и каждый день созерцать закат или восход, размышляя о бренности всего сущего. И это опять Пушкин:

Приветствую тебя, пустынный уголок,

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...

Даже такие простые строки невозможно перевести на японский без утраты ритма, размера, рифмы: слишком велико несоответствие форм русской и японской поэзии. Танака посоветовал мне съездить в старейший Токийский университет Васэда, где есть кафедра русского языка и литературы, где в свое время преподавало немало русских эмигрантов, ну и конечно, посетить Музей современной японской литературы в Токио, где собрано большинство изданий Пушкина в Японии .

Я провел в этом музее не один час, листая разнообразные издания Пушкина на японском языке, как правило, снабженные иллюстрациями.

Запомнились иллюстрации Цукиака Иситоси ко второму изданию «Капитанской дочки», где императрица Екатерина с лицом японки стоит под пальмой и читает прошение Маши Мироновой, стоящей рядом в роскошном бальном платье с фантастической прической на голове. Возница Гринева разъезжает по снежным оренбургским степям с цилиндром на голове. Но более всего впечатлило роскошное издание «Пиковой дамы» 1937 года с литографиями россиянки Варвары Бубновой, заброшенной в Японию революционными вихрями. Она, кстати говоря, будучи художником, работала на кафедре русского языка и литературы университета Васэда. Когда я вышел из литературного Музея, начинало смеркаться. Великолепие ночной Гиндзы ослепляет. Это покруче 42-й стрит в Нью-Йорке, знаменитой улицы греха. В японской культуре, кстати, нет понятия «грех», есть понятие «стыд»! Об этом мы прочно забыли у себя в России, как забыли Толстого, Чехова и Пушкина. О чем говорить, если ведущая Центрального телевидения Светлана Конеген, не сомневаясь, заявляет: «И кому может прийти в голову перед сном читать Пушкина?». А вот простым японцам приходит, пусть не Пушкина, пусть Басе или Акутагаву Рюноске, но читают классику, которая, как известно, не стареет.

Из Токио путь мой лежал в Ташкент, я дремал в уютном кресле и размышлял о неожиданной встрече с Пушкиным в Японии. Если бы я не вспомнил «Унылую пору...» в университетском парке Хоккайдо, и на эту строку не откликнулся бы профессор Танака, ничего бы, наверное, и не случилось. Я бы запомнил заповедник Сикоцу-Тоя – горное озеро, окруженное пирамидами вулканов, рыбный рынок в

Отару, ночную Гиндзу и Токийский залив, а сейчас все это случилось на фоне Пушкина, «на котором, как известно, снимается семейство», как утверждал Булат Окуджава. А в заключение я хочу вспомнить Александра Блока, глубокого знатока и почитателя Пушкина, вспомните его Пушкинскую речь, или знаменитые стихи...

*Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!*

ПУШКИН И ЭСТОНИЯ

Юрий Мазанов

Пушкины в Нарве*

Уже несколько десятков лет ведется дискуссия о том, были ли А.С. Пушкин, его родственники или потомки в Нарве. Мнения крайне противоречивы. Одни исследователи уверенно говорят «нет», другие возражают «да», третьи осторожно замечают «может быть». Между тем улица имени А. С. Пушкина является в Нарве центральной, и сам этот факт вновь и вновь понуждает вдумчивых исследователей посмотреть на эту проблему с новой, доселе неизведанной стороны.

В 1999 г., объявленном ЮНЕСКО годом Пушкина, и Нарве появился памятник великому поэту. Инициатором его установки были Ю.А. Мазанов и И.Е. Иванченко. Первоначально идею поддержали депутаты Городского собрания Г. Оя, В.Б. Хомяков, Л. Оленина и Ф. Б. Шморгун. Председатель Горсобрания А. Пааль, добившись выделения средств на постамент, почти воплотил ее в жизнь, но точку над і поставил Э.Ф. Эфендиев – мэр города. Большую поддержку мы получили от тогдашнего генерального консула России в Нарве А.В. Сафронова, сумевшего решить вопрос о бюсте А.С. Пушкина работы М.К. Аникушина.

Теперь о Пушкиных, связанных с Нарвой. Не знаю, как А.С. Пушкин относился к числу 13, но о жене он говорил, что она «сто тринадцатая любовь». Разница в возрасте у них была 13 лет, и, оказывается, прямых потомков (по мужской линии) было тоже 13.

* Мазанов Ю.А. Ямбургская Пушкиниана. – СПб.: Реноме, 2012. – С.15–25.

Генерал-лейтенант Александр Александрович Пушкин, сын поэта

Из ближайших потомков с Нарвой связан сын поэта – Александр Александрович не потому, что он бывал здесь, нет – он был командиром 13-го Нарвского гусарского полка, который участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., единственной войне, объявленной по требованию народа, для освобождения «братушек» от турецкого ига. Только жаль, что «братушки» об этом быстро забыли, и как только Болгария обрела независимость, то всегда выступала на стороне врагов России. Полк этот был

одним из старейших в русской армии: он был сформирован еще Петром I после взятия Нарвы.

Сын Александра Александровича, Григорий Александрович, уже был теснее связан с Нарвой: стремительно пройдя путь от капитана в 1909 г. до полковника в 1910 г., он в 1911 г. получает назначение командиром батальона 92-го пехотного Печорского полка, дислоцировавшегося в Нарве с 1883 г.

11 сентября 1911 г. Григорий Александрович пишет своей сестре: «Дорогая Анна, давно хотел написать и поблагодарить за подарок... очень мне пригодился, но со свадьбой, переводом и переездом не было времени, да и голова шла кругом. Пишу из Нарвы, около башни стоит батальон, который я принимаю. Юля целует, и я тоже»**.

** Полушин В.А. Потомки великого дерева. Красноярск, 1999. С.316.

Внук Пушкина Григорий
Александрович. Нарва, 1915

Башня, около которой «стоит батальон», – это Германовская башня Нарвской крепости, сохранившаяся благодаря большим реставрационным работам, которые были проведены Модестом Резвым в 1846–1853 гг. Крепость, наряду с Преображенским собором и Иоановской церковью, была одним из наиболее величественных сооружений Нарвы, а сама Нарва – красивым промышленным городом с водопроводом, музеями, театром и Темным садом, где вечерами играл полковой духовой оркестр, а многочисленные гуляющие неторопливо шествовали по

аллеям, любуясь теплыми белыми ночами быстрым течением Наровы. Свадьба, о которой писал Григорий Александрович, была с Юлией Николаевной Катыбаевой (урожденной Ю. Баратаевой), бывшей женой сослуживца А. Катыбаева, который, несмотря на то, что у них было трое детей, в 1910 г. бросил Юлию Николаевну. Григорий Александрович влюбился в Юлию Николаевну еще на свадьбе своего однополчанина. После трагедии в ее личной жизни он сделал ей предложение, но она, имея троих детей, согласие на брак с Григорием Пушкиным дала только со второго раза и 17 августа 1911 г. стала его женой. В феврале 1912 г. у них родился сын Сергей, а 19 декабря 1913 г. – второй сын, Григорий. Все было хорошо,

но в августе 1914 г. началась Первая мировая война, и 92-й пехотный Печорский полк покинул Нарву и отбыл на фронт. Юлия Николаевна также оставила Нарву и с пятью детьми уехала сначала в Москву, а затем в Лопасню.

30 сентября 1914 г. Г.А. Пушкина назначают командиром 91-го пехотного Двинского полка, активно участвующего в военных действиях; за участие в них Г.А. Пушкин был награжден орденами Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й и 3-й степеней.

На фронте он чуть не погиб, был контужен. После создания в 1918 г. Красной армии вступил в ее ряды и в должности командира полка воевал с Деникинской армией, в которой служил его младший брат Николай Александрович и правнук Льва Сергеевича Пушкина – Александр Анатольевич. Так потомки великого поэта оказались по разные стороны баррикад.

Октябрьский переворот расколол Россию на белых и красных, и началась бессмысленная братоубийственная война, в результате которой общие потери только Красной армии составили более 6 миллионов человек; сколько же погибло белых и гражданских, никто не считал.

В том же году, когда Григорий Александрович Пушкин вступил в Красную армию, ЦИК РСФСР вынес постановление о ликвидации помещичьих усадеб и организации из них коммун, и его семья оказалась в совершенно отчаянном, бедственном положении. 5 февраля 1920 г. от менингита умер сын Григория Александровича Сергей, а в 1921 г. сам он вышел в отставку из-за тяжелых контузий, полученных в Первую мировую и Гражданскую войны. За заслуги перед Советской Россией по приезду к семье в Лопасню он был принят на работу бухгалтером в здешнее райпо. После многочисленных ходатайств известных пушкинистов ему была назначена пенсия.

Умер Григорий Александрович Пушкин 1 сентября 1940 г.

Его сын, Григорий Григорьевич, родившийся в Нарве, только спустя 74 года – в марте 1987-го – посетил ее вновь, и в ходе беседы на один из вопросов, где они жили в Нарве, ответил: «Сам не помню, но мама говорила, что недалеко от Ратуши, в хорошем белом доме».

За самоваром и пирогами с грибами он рассказывал, что в 1915 г. их семью пригласили в Лопасню (90 км от Москвы) сестры Гончаровы, дети брата Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. *«Они помогли нашей маме воспитывать и растить нас – пятерых озорных мальчишек. В 1926 г., когда мне было 13 лет, после домашнего образования, в котором принимали участие мама, папа и тетки Гончаровы, я был принят в пятый класс семилетки, окончив которую, я поступил в сельскохозяйственный техникум»****.

Г.Г. Пушкин

Григорий Григорьевич рассказывал, как Юлия Николаевна, чтобы как-то прокормить детей, в 1919 г. на крыше товарного вагона среди мешочников везла под платьем дневник Александра Сергеевича Пушкина (1834–1837), чтобы продать его Румянцевскому музею. Рассказывал он и историю находки его сводным братом А. Катыбаевым в подвале лопасненского дома «Истории Петра Великого». Если бы не этот случай, когда учительница французского языка, у которой они брали уроки, заснула, а они с братом решили посмотреть на канареек и увидели, что между

сского языка, у которой они брали уроки, заснула, а они с братом решили посмотреть на канареек и увидели, что между

*** Из записи беседы автора с Г.Г. Пушкиным в Нарве в 1987 г.

клетками и стеной были заложены синие листы из плотной бумаги с рукописью А. С. Пушкина, то вряд ли мы бы сегодня знали об «Истории Петра Великого»...

*«После окончания техникума я работал лаборантом во Всесоюзном научно-исследовательском институте животноводства, а в 1934 г. был призван в армию и служил в прожекторном полку. В 1937 г., когда отмечалась сотая годовщина со дня смерти А. Пушкина, в газете Московского военного округа была опубликована заметка “У нас в дивизии служит правнук А.С. Пушкина” и помещена моя фотография»****.*

В 1940 г. Григорий Григорьевич Пушкин демобилизовался из Красной армии и по комсомольской путевке был направлен на службу в Московский уголовный розыск, знаменитый МУР.

Через год началась Великая Отечественная война. И в сентябре Г.Г. Пушкин вступил добровольцем в специализированный партизанский отряд «Подмосковье». Находясь на казарменном положении, он отправляет домой письмо: *«Дорогая мама! Родина в опасности, и я буду защищать ее, как мой отец, не жалея жизни. У нас казарменное положение, поэтому я не мог в эти дни навестить тебя. Я, мама, решил стать партизаном. Обо мне не беспокойся... Береги себя... Зайду проститься. А насчет гитлеровцев одно скажу: «Хмельна для них славянова кровь, но тяжело будет их похмелье»»****.*

После разгрома немцев под Москвой он в составе 1-й гвардейской дивизии воевал на Западном фронте, затем на Втором Украинском. При форсировании Днепра был контужен. Награжден многими медалями и орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Демобилизовавшись в 1946 г., Г.Г. Пушкин вернулся на Петровку 38, а затем до пенсии работал в типографии.

**** Из записи беседы автора с Г.Г. Пушкиным в Нарве в 1987 г.

**** Из записи беседы автора с Г.Г. Пушкиным в Нарве в 1987 г.

Обо всем этом Григорий Григорьевич рассказывал очень скупое, больше о различных юбилеях и поездках на Пушкинские праздники поэзии.

Умер Григорий Григорьевич Пушкин 17 октября 1997 г. У него было трое детей: два сына и дочь. Оба сына – Александры Григорьевичи; один умер 7 сентября 1942 г. шести лет от роду, другой – 31 августа 1992 г. С их смертью прервалась прямая мужская линия рода Пушкиных в России. Но по женской линии род Пушкиных продолжает свое существование: в Москве живет его дочь Юлия Григорьевна Пушкина.

Еще один правнук А.С. Пушкина, судьба которого трагически связана с Нарвой, – это Владимир Николаевич Быков, сын внучки поэта, Марии Александровны Пушкиной, и племянника Н.В. Гоголя, Николая Владимировича Быкова. Последний тоже служил в 13-м Нарвском гусарском полку, командиром которого был А. А. Пушкин.

В.Н. Быков

Владимир Николаевич Быков – седьмой ребенок в семье. Он родился 20 сентября 1895 г. и, как принято в роду Пушкиных, стал военным. Недостаточно выяснены его биографические данные, но во время Первой мировой войны он служил в чине поручика. В этом же звании 29 октября 1919 г. он был зачислен в Северо-Западную армию (СЗА), в состав 3-й батареи 2-го Отдельного легкого артиллерийского дивизиона^{*****}. В это время

СЗА готовилась к свертыванию Петроградской операции, после которой с тяжелыми боями отступала к Ямбургу, а затем за Нарову. Свернуть наступательную операцию пришлось потому, что по прихоти англичан была прекращена всякая помощь армии одеждой, едой и боеприпасами.

^{*****} РГВА. Ф. 40298, оп.1, д.67, л.6.

«Я помню суровый, морозный конец ноября 1919 г. Отдельные воинские части Северо-Западной армии, сильно поредевшие от непрерывных боев, от повального тифа и свирепых морозов, еще дрались вместе с эстонцами против большевиков на подступах к Нарве, дрались с отчаянием раненого льва, а клевета уже начинала пачкать их славные имена» – так писал А. И. Куприн, который «в 1919 г. вступил в ряды славной незабвенной Северо-Западной армии, где вместе с генералом К. Н. Красновым вел прифронтовую газету во все дни великолепного наступления на Петербург и сказочно-героического отступления»*****.

«Еще сейчас свежи в памяти многих эти ужасные осень и зима 1919 г., когда часть бывшей Северо-Западной армии, беженцы и пленные красные в количестве нескольких десятков тысяч человек были сосредоточены у проволочных заграждений в чистом поле или скучены в бараках и лазаретах Ивангородской крепости в Нарве, откуда и началась ужасная эпидемия тифа. В течение трех-четырех месяцев люди гибли тысячами от ужасных гигиенических условий; в холодных, переполненных бараках больных клали по двое на койку и даже прямо на пол, где тифозные вши сплошной бурой массой кишели и хрустели под ногами; страдали люди от плохого питания, отсутствия лекарств и белья; умирали солдаты, офицеры, беженцы и геройски исполнявшие свой долг сестры милосердия. Погибших от эпидемии белых и красных в количестве около десяти тысяч человек свозили на грузовиках на отдаленный болотный участок около кладбища, где наскоро хоронили в трех братских могилах...» – так писал об этом в таллинской газете «Последние известия» художник Северо-Западной армии Николай Федорович Роот*****.

***** Куприн А.И. Голос оттуда. М., 1990. С. 548

***** Последние известия. 1920. №176. С.3

Описание Роота – это почти описание смерти Владимира Николаевича Быкова. Скончался он от сыпного тифа 24 декабря 1919 г. в возрасте 24 лет в Головном эвакуационном пункте № 2 СЗА, помещавшемся в здании фабрики Кренгольмской мануфактуры в казарме № 5. Прах В.И. Быкова погребен 30 декабря 1919 г. на Ивангородском кладбище в братской могиле. Отпевал его настоятель Нарвского Воскресенского храма протоиерей Владимир Бежаницкий с псаломщиком Александром Крейсом*****.

Последние из дальних родственников Л. С. Пушкина, тоже связаны с Нарвой, – это семья внука Льва Сергеевича, Александра Анатольевича Пушкина. На сегодняшний день в известных материалах об этой семье очень много противоречивого и неясного, так как в свое время В. М. Фридкин, комментируя «Пропавший дневник Пушкина», в письме Е.И. Пушкиной в американскую Пушкинскую комиссию слово «сапожной» прочел как «Каунасской». В результате автор монументального труда о Ганнибалах А. Бессонова «разбросала» эту семью по всей Прибалтике.

Как уже говорилось выше, Александр Анатольевич, внучатый племянник А. С. Пушкина, воевал против большевиков в составе войск Антона Ивановича Деникина. Родился он в Большом Болдине Нижегородской губернии в 1872 г.; после окончания Николаевского кавалерийского училища – штабс-ротмистер Ахтырского кавалерийского полка; в этом же чине в постоянном составе офицерской кавалерийской школы участвовал в Первой мировой войне; погиб весной 1919 г. на Кубани, на реке Валерик (так называемой Сунженской линии), под аулом Устар-Гардай в схватке с большевистски

***** Метрическая книга Нарвского Кренгольмского Воскресенского храма. Часть 3-я об умерших. 1992. Л.12. Архив Воинского братства во имя Св. Архистратига Ямбург.

настроенными чеченцами, командуя бригадой кубанских казаков. Похоронен в Екатеринодаре на братском кладбище.

Его жена, Екатерина Ивановна Чикина, 1886 г. рождения, происходила из зажиточной семьи: отец ее был членом правления Акционерного общества Сиверских металлопрокатных заводов. Замуж за А.А. Пушкина она вышла в 1909 г. В момент отступления СЗА из Гатчины Екатерина Ивановна отправилась с двумя детьми, Аллой и Ириной, в сторону Ямбурга; больной сын Александр остался в деревне Даймище под Гатчиной. Почему, бросив все, они ушли с отступающей армией? Наверное, лучше всего об этом писал в одном из своих художественных произведений генерал П.Н. Краснов, сотрудничавший с А. И. Куприным в газете Северо-Западной армии «Приневский край»:

«К громадному обозу «армии» прибавлялись повозки и толпы жителей. Точно увлекаемые каким-то роком, снимались с насиженных гнезд разоренные революцией помещики, чиновники, рабочие и крестьяне. С женщинами и детьми, с котомками и увязками шли они за армией, сами не зная куда и зачем. Бежали в последнюю минуту, непродуманно, хватая впопыхах ненужные вещи и оставляя дома ценные бумаги и документы. Когда бежали, думали: «Ненадолго, мы скоро вернемся», потому что не умещалась в голове мысль, что «дома», своего угла, не будет никогда. За Северо-Западной армией тянулись подводы, двуколки, извозчичьи пролетки и толпы закутанных в самое разнообразное тряпье жителей» *****.

В ноябре 1919 г. Екатерина Ивановна с Аллой и Ириной сумела добраться до Нарвы. Здесь ей сравнительно повезло, и она устроилась на работу в интернат при Нарвской гимназии комитета русских эмигрантов в качестве заведующей хозяйством, а затем заведующей бельем. Получала она не-

***** Краснов П.Н. Понял – прости. Нью-Йорк, 1932. С.328

большие деньги – 2600 марок до реформы и 26 крон после нее. В 1926 г., «благодаря международному общественному мнению», Александр Александрович Пушкин смог перебраться к матери в Нарву, но в 1940 г., по ее словам, он был расстрелян большевиками 18 лет от роду.

В Нарве Пушкины жили до 1944 г. В 1948 г. жили в Германии, в лагере для перемещенных лиц. Там Алла вышла замуж и уехала в Венесуэлу, а Ирина с матерью остались в Германии. Все это о своей семье Екатерина Ивановна написала в заявлении, которое хранится в Библиотеке Конгресса США.

Пушкин и мы

А. С. Пушкин

* * *

Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

Леонид Мартынов

Судьбы русских поэтов не назовёшь легкими, благостными. Леонид Мартынов не исключение.

Он в качестве разъездного корреспондента газеты «Советская Сибирь» изъездил всю Западную Сибирь и Казахстан, что позволило издать в Москве книгу очерков с сибирской тематикой. Побывал в трёхлетней ссылке по обвинению в антисоветской пропаганде.

Первым поэтическим сборником стала книга «Стихи и поэмы», изданная в Омске в 1939 году. Её заметил Константин Симонов, откликнувшийся рецензией в «Литературной газете». С этого и началась известность Леонида Мартынова как поэта. В 1942 году он был принят в СП СССР, а в 1946 году переехал в Москву.

Но мытарства не закончились. В том же 1946 году Вера Инбер пишет разгромную статью в «Литературной газете» о книге стихов Мартынова «Эрцинский лес». После «проработки» в Москве, Омске и Новосибирске тираж книги уничтожается и на девять лет закрывается доступ в печать.

Поэт выстоял, пробавляясь переводами.

Новый взлёт начался с выхода книги «Стихи» в 1955 году, которая сразу стала антикварной редкостью. В 1957 году её переиздали. Она совпала с мощным взлётом советской науки, когда писали: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне». А Мартынов весь был на острие мысли.

Поэта нередко называли «тихим классиком» за его замкнутый образ жизни – он не любил «светиться». Но стихи его тихими не назовёшь. В них мощно бьётся гражданский пульс:

пульс бескомпромиссного, неординарного поэта. Неординарного и по мысли, и по форме: жёсткой, почти телеграфной. Впрочем, лучше об этом скажут сами стихи.

А. Чернышёв

* * *

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный вес —
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И всё-таки я Геркулес.

* * *

И вскользь мне бросила змея:
У каждого судьба своя!
Но я-то знал, что так нельзя —
Жить извиваясь и скользя.

След

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,

Прислушиваясь к звуку клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи,
Какой ты след оставишь?
След, чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

Седьмое чувство

Строятся разные небоскрёбы –
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного –
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного –
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного –
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути –
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по своему прав.

Может быть, это простое умение
Видеть грядущее въявь!

Сон женщины

Добрая женщина,
Пожилая,
Мне рассказала, что видела сон –
Будто бы с неба спустился, пылая,
Солнечный луч, и попался ей он
В голые руки, и щекотно, колко
Шёл сквозь него электрический ток...
Кончик луча она вдела в иголку –
Вздумала вышить какой-то цветок,
Будто из шёлка... И тем вышиваньем
Залюбовался весь мир, изумлён.

Женщина, с искренним непониманьем,
Робко спросила: – К чему этот сон?

Я объяснил ей, что сон этот – в руку!
Если уж солнцем пошла вышивать –
Это не склоку сулит и не скуку
И неприятностям тут не бывать.
Это навеяно воздухом вольным!
Ведь не способна ни рваться, ни гнить
Даже в ушке этом тесном игольном
Великолепная светлая нить.

– Будьте, – сказал я, – к удаче готовы!
Так не приснится и лучшей швее
В перворазрядном большом ателье.

Женщина робко сказа:
– Да что вы?!

Антарктида

Ни господ,
Ни рабов,
Ни царей,
Ни республик,
Ни древних империй,
Никаких базилик, алтарей,
Стародавних легенд и поверий,
Адских мук и блаженства в раю –
Ничего ты не знала такого!

Ты
Последней
Вступаешь в семью
Беспокойного рода людского.
Что таят
Ледяные пласты?
Что покажется?
Что обнажится?

Как
Со старшими сёстрами ты
Подружиться сумеешь, ужиться?

Знаю я,
Добывал китолов
Сверх китового уса и жира
Спермацет из китовых голов
Для красавиц подлунного мира.

Ну, а вдруг обретёт бытие
Тот, кого убивать и не будем, –
Антикит, о котором Фурье
Проповедовал страждущим людям.

Антихищники, антикиты...
В наше время сбываются часто
Коль не те, так иные мечты,
Не того, так другого фантаста.
Есть ведь силы, их только затронь –
Оживают, стремятся наружу!
Отеплит ли подземный огонь
Вековечную внешнюю стужу?
Ведь ему никуда не пропасть!
Будет лоно твоё отогрето,
Антарктида,
Последняя часть
Необъятного белого света.!

* * *

Закрывались магазины,
День кончался остывая;
Пахли туфли из резины,
Тротуар и мостовая.
В тридцатизэтажном зданье
Коридоры торопились
Опустеть без опоздания,
А внизу дома лепились.
Средь конструкций и модерна,
И ампира и барокко
Этот день, шагая мерно,
Вдаль ушёл уже далёко.
Вот смотрите! Это он там,
Он, который нами прожит,
А для стран за горизонтом –
Только будущий, быть может.

Он у нас не повторится,
А у них ещё начнётся
В час, когда на ветке птица
Поутру едва проснётся.

Шаг

Сделан шаг,
Ещё не отхрустела
Под подошвой попранная пыль,
А Земля за это время пролетела
Не один десяток миль...
Множество каких-то древних стадий,
Русских вёрст, китайских ли –
Всё это осталось где-то сзади
И назад не повернуть Земли.
И не забежать, опережая,
И в её в объятиях не сжать;
Умоляя или угрожая,
Всё равно её не задержать –
Эту Землю,
Землю, на которой
Захрустел под микропорой шлак,
Землю, послужившую опорой,
Чтобы сделать
Следующий
Шаг!

* * *

Забыто
Суеверие былое,
И не одна небесная звезда

Нам предрекать ни доброе, ни злое
Уже не будет больше никогда.

Но как луна
Земной играет влагой
Здесь, в мире мачт, винтов и якорей,
Так и земля своей могучей тягой
Вздывает волны солнечных морей.

И это
Не совсем невероятно,
Хотя и не доказано вполне,
Что возникают солнечные пятна
Отчасти даже по людской вине.

Ведь всё же
Люди, вольные как птицы,
Земля и все живые существа
Не столь уже ничтожные частицы
В круговороте естества.

На нас-то ведь
Какое-то влияние
Оказывает даже и луна, —
Когда кипит прилив на океане,
Мы говорим: виновница она!

А мы
На солнце вызываем бури,
Протуберанцев колоссальный пляс.
И это в человеческой натуре —
Влиять на всё, что окружает нас.

Ведь друг на друга
То или иное

Влиянье есть у всех небесных тел.
Я чувствую воздействие земное
На судьбы солнц, на ход небесных дел!

Вода

Вода
Благоволила
Литься!
Она
Блистала
Столь чиста,
Что ни напиться,
Ни умыться.
И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало –
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

Цена жизни

Каждый день
Приносит что-то
Не такое, как вчера,
И вчерашние расчёты
проверяются с утра.

Да,
Дешевле жизнь!
Но всё же
Подсчитай и убедись:
В миллионы крат дороже
Нынче делается
Жизнь.

Жизнь людская дорожает!
Это прямо поражает,
Убивает наповал
Тех,
Кто
Ею
Торговал!

* * *

Попробуешь
Слова сличить —
И аж мороз идёт по коже!
Недаром
«Мучить» и «учить»
Звучат навечно столь похоже.

Но и бывает смысл иной,
Доподлинно необъяснимый:

Казнящий ли владел казной,
Или казной владел казнимый?

Земля и тля. Вина – вино.
Апрель и прель. Мороз и проседь –
Всё это будто не одно,
Но от другого не отбросить!

Берёзка – розга. Лик и лак.
Увечить и увековечить...
Неужто это просто так,
Одна случайность –
Чёт и нечет?

Лисёнок

Не то ребёнок, не то бесёнок.
Из леса выйдя, преградил мне путь,
И это был малюсенький лисёнок,
Меня не испугавшийся ничуть.

Он понимал, что я его не трону,
Хотя бы потому, что так он мал,
Что это исключает оборону, –
Он всё это прекрасно понимал!

Вот и глядел он на меня подобно
Тому, как дети на большого пса,
Присев на карточки глядят беззлобно.
Но тут его окликнула лиса.

Он скрылся. В чаще что-то затрещало,
Должно быть, мать в норе, в лесном жилье
Его учила, мучила, страшила
Рассказами о модном ателье.

Старые поэты

Мы

Старые поэты,

Нас по счёту

Не меньше, чем поэтов молодых.

От нас никто не требует отчёта,

Ни от морщинистых, ни от седых.

Мы

Старые слова

Перебираем,

Что повторяли много, много раз.

И иногда мы будто умираем,

И на мгновенье забывают нас.

Но

Между тем

Мы часто воскресаем

И старые основы потрясаем!

* * *

Да,

Многое исчезло без следов.

Всего не в силах даже перечесть я:

Освобождаем тело городов

От пыльной паутины проводов,

В которых только путались известья;

И свищут нам ракеты в небесах,

Что дед-пропеллер может и на отдых,

И, словно о фрегатах в парусах,

Мы думаем теперь о пароходах.

Пар! Отпыхтел своё он и уплыл.

И хорошо, и тосковать не станем

О том, что топок антрацитный пыл
Мы заменили внутренним сгораньем.
Уйдёт и паровой локомотив
В мир памятников древности печальной.
И мы его, слегка позолотив,
На пьедестал у площади вокзальной
Поставим и решёткой оградим,
И быстро человечество забудет,
Каким на вкус был паровозный дым.
Им лишь романтик упиваться будет.
Но, смутно помня о его судьбе,
Ведь мы-то сами жить не перестанем,
Ведь мы-то не покажемся себе
Таким же точно вот воспоминаньем.
Ведь мы, природу недопокорив,
От дела не откажемся устало
И, волосы себе посеребрив,
Не ринемся, кряхтя, на пьедесталы,
Туда, откуда дворник помелом
Клочки афиш стоняет со ступенек.
Ведь мы-то не окажемся в былом!
Что ты об этом скажешь, современник?

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА

*Александр Идалин
Маргарита Иванова*

Константин Изенберг - иллюстратор Пушкина

Константин Вильгельмович (в русском обиходе – Васильевич) Изенберг был не только замечательной личностью, но и исключительно разносторонним мастером отечественного изобразительного искусства – талантливый скульптор и архитектор, искусный рисовальщик, акварелист, театральный декоратор, иллюстратор и оформитель книг. Он родился и умер в С.-Петербурге, прожив немногим более пятидесяти лет (29.11.1859 – 01.08.1911)*. В рамках

этой публикации мы кратко расскажем только об одной, небольшой части его творческого наследия – о созданной им художественной Пушкиниане.

Известным портретным «Указателем» В.Я. Адарюкова [1] зафиксировано, что К.В. Изенберг является автором литографированного портрета А.С. Пушкина. К большому со-

* Широко известен петербургский памятник, посвященный подвигу русских моряков экипажа миноносца «Стерегущий», уже больше века украшающий Северную столицу. Его создатели – скульптор К.В. Изенберг и архитектор А.И. фон Гоген. Для подавляющего большинства читателей этим памятником в основном и ограничиваются сведения о его авторах.

Храм Славы А.С. Пушкину

жалению, приходится констатировать, что это изображение встретить нам пока не удалось.

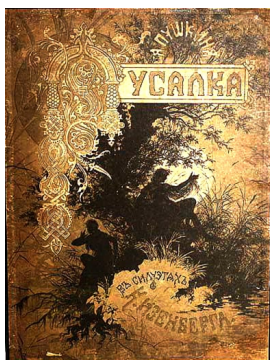
В приближении 100-летия со дня рождения поэта Псковский юбилейный комитет поручил К.В. Изенбергу и псковскому архитектору Ф.П. Неструху разработать проект и построить в Святых Горах «Храм Славы» А.С. Пушкину. В результате был сооружен из дерева грандиозный театральный павильон на 1000 мест для проведения намеченных мероприятий праздника. Возведенный на одном из холмов вблизи Святогорского монастыря, он стал центром юбилейных торжеств, надолго остался в памяти людей и вошел в историю увековечения памяти поэта. Его изображение сохранилось на воспроизводимой открытке [2] псковского издания магазина «Братья Крестины» (1899). Историей «Храма Славы» в своё время занимался директор Пушкинского заповедника С.С. Гейченко [3].

Создавая свои графические работы, Изенберг (тогда ему было около 30 лет) увлекся искусством силуэта, став одним из

первых иллюстраторов творчества Пушкина, использовавших этот вид графики.

Сначала внимание художника привлекла драма «Русалка». Он создал 10 листов, композиционно совмещая на каждом из них иллюстрацию и текст, украшенный изящной буквицей [4]. Мы воспроизводим несколько листов из этого цикла (илл. 5–7).

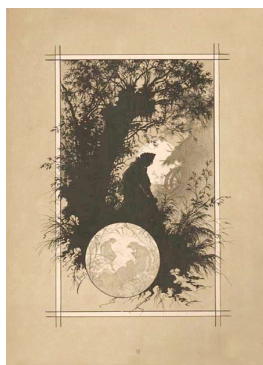
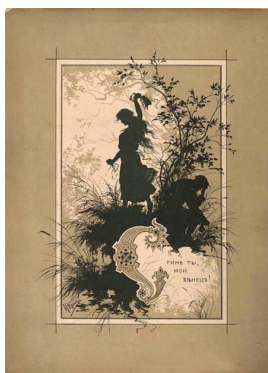
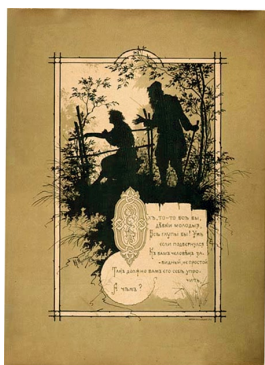
Неожиданное продолжение получила история издания этих работ К.В. Изенберга. Иначе, как открытием, не назовешь то, что

Обложка изд. 1890 г.

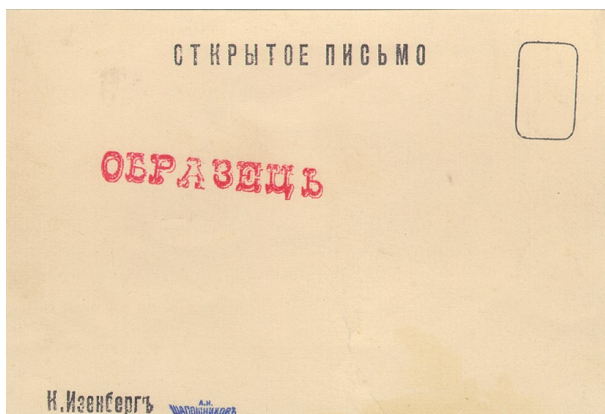

Обложка изд. 1897 г.

Илл. 5–7

произошло в наши дни: в коллекцию московского филокартиста А.В. Кукушкина случайно попали 10 почтовых открыток, воспроизводящих силуэтные иллюстрации К.В. Изенберга к пушкинской «Русалке». Они отпечатаны на тонкой бумаге; на их оборотной стороне имеется надпись «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО», очерчено место для почтовой марки и нанесен красный оттиск штампа «ОБРАЗЕЦЪ» [5]. Отпечатки открытых писем не оставляют сомнений как в их подлинности, так и в их назначении, то есть – по всей вероятности – готовилось издание тематической серии открыток. Кем готовилось? – скорее всего, автором, т.е. К.В. Изенбергом, чья фамилия помещена внизу слева (см. илл. 8). При этом пока остается загадкой присутствующий рядом с фамилией автора оттиск штампа с фамилией «А.М. Шапошников» (будущий издатель?).

Илл. 8

При тщательном наложении в приведенном масштабе «образцов» на печатные иллюстрации выясняется, что в некоторые сюжеты внесена небольшая, очень корректная правка, в основном затеняющая отдельные части буквиц, попавшие в

выделенный фрагмент иллюстрации. Скорее всего, это рука автора. А учитывая, что в 1889–1897 гг. вышло три издания «Русалки», то резонно предположить о намерении издать такую серию к предстоящему 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина (примеры см. ил. 9–12).

Илл. 9–12

Вторым произведением А.С. Пушкина, привлечшим внимание К.В. Изенберга, стала поэма «Руслан и Людмила». Он проиллюстрировал её в той же силуэтно-графической манере,

Илл.17

Своеобразие творчества К.В. Изенберга – силуэтиста и рисовальщика – оставило в Пушкиниане особый след, привлекающий выразительностью созданных образов, динамичностью и эмоциональностью их изображения, при этом сопутствующее декоративное оформление умело сочетается с включениями пушкинских текстов. К сожалению, жизнь и творчество мастера пока остаются мало изученными.

Библиография

1. Адарюков В.Я. Указатель гравированных и литографированных портретов А.С. Пушкина. М., 1926. – С. 28, 34 (указ.).

2. Святые Горы Псковской [губернии]. «Храм Славы» А.С. Пушкину. 100-летний юбилей 1899 г. Иллюстрированная открытка (тонированная). – Псков: Изд. магазина «Братья Крестины», 1899 г.

3. Гейченко С.С. «Храм Славы». // Пушкинский край. Пушкинские Горы, Псковская обл. 1981. – № 101. – 22 августа. – С. 2.

4. Пушкин А.С. Русалка: поэма. СПб.: Литография А. Ильина. [1889]. – 18 с. На обл.: «Русалка» в силуэтах К. Изенберга [10 ил. на отдельных листах с текстом. Силуэты]. Повторные издания: 1) СПб., Литография А. Ильина. 1890; 2) Премия журнала «Будильник» на 1897 год: «Русалка» А.С. Пушкина. Полный текст с 10 большими

художественными силуэтами К. Изенберга. Фототипия К. Фишера. М., 1897. – 20 с.

5. Кукушкин А.В. Константин Васильевич Изенберг: скульптор и художник // Филокартия. – М., 2014. – № 3. – С. 45–46.

6. Пушкин А.С. Руслан и Людмила: сказка. СПб., Фототипия Н. Индутного. [1890]. – 24 с. [11 ил. на листах с текстом. Силуэты К.В. Изенберга].

7. Изенберг К.В.: [некролог] // Нива. СПб., 1911. № 36. – С. 665–667.

8. Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. Том 4, кн. 1. – М., 1983. – С. 490.

9. Врубель И.Н., Муленкова В.Ф. А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: каталог-справочник. В 2-х томах. М., 1987. – Том 1. – С. 22–23, 29; Том. 2. – № 31–32, 234–235.

10. Иванова М.Р. Изенберг Константин Васильевич // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». – Т. I. Сельцо Михайловское – М., 2003. – С. 248–249.

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Талина Хворых

Город Новониколаевск и Первая мировая война

28 июня 1914 г. в Боснии, которая тогда входила в состав Австро-Венгрии, случился теракт. Некто Гаврило Принцип, босниец, студент, серб по национальности, один из заговорщиков, ратовавших за объединение всех сербов в одно государство, покупая бутерброд в лавке на одной из улиц г. Сараево, вдруг заметил, что кортеж Франца-Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, завернул на эту улицу. Часом раньше собратья студента по организации бросали в принца гранаты, но убить его им не удалось. Не веря своему счастью, Гаврило воспользовался случаем: бросился к карете и тремя выстрелами в упор из револьвера тяжело ранил принца и его жену Софью, которые вскоре умерли в госпитале.

Все шесть заговорщиков были схвачены, и после пыток один из них сознался, что оружие они получали в независимой Сербии. Этой стране Австрия предъявила ультиматум, который та не выполнила. Тогда ей была объявлена война. А все заговорщики погибли в тюрьме.

Далее по принципу домино региональный кризис перерастает в общеевропейский и всемирный: Россия, заступаясь за «единоверных» славян-сербов, стягивает войска у австрийской границы, всвязи с чем Австро-Венгрия и Германия объявляют ей войну. Франция и Англия согласно заключённым договорам объявляют войну Германии и Австрии. И понес-

лось! На стороне Англии и Франции со временем выступают США и Италия, а позднее – Румыния. А Турция с немецкими наставниками в армии открывает несколько фронтов: против русских на Кавказе, против сербов на Балканах, против арабов и англичан в Месопотамии. Как снежный ком, война втягивает в себя 38 государств мира с численностью населения около 1,5 млрд. человек! Вряд ли бедный студент-туберкулёзник Гаврило Принцип, умерший в тюрьме в апреле 1918 г., ожидал, чем кончится его затея с убийством племянника австрийского императора! Хотя, конечно же, это был только повод для того, чтобы страны вцепились в глотку друг другу. Прорвался нарыв. Слишком много противоречий накопилось за десятилетия между странами Антанты и Германским союзом. Германская империя после объединения всех княжеств в мощное единое государство, обнаружила, что она опоздала к колониальному разделу мира, и хотела бы оторвать свой кусок пирога в насильственном порядке. Заранее надо отметить, что результат войны оказался обратным: Германия потеряла территориально, Австро-Венгрия полностью развалилась на множество мелких государств. А Россия, кроме утраты больших территорий, пережила революцию и Гражданскую войну, что резко снизило экономический и политический потенциал страны. Впрочем, революции были и в Вене, Будапеште, Мюнхене и Берлине, но с ними справились.

Казалось бы, какое отношение мог иметь заштатный городок Новониколаевск в глубине Сибири к балканским событиям, происшедшим за шесть тысяч километров от него? Но всё взаимосвязано. И Россия в целом, и Сибирь, и даже маленький Новониколаевск, которому от роду был 21 год и в котором тогда проживало всего 60 тысяч жителей, с пониманием восприняли эту войну. Сыграл свою роль фактор объявления войны Германией, и вторжение на нашу

территорию германских войск. (В то время граница России с Германией была непосредственной и проходила в Прибалтике и по разделённой Польше.) Тогда российская пропагандистская машина немедленно назвала её «великой», «освободительной», «второй Отечественной». На призывные пункты немедленно явились 96% мужчин, подлежащих призыву. И действительно, на первых порах народ хотел воевать «за веру, царя и Отечество». Прошла волна патриотических митингов, манифестаций в поддержку правительства. Все политические партии выражали трогательное единство «перед лицом германской угрозы». На волне антигерманских настроений даже столицу Санкт-Петербург переименовали в Петроград.

Военные действия начались 1 августа 1914 г. по новому стилю. Об их начале новониколаевцы узнали через пару дней из царского манифеста. Уже 5 августа состоялась патриотическая манифестация на Базарной площади, что у Городской Думы (Торгового корпуса). Сейчас это Краеведческий музей. В соборах и церквях отслужили торжественное молебствие «О ниспослании победы русскому воинству в войне с Германией и Австрией». Прошли массовые крестные ходы, собрания в гимназиях и училищах. Это настроение всемерно поддерживалось и устно, и письменно, что само по себе напоминало торжества годом ранее по поводу юбилея – 300-летия дома Романовых: оркестры, печатные обращения верноподданных к царю с клятвами умереть за Россию-матушку. Шли фильмы, тогда – немые: «Подвиг рядового Василия Рябова», «Война народов» и другие. Лавиной печатались патриотические статьи в газетах и журналах, в которых помещались красочные рисунки типа: два аэроплана встречаются в небе, и их пилоты грозно метят друг в друга из пистолетов! Театральные постановки и даже цирковые представления прославляли героев и поднимали воинский дух. Жертвовались деньги, вещи (и даже

дома!) для помощи раненым и их размещения. За счёт народных денег на Николаевском (Красном) проспекте по проекту А.Крячкова началось строительство Дома инвалидов (ныне Дома офицеров), который пустили в эксплуатацию, правда, в 1916 г., а достраивали ещё и в советское время. Открылся госпиталь для раненых, которые начали поступать с фронта на излечение. Предполагалось, что война закончится победой русского оружия в три – четыре месяца. К новому 1915 г. речь шла уже об одном годе военных действий. Что она растянется на более, чем четырёхлетний срок, что закончится катастрофой, никто и не думал.

Новониколаевск к августу 1914 г., несмотря на свои размеры, молодость и малую административную значимость (он даже уездным городом стал только в мае 1917 г.) представлял собой один из крупнейших в Сибири и даже во всей стране промышленный, торговый и транспортный центр, игравший большую стратегическую роль. Оказалось, что он, несмотря на отдалённость от мест боевых действий, много значит в обороне страны.

Во-первых, Транссиб. Когда строилась магистраль, песимисты настойчиво заявляли, что она не нужна. «Что по ней возить-то? Пушкину да чай из Китая?» Буквально первых пяти лет хватило, чтобы опровергнуть это достаточно неумное утверждение. Тысячи пассажиров, десятки тысяч пудов грузов: алтайское мясо, масло, хлеб, руды, уголь, лес, рыба перевозились с востока на запад по железной дороге. Срок доставки сократился от Владивостока до Москвы с трёх-шести месяцев до двух недель. Русско-Японская война потребовала переброски на восток в самый кратчайший срок тысяч солдат и военных грузов. И сразу выяснилось, что требуются военно-остановочные пункты на дороге. В Новониколаевске был открыт первый такой пункт при станции

Обь, где солдаты могли отдохнуть, помыться, подлечиться, получить горячую пищу. Этот пункт, известный больше как «Красные казармы», очень пригодился и в Первую мировую при переброске войск с востока в западном направлении на фронт.

Во-вторых, находясь в центре Западно-Сибирского региона, да ещё в такой важной точке, как пересечение Транссиба и судоходной реки Обь, Новониколаевск естественным образом превратился в центр сбора, переработки и отправки на фронт военных грузов, продуктов, реквизированных лошадей и фуража, сырья для технических нужд. И воинского подкрепления.

Особенно много грузов поступало из Алтайского уезда, житницы Сибири. Сначала только по Оби на баржах, а затем с 1915 г. по новой Алтайской железной дороге.

В самом Новониколаевске быстро наладили производство мясных консервов, печёного хлеба и сухарей, мыла, шорных изделий, амуниции, А завод «Труд» выпускал оружие. Отправлялось со станции Обь в другие города на переработку большое количество сырья: льна, кож, леса, стройматериалов, цемента.

Регион Западной Сибири обладал и большими человеческими ресурсами (более четырёх миллионов человек). С начала войны из Омского военного округа на фронт ушла кадровая 11-ая Сибирская стрелковая дивизия, в состав которой входил 41-ый Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в нашем городе. Через короткое время ещё два полка были отправлены на фронт из Новониколаевска. Это не считая маршевых рот, ежемесячно отправляемых на войну из числа мобилизованных ратников.

Мобилизация протекала не всегда гладко, как хотелось бы. В уездах и волостях согнали тысячи людей к местам призыва,

совершенно не сообразуясь с тем, на чём их будут вывозить. Так в Барнауле, в Бийске и в других городах уезда было собрано по несколько тысяч мужиков, а везти их в Новониколаевск оказалось не на чем. Надо знать психологию русского мужика. Если он не работает, значит, празднует, то есть пьёт. Денег нет. Тогда начались грабежи, поджоги и погромы лавок, кабаков, винных складов и магазинов. Пьяный бунт и беспорядки некому было прекратить, потому что никакой власти они не боятся (всё равно на войне убьют!). Полиция разбежалась и попряталась. Драки и убийства на улицах, пьяные вопли и звон разбитых стёкол, дым пожаров. Этот эпизод отлично описал в своих произведениях очевидец событий сибирский писатель И. Зверев

Наконец, с помощью роты солдат будущее пушечное мясо в Барнауле погрузили на баржи и отправили по реке в Новониколаевск. Но и там продолжались пьяные драки и разгром вокзала, который в первые месяцы войны повторялся ещё не раз.

Перед отправкой на войну призывников обучали 3–6 месяцев военному делу. Именно здесь, в местном гарнизоне, мужиков учили ходить строем, стрелять в цель, выполнять приказы командиров. Обучали военным специальностям. Генерал Сухомлинов, командующий войсками ОмВО, проверяя маршевые роты в Новониколаевске, состоящие из нижних чинов, мобилизованных в городе, в 1915 г. отмечал: «Внешний вид людей – отличный, прекрасная выправка и снаряжены очень хорошо. Курс стрельб пройден. На задаваемые вопросы люди отвечали бойко и толково».

Из 4-ой Сибирской бригады, располагавшейся в Новониколаевске, на фронт ежемесячно отправлялось по 25 тыс. человек, или 100 маршевых рот, предварительно собранных со всей губернии и обученных в местном гарнизоне. Правда, с

1916 г. отправка уменьшилась до 15 тыс. человек. Кроме того, для охраны военных объектов и пополнения армии готовились дружины Государственного ополчения. Сформировалось их три: 615-ая, 616-ая и 707-ая. Городская дума вручила им воинские знамёна и присвоила звание – Новониколаевские.

В августе – сентябре 1914 г. в Новониколаевске из кадрового батальона 41-ого полка, временно оставленного в городе, и мобилизованного контингента был сформирован второочередной 53-ий Сибирский стрелковый полк. Путь этих Новониколаевских подразделений мы проследим особо.

С началом войны городские власти столкнулись с массой серьёзнейших проблем, связанных с тем, что Новониколаевск стал центром формирования войск для фронта. Прибывающих мобилизованных и дружинников ополчения нужно было где-то размещать. Подходили и воинские части с востока. В короткое время выстроены были временные казармы для солдат. Население города сразу выросло почти вдвое. Началась эвакуация из прифронтовой полосы (Прибалтика и Западная Украина) некоторых предприятий, прибавились ещё два эвакуированных госпиталя. Количество беженцев, которых вначале было около 4 тысяч человек, со временем выросло до 20 тысяч. Где взять помещения на всю эту армаду – неизвестно. Город-то был небольшим, на 90% состоял из деревянных домишек, в которых, как правило, и без того жили огромные многодетные семьи бывших в недавнем прошлом крестьян. Потому ставились временки, насыпные дощатые бараки, копались землянки. Жили и в вагонах на колёсах.

Не позавидуешь Новониколаевской Городской Думе и тогдашнему Городскому Голове А.Г. Беседину! Всех принять, разместить, обеспечить питанием, привлечь предпринимателей для развития экономики города, обеспечить политическую стабильность, бороться с опасными заболеваниями в

условиях страшной скученности и антисанитарии, заготовка продуктов и дров, сбор пожертвований – вот только основные задачи городских властей. Централизованно не получали почти никаких средств. Дума вошла в долги, дефицит бюджета города вырос в 10 раз. Пришлось отказаться от всех прежних планов социального развития: строительства новой электростанции, трамвайных путей, торгового пассажа, засыпки оврагов и прокладки дорог. При строгой экономии средств, многочисленных займов и пожертвований горожан сумели построить и ввести в действие несколько мельниц и пекарен, заводы по производству консервов, кожевенный и мыловаренный, скотобойню с холодильником. Стали оказывать материальную и иную помощь инвалидам, солдаткам, в особенности обременённым многочисленными детьми. Велась работа по борьбе с дороговизной на предметы первой необходимости, с детской беспризорностью.

Особый разговор – пленные. Для размещения 12 тысяч пленных пришлось построить особый лагерь за городом. Среди них были не только немцы, австрийцы, мадьяры, но и представители таких экзотических народов, как айсоры и курды, воевавшие в составе турецких войск. Именно от них начали наступать на город такие инфекционные заболевания, как сыпной тиф и холера. Эпидемия холеры к 1915 г. не пошла дальше 170 человек. Но сыпной тиф стал распространяться в ужасающих размерах. С 68 человек в феврале 1915 г. к июлю 1915 г. согласно данным городского статистического бюро заболевание тифом возросло до 4089 человек, из них умерло 1249 ч. Болели пленные – 3868 ч., солдаты – 166 ч., горожане – 49 ч. Но это были только цветочки. Из-за отсутствия возможности для изоляции и полноценного лечения, из-за недостатка врачей и лекарств, неразберихи военного времени, а затем – Гражданской войны, в уезде за пять лет на май 1920 г. умерло

от тифа около 60 тыс. человек! А всё дело в том, что пленные не конвоировались, свободно передвигались по городу в поисках работы для своего пропитания и контактировали с любыми жителями города, заражая их.

Война поначалу принесла выгодные военные заказы. Особенно обогатились владельцы мельниц и пекарен. Однако для большинства обывателей никаких изменений в жизни не наблюдалось, но далее им становилось всё хуже и хуже. Уровень жизни падал. В результате массовых мобилизаций, реквизиции лошадей и скота некоторые семьи лишились кормильцев – мужчин, были подорваны хозяйства мелких производителей. Резко возрос спрос на рабочую силу, поскольку промышленных предприятий в городе стало вдвое больше, но не всякий труд мужчин на производстве могли заменить женщины. Отток работоспособных людей покрывался за счёт труда беженцев и военнопленных. Последние засыпали овраги, укрепляли берега Оби, строили мосты на городских речках, а с 1915 г. было разрешено использовать их труд на частных предприятиях: на мельницах, заводах, в мастерских и в торговых лавках. И тогда вновь появилась безработица среди горожан.

Новониколаевцы пристально наблюдали за тем, как воюют их земляки на фронте. Они собирали для воюющих солдат посылки и подарки: тёплые вещи, портянки, консервы, мыло, письменные принадлежности и бумагу для самокруток, табак, конфеты, кружки, ложки. Взамен получали письма с благодарностями от фронтовиков.

Особенно отличилась 11-ая Сибирская стрелковая дивизия и в её составе – 41-ый стрелковый полк из Новониколаевска. Уже в самом начале войны он был отмечен в боях на территории Польши на реке Наров; пруссаки были разбиты и отступили на свою территорию (г. Маркграбен). Затем в ноябре

1914 г. полк принимал участие в Лодзенской операции, далее – под г. Цехановым и г. Млава. Но самой страшной оказалась битва у г. Прасныш, где у немцев было двойное превосходство. В результате жестокого второго Праснышского сражения (июнь 1915 г.), когда немцы планировали окружить несколько русских армий на варшавском выступе, главный удар германцев был направлен на участок, обороняемый 11-ой Сибирской дивизией. Из-за недостатка винтовок, пушек, снарядов, подкрепления, дивизия потеряла до 70% своего состава, но позиции свои не сдала, и немцы не смогли прорвать фронт. За бои у г. Прасныш выжившие стрелки были награждены Георгиевскими крестами. Командиру 41-ого полка Кременецкому было объявлено Высочайшее благоволение (на современном языке – благодарность верховного командования). Но фактически от полка осталось одно название. Пополнение пришло уже из других мест. В 1916 г. 11-ая дивизия воевала под Вильно, Барановичами, содействовала Брусиловскому прорыву на Юго-Западном фронте, в результате которого австрийская армия была полностью уничтожена русскими войсками. В августе 1916 г. 41-ый полк подвергся немецкой газовой атаке. Тем не менее, угроза очередного немецкого прорыва фронта сорвалась. Далее в 1917 г. были бои в Польше и под г. Сморгонью.

Большое мужество и героизм проявил и другой Новониколаевский 53-ий стрелковый полк и его сосед – 55-ый полк. Несмотря на огромные потери в результате газовой атаки немцев 18 мая 1915 г., когда из 8 тыс. солдат и офицеров погибло около 6 тыс. человек, сибиряки отбили атаку противника с большими для него потерями.

Неплохо воевал и ещё один полк, сформированный в Новониколаевске в 1916 г. – 553-ий. Георгиевскими крестами были награждены десятки нижних чинов полка.

Война – это соперничество не только воинов, талантов их военно-начальников, но прежде всего – экономик их стран. Понятно, что отсталая Россия не могла в этом плане тягаться с самой развитой в промышленном отношении страной – Германией. Уже к 1916 г выяснилось, что нашему фронту катастрофически не хватает боеприпасов, винтовок, орудий и пулемётов. А как всегда, нехватка оружия – это дополнительные тысячиtrupов на полях боёв. Спешно стали закупать оружие у американцев и японцев: винтовки, карабины, скорострельные пушки, патроны и взрывчатку, порох и взрыватели. Сибирская железная дорога вынуждена была поднять пропускную способность почти в два раза. Раньше в сутки через нашу станцию проходило 8 пар вагонов, а стало – 16. К концу 1916 г. из Новониколаевска выходило 750 вагонов с грузами ежесуточно. В 1915–1917 г. из Сибири одного только хлеба было вывезено по железной дороге 174,1 миллионов пудов.

Конец 1916 г. Народ устал от войны. Она продолжалась уже третий год, но никаких признаков её конца не наблюдалось. Даже в нашем «благодатном» крае ощущается нехватка продуктов. А крестьяне, видя в городе полупустые полки с промышленными товарами, не спешат везти продовольствие на базары, продавать за всё более обесценивающиеся рубли. Поднимают цены. Спекулянты пользуются случаем и вздувают их ещё больше. Городская дума пытается ввести предельные цены на муку, мясо, сахар, а также на дрова, услуги населению и т.д. Вводятся карточки на продукты с 1.01.1917 г. Но предложение товаров ещё больше сокращается, что вызывает недовольство горожан. Этим пользуются деструктивные элементы: ссыльные и местные эсеры, социалисты, анархисты. Организовываются забастовки, проводятся митинги и демонстрации рабочих против войны, нехватки продуктов

и других товаров, начинающейся разрухи на производстве. Кое-где появляются очереди, начинаются голодные бунты. В архивах сохранились протоколы заседаний Городской Думы за ноябрь 1916 г., в которых зафиксирован бунт женщин и их детей из длинной очереди в лавку, где продавался сахар, по одному фунту в руки. Но некоторым и этого не досталось. В результате лавка была разгромлена, разграблена, пострадала полиция, пытавшаяся навести порядок. Пришлось вызывать войска. Одна женщина была убита, множество народу ранено и покалечено.

С наступлением нового 1917 г. положение стало ещё хуже. Февральская революция в Петрограде началась также с голодных очередей за хлебом и манифестаций в честь 8 марта. А закончилась свержением монархии объявлением республики. Фронты разваливались, солдаты, не желая воевать, бросали окопы. Стали возвращаться с войны домой озлобленные и резко настроенные против властей дезертиры. Некоторые – с оружием. Назревала катастрофа. И она произошла. В течение последующих 1,5 лет до окончания Мировой войны и перерастания её в Гражданскую только в нашем маленьком городе власть менялась четыре раза!

В апреле 1917 г. Комитет общественного порядка Томской губернии предписал вместо старой думы избрать Городское народное собрание, где большинство мест получили эсеры. Дума сложила свои полномочия. Однако Временное правительство из Петрограда опротестовало этот акт. Городскую Думу Новониколаевска избрали вновь, и опять в её состав попали в основном эсеры. Но после Октябрьского переворота возникло противоречие между новой думой и взявшим власть в декабре Советом рабочих и солдатских депутатов, где большинство принадлежало большевикам и левым эсерам. Двоевластие ликвидировали только в январе 1918 г. За

короткий срок в несколько месяцев Совдеп отметился только многочисленными фактами национализации городских предприятий и наложением миллионных штрафов и контрибуций на имущие классы, а также расстрелами тех, кого он считал контрреволюционерами.

В ночь на 26 мая 1918 г. возглавляемые капитаном Радолой Гайдой чехословаки, которые ехали на Восток для депортации в Европу, и отставные царские офицеры произвели контрреволюционный переворот в городе и затем в целом в Сибири, к власти пришли Комуч и Директория, а у нас в Ново-николаевске – та же Городская Дума. Руководители Совдепа были расстреляны. В ноябре 1918 г. ещё один переворот. В Омске Колчаком свергнуто эсеровское правительство и введена жесткая военная диктатура «сухопутного адмирала», продержавшаяся чуть больше года. Но это уже выходит за временные пределы нашей статьи.

Дня победы над Германией для России не было. Она не участвовала в заключении Версальского мира об окончании войны в ноябре 1918 г.

Война прошла, как каток. Из 9,5 миллионов человек, убитых в Первую мировую, русских погибло 1,3 миллиона человек, и 300 тысяч умерло от ран. В составе российских войск участвовало в войне 7 сибирских корпусов, или 88 сибирских стрелковых полков и все девять полков Сибирского казачьего войска. Множество сибиряков служило во вспомогательных войсках и в других подразделениях армии.

Несмотря на то, что Первая мировая война была трамплином к Октябрьской революции, а следовательно, к захвату власти большевиками, они по неясным причинам не любили вспоминать о ней, называли презрительно «империалистической», «буржуазной», «несправедливой». Не осталось в стране памятников её героям, исчезли следы братских могил.

Ветераны долгое время не могли носить георгиевские кресты – награды за их ратные подвиги в этой полузабытой войне.

И только теперь, когда в связи со столетним юбилеем мы начинаем интересоваться историей Первой мировой, выявляется ряд удивительных совпадений между «той» и «нашей», многократно прославленной Великой Отечественной. Вот, например, лозунги: «Ни шагу назад! Родина за нами!». Или: «Всё для фронта, всё для победы!» Эти лозунги были в обеих войнах. Великий подвиг поколения сороковых, разгромившего фашизм и спасшего всё человечество – продолжение героических традиций наших дедов и прадедов, воевавших в Первую мировую войну. Надо помнить об этом.

А ещё хотя бы потому, что **та война была одной из первых величайших трагедий русского народа в двадцатом веке.** Время массового героизма и потери лучших представителей народа, которые он нёс и далее все последующие сто лет своей истории.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Зинаида Маховская

Пушкин в старости

Под солнцем морозные узоры окна сливались и расходились, открывая белую площадь сада и заснеженные деревья парка. Тяжело ступая, прошел по коридору истопник, заряжая печь дровами, стуча заслонкой, потом прошла девушка, неся в кувшине теплую воду для умывания Натальи Николаевны. Пушкин потянул за шнурок, и в открытую форточку понесло ядреным январским воздухом. Зевнув и потянувшись, Пушкин подошел к надкаминному зеркалу, доставшемуся после смерти матери. Оно отразило сморщенное, несколько обезьянье личико, каштановые с сильной проседью выющиеся высоко надо лбом волосы, склерозную желтизну белков. Глаза же оставались голубыми, живыми и быстрыми. С раздражением вспомнил о недавно полученном известии и подумал: в мае пойдет все вертеться. Нашли что праздновать, какой праздник — семидесятилетие! Придется еще в Петербург ехать, собраты академики чествовать будут. Может, сказать больным, проваливаться в постели? Да что толку! Сюда нагрянут, и добро бы друзья, а то так, всякие... Тютчев, тот не приедет, хворый стал. Вспомнилось, как навещал его в Германии, хорошо тогда поговорили о поэзии. И сразу всплыли в памяти уже и не существующие друзья и недруги. Книжки их были вот тут, под рукой, на полках библиотечных шкафов, имена на корешках, как на надгробных плитах.

Размышления прервал стук в дверь. Как всегда, в 9 утра явился управляющий Сашка, здоровенный мужик с вьющейся

каштановой бородой, живыми светлыми глазами и толстыми губами, отдаленно, но явно похожий на барина. Водились и другие толстогубые в Михайловском и Болдине, но к Сашке Пушкин чувствовал особенную близость. Большую, смешно сказать, чем к законным своим детям. И каждый раз, увидев входящего Сашку, теперь уже Александра Михайловича, в улыбке его Пушкин угадывал и Глашеньку, крупную чернобровую девушку, усладившую его Михайловское сидение, и тогда поднималась в нем жалость и нежная память. Шутница она была, хоть и с норовом, и как плакала, когда выдал он ее замуж за Михаила Волкова, смирного и непьющего садовника. Но хоть и дал он Глашеньке и ее мужу вольную, Глашенька уйти не захотела и сына вырастила в Михайловском, постоянным укором своему барину. А сам Сашка, легко выучившийся у священника грамоте, тоже никуда не ушел, и, когда по утрам разговаривали они уже в кабинете Бончарова о хозяйстве, тянулась от одного к другому ниточка отцовства и сыновства.

В хозяйстве бывший Сашка понимал лучше барина и отца и вел его примерно. Нрав же пушкинский ему все же передался, а не только физическое сходство, и жена его зачастую ревела из-за его любвеобильного сердца. Александр Михайлович был также знаменитым на весь округ охотником и книжки любил почитать зимою — летом было некогда, на гнев был скор, но и добр. Пушкин был рад, что Сашка писать стихи не пытался, этого дьявольского призвания у него не было. Единственный из дворни Александр Михайлович звал Пушкина не барин, а по имени и отчеству — Александр Сергеевич.

– Хорошо сегодня, морозно, безветренно, не хотите ли верхом проехаться, Александр Сергеевич?

– Да нет, спасибо. На коне поздно, а на кляче не по ну-тру.

Позвенева ключами, Сашка вышел, и Пушкин как-то осиротел.

Михайловское Пушкин отдал старшему сыну, Болдино — младшему, выкупил и Захарьино, где провел детство у бабушки. А на авторские, идущие к нему потоком (книги его расходились по всей Руси, изучались в университетах, зубрились в школах, давались как приложения к журналам), купил он у вдовы генерала Чирикова, Зинаиды Карловны, урожденной Росси, псковское поместье Бончарово.

Усадебный дом был построен отцом Зинаиды, зодчим Росси, с которым Пушкин в молодости встречался. Дом с колоннами, с доброй землей, с парком и садом и прочими угодьями нравился ему особо тем, что был в ампирическом стиле его молодости. Дочь Росси и в пятьдесят лет была красива до чрезвычайности, и Пушкин любил ее воображать молодой хозяйкой дома, где он жил.

В тулупе и валенках мелькнула и скрылась, протопав по сугробикам сада, судомойка Груша. «Вот и живу я во времени, когда пало рабство по манию царя», — подумал Пушкин. «Тоже, свободная... Муж бьет, как напьется, тарелки трет, радости не знает. На что и свобода такая? Людей-то не переменишь. Тайная свобода, кто до нее дорос, а другой, признать, и нет. Да и я ведь, пока был молод, был рабом своих страстей, пока не понял, что мотал добро не по назначению, назначение же мое одно — служить искусству».

Все реже возвращались к нему образы Анны Керн, Раевской, Амелии Ризнич, Долли Фиккельмон, и не счесть других... Случалось ведь, что врал и себе, и им, одно говорил про них, другое им писал, — «ну ничего, зато вошли через меня в земное бессмертье». Чаще думал о Ласточке, черноокой Россети, может быть, потому, что страстью к ней не пылал, напрасно Натали ревновала. Дружба долше жила в нем, чем

влюбленность. Но о Россети думать было тяжело. Саму себя пережила...

Пушкин сидел в кресле, смотрел на снег, слушал голос памяти. В эти часы шла в доме немудренная дневная забота. Вставая, крепко опирался на старую палку с набалдашником, сильно прихрамывал: пуля Дантеса пробила колено. Когда ночью нога болела, вспоминал дуэль на Черной Речке. Раньше улыбался — как ловко, не убив, изуродовал Дантеса. Теперь же не улыбался, сожалел: зря все это было. «Ну, отвез бы дуру Натали в деревню, забрюхатил бы ее еще раз, и злые бабы, Идалия Полетика, Нессельродиха и прочие, остались бы с носом. А так остался бедный Дантес без носа и без глаза изуродованным навсегда, а ведь Дантес не Пушкин, только и была у него, что красота. И то сказать, ведь Натали была мне верна, я сам мучил ее своими изменами. Глупое это было время. Вот и Лермонтов погиб, а ведь как был талантлив. Да тоже, как я, лез под пулю — то ли по молодчеству, то ли по озлоблению. Право, признаться, я бы на месте Мартынова сам бы его пристрелил, и не хотел бы, да пришлось бы... Греха таить нечего, несносные люди поэты. Сколько народа я эпиграммами без жалости колол, как бандерильями».

И хотя казалось теперь Пушкину, что и эпиграмма глупая штука, сами собою все новые приходили к нему на ум и язык, то на собратьев академиков, то на нынешних министров, то на губернатора и даже на Царя-освободителя, льющего на него свои благодеяния.

Да, дуэль последняя в его жизни оказалась ни к чему. Располневшая, все еще красивая и навсегда безмятежная Наталья Николаевна стала прекрасной хозяйкой и примерной бабушкой. Впрочем, по-прежнему любила наряды и комплименты и неожиданно пришедший к мужу и на нее преходящий почет. Как сердилась она, когда Пушкин отказался от графства. «Я,

душа моя, царевича Алексея не душил», — сказал он ей, намекая на графство Толстых. И хотя по званию и по чину был теперь Пушкин «Его Превосходительство», в Бончарове было приказано так к нему не обращаться. Ну, а в столице пускай и «превосходительство» для удовольствия Натальи.

Лежа бессонными ночами рядом с дородным телом жены, пышущим теплом и бездумием на его легкое сухонькое тело, Пушкин вспоминал свояченицу, косенькую Александрину. «Не на той сестре женился», — думалось ему. Правда, лицом не удалась, зато остальное все хорошо было, да еще и ум с Александриной было не скучно...

Спал Пушкин мало и плохо. Все казалось, что чего-то не успеет дописать, додумать... Вставал рано, шел умываться (всегда холодной водой), прислуги не беспокоил, в кабинете же, запершись, как в крепости, пил чай с бубликами, пока не созреет в нем, а созревало не быстро, то самое важное, для чего он жил. Шли к нему привидения и воспоминания, светотени памяти, питающие творчество.

«Многие напраслины возводили на Николая I, да и сам я к этому руку приложил. Ну, какой он был тиран? Ведь много раз хотел меня спасти от меня самого...» И так живо вернулась к нему его последняя аудиенция у царя 23 ноября 1836 года... Ведь дал слово не драться, да не выдержал. Строгий голос государя все еще звучал в ушах, говорил он повелительно, но и заботливо, и выпуклые глаза его смотрели, как бы стараясь понять, что делает Пушкина особенным, опасным и нужным человеком. А царь, он что ж, был не плох, скорее по долгу царствовал, чем по желанию власти. Разве плохой человек стал терпеть вблизи себя добрейшего Жуковского, всегда за кого-то ходатайствующего, да денег для других достающего. Злой добрых не терпит, а Жуковский — небесная душа. «Вот я Наполеона возвеличил, а тот почище тиран будет, чем Ни-

колай, и людей сколько перебил, да и Россию, нас дворян, да крестьян на долгие годы разорил из-за властолюбия».

Но декабристы, друзья в оковах, как за них простить? Годы меняют перспективы, как нынче говорят. Российский Кромвель-Пестель, Наполеон *au petit pied*, народ русский не любил. Холодная бестия был. Трубецкой честный, но дурак и мямля. Да, ничего не скажешь: при допросах мало кто героем оказался, разве один Шаховской. Из малодушных людей хороших правителей не состряпаешь. А любезные сердцу Пущин, Кюхля, Волконский, Муравьевы, – все чистые люди, поэтому и обреченные не на власть, а на обличение власти. Пущин вот вернулся в 56-м, но совсем другим, и не узнать его.

Трудно сознаться, а почему-то предпочитал теперь Николая I Александру II, хотя Александр оказывал ему полное расположение. Благодаря Александру смог Пушкин осуществить свое заветное желание: поехать за границу. И в Дрездене, и в Риме, и в Париже побывал. Что ж, вернувшись, подумал: в чужих странах много что поучительно и прекрасно, но все же мечтаниям не соответствует. И просто сказать, русскому человеку там чего-то не хватает. К тому же сердился, путешествуя, что иностранцы так мало и так плохо знают Россию и русских. «Все по мерзавцу Кюстину равняются, вертихвосту и мужеложцу. Наука нашему двору: «не ласкай всякого маркиза...»

«Что народ наш несчастен, это правда, а что дары в нем заложены – это тоже правда. И сила, вот и Буонапарту показали. Силен, впрочем, не просто силой, а чем-то, чего на Западе нет. Запад, что игрушка, особенно Франция и Италия. Германия – дело другое, да, пожалуй, скучновата. А народ наш долго спать может, а как проснется, не только свою страну перевернет, да еще другие страны потрясет», – и подумав это, ощутил почему-то жалость к Европе.

Все так же страстно и утробно любил Пушкин Россию, хоть и ругал ее и ее нравы, все хотелось ему сказать о ней какое-то окончательное слово, придать ее расплывчатости форму. Впрочем, сознавал, что и так многое для нее сделал. Вспоминая о Николае I и о Наполеоне, вспомнил и о «своем» Петре. «А Петра никому не отдам. Впрочем, и я его в «Медном всаднике» выявил сугубо грозным», – и про себя улыбнувшись, подумал: «А не будь Петра, не было бы и Пушкина».

Случалось, что Александр Сергеевич брал с полки то один, то другой том своих сочинений – не полных, когда-то еще будут полны, и вспоминал, как в молодости при удаче радовался, прыгая по комнате и восклицая: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!», но чаще что-то ему не нравилось, и карандашом он делал отметки, все подправляя уже напечатанное, не всегда его улучшая. Напрасно бережливая Наталья Николаевна его призывала: «Друг мой, не чиркай в лучших изданиях, возьми себе из новых, дешевых». Пушкину было приятно держать имнно эти, в темно-красный сафьян переплетенные тома, напечатанные на прекрасной бумаге, с художественными заставками...

День проходил в рассеянии. Не нравилась мысль хоть и об отдаленном, но предстоящем чествовании. А отказаться — придется не только сказаться больным, но еще и принимать тех, кого принесет к мнимо болящему нелегкая. А вдруг опять пожалует из Москвы журналист, молодой развязный человек, уже побывавший в Бончарове летом. Он поначалу как будто собирался похлопать Пушкина по плечу, но вскоре так смутился под острым взглядом поэта, так безнадежно запутался от быстрых и умных высказываний его, что начал молчаливо и покорно записывать все в тетрадь и даже раз назвал Пушкина Сергеем Александровичем. Получив впоследствии номер «Московских Ведомостей», Пушкин звонко расхохотался: «Матушки! Неужели я такую чушь напорол!»

Да, денек семидесятилетия не прельщал. К тому же вся семья съедется. «Глупая это затея иметь потомство», — думал Пушкин. Дети вышли вялые, тихие, меньше на него похожие, чем Сашка, умом, пожалуй, в мать, но притворялись, что любят литературу. Пушкин же больше всех любил свою дочь Марию Гартунг, полную, с вьющимися черными волосами и сдержанно страстную красавицу, живущую на Сивцевом Вражке, где посещал ее граф Лев Толстой. Что-то волновало его в ее судьбе.

Внуков тоже, настраивая их, вероятно, дедом, привозили, в его именины. Разряженные, особо чистенькие, они были научены читать перед дедом то «Полтавский бой», то «На чужбине свято соблюдаю», то «Зима, крестьянин торжествуя» (до торжества-то крестьянину еще далеко, может быть, в XX веке случится). Внуки читали кто нараспев, кто барабана слова. выпучив от усилия глаза, и часто запинаясь. Чиновниками станут, вероятно, но навряд ли поэтами, не из того теста, хоть и той же крови.

Не очень ему нравилось, что другие писатели приезжали к нему на поклон, как будто он был средневековой башней, величавой руиной, свидетелем прошлого, мало связанным с настоящим. Слишком был умен, чтобы поддаваться на лесть, и все казалось ему, что хвалят его не за то, что он сам в себе ценит. Литераторы все пошли серьезные, а в присутствии важных или много мнящих о себе посетителей в Пушкине просыпался юношеский задор — он все верил, что и ум высокий, и сердце можно скрыть «безумной шалости под легким покрывалом» — он озадачивал гостей шутками, непристойностями, двусмысленностями. Без шутки беседы не понимал, а они шли к нему как к патриарху, потолковать о судьбах мира и народов...

С Тургеневым-европейцем было, впрочем, легко, говорили больше о французской литературе. «Здорово он выдумал

новое слово «нигилисты», и вообще среди кажущегося прекраснотушья ест к него пророческие предчувствия чего-то трагического, что может произойти на Руси, «в топоры белоручек»... Вот у меня, — подумал Пушкин, — ногти длинные, не то, что у графа Льва Толстого, но руки-то ведь рабочие, писать ли, сено ли косить — того же порядка».

Вспомнил о Толстом («Война и мир» только что появилась) — «как же он может отрицать значение личности в истории? Тогда можно сказать что я, да и другие — Карамзин, Державин, Ломоносов, Баратынский, да и сам Толстой, не имеем значения в истории литературной. А это уж простите!»

Всегда казалось Пушкину, что народ русский он знает лучше, чем все остальные, даже Лесков, и самого себя знает лучше, чем все те, кто о нем пишет. Белинский вот попал пальцем и небо, а беспутный Аполлон Григорьев, умерший лет шесть тому назад, верно угадал, что именно он, Пушкин, «завязал основной узел» русской литературы и указал ей путь.

Книги заполнили давно уже все библиотечные шкапы, стоящие вдоль стен, перелились в соседнюю комнатушку, добрые друзья, свидетели трудов и соработники. Тут и «Английская история» МакКоллея, и «Силас Марнер» Джоржа Элиота, «История Англии» Тэна и бодлеровские «Цветы зла». Пушкин чевствовал их магию и старался в нее проникнуть. Гейне, и Дарвин, и Гизо, «Римская история» Момзена, и Ренан, и Диккенс — все читал в подлинниках, вот только «Пера Гюнта» Ибсена пришлось читать по-французски, скандинавских языков не одолел. прозу-то переводить можно прекрасно, а вот стихи не даются. Когда читал переводы своих, они казались ему чужими.

Летом приезжал из Москвы студент Обручев, филолог, приводил библиотеку в порядок, а заодно наполнял в свободные часы страницы своих тетрадей высказываниями Пушкина,

готовил диссертацию. Другим Пушкин не доверял и сам тщательно рассовывал каждую книгу, где ей полагалось быть, и, хотя вообще был беспорядочен, всегда находил нужную. Новые же нарастали на специальном столе, пока все не будет прочтено. Случалось, конечно, что читая иные книги, газеты, журналы – и позевывая – шептал Пушкин стишки Дениса Давыдова – «но смешались шашки, и полезли из щелей мошки и букашки». Да, новые времена ему и нравились, и не нравились. Новые слова просились на перо, он их не гнал, если входили сами, как бы танцуя в ритме фразы, но перечитывая, хмурился, проверяя, удачно ли сливается нынешний язык с языком его молодости. Вспоминал споры Беседы и Арзамаса и не собирался стать Шишковым семидесятых годов.

В час дня ворвались удары гонга, привезенного из Индии каким-то поклонником. В столовой уже сидела Наталья Николаевна и стояли у своих стульев, ожидая его, крестница ее Алина и гость, сосед по имению, привезший по пути почту из Пскова для Пушкиных, Петр Павлович Тучков. почта лежала на столике в углу столовой, и Пушкин, садясь, все косился на кипу столичных журналов, на розово-желтые обложки распакованных номеров *La revue des Deux Mondes*, и книги, которые он выписывал из разных стран. Сосед был молод, мил, один из тех помещиков, которые, хоть и воспитаны французскими и немецкими гувернерами, но и русскими остались, и от Европы не отказались. Его присутствие очень оживило Натали.

«В Париже было прелестно, – говорила она, – где мы только с Александром Сергеевичем не побывали, и посол был очень мил, устроил нам прием, на котором был весь Париж».

«Да, мне было скучновато, – улыбнулся Пушкин, весь Париж – многовато, не знаешь, с кем говоришь». И пока Натали, вдруг помолодев, рассказывала, какое на ней было

в тот день платье от М-те Hortense, Пушкин вспомнил, в какое бешенство он пришел, когда, развернув «Журналь де Деба» в первый же день своего приезда в гостинице «Палэ Руаяль», он прочел следующую заметку: «Русский поэт Александр де Пушкин, герой известной дуэли, на которой был ранен французский шуан Жорж д'Антес, находится в нашей столице». Н.Н. газет не читала, а Пушкин, скверно выругавшись, скомкал листы, — он с удовольствием высек бы журналиста.

«Что нового в театрах? — спрашивала Натали, — мы ведь знакомы с Дюма-сыном, жена его Нарышкина, конечно, немного *declassée*, но очень элегантная и любезная женщина. Мы были вместе с ними в театре, на комедии Лабиша «Путешествие господина Перришона». Ах, тебя, впрочем, мой друг, на этом представлении не было...»

«И впрямь не было, я Сент-Бева посетил в этот вечер».

У Сент-Бева он действительно побывал, но затем с племянником Вяземского, младшим секретарем посольства, отправился в места, куда Н.Н. повести не мог. Знакомился с ночными прелестницами Парижа просто из любознательности. Самые знаменитые, на которых разорялись парижские львы, показались ему уже не первой свежести, хотя и не совсем в летах Жорж Санд, которой он тоже нанес визит и, вернувшись, сказал жене: «Шопена и прочих не понимаю».

Литературной братии — Тэну, Банвиллю, Виньи и другим — посвящал часы, когда Н.Н. с женой посла отправлялась заказывать и покупать всякие платья, шляпы, шали, веера, духи, о которых, вернувшись в Россию, со вздохом скажет «на что они мне в нашей глуши?..».

Мериме умер недавно», — сказал гость.

«Да, жалко, я с ним в дружбе был, он первый, с кем завязалась связь. А вот Дюма-отец — вун, но забавник перво-

степенный, все жив. Надеюсь, что с почтой, что вы были так любезны нам завезти, пришло наконец «Сентиментальное воспитание» Флобера, оно в этом году вышло, а до меня все еще не дошло».

«Ну как же вы, Александр Сергеевич, решили? Поедете в Петербург?» – спросил сосед.

«Все раздумываю. Ежели в Питер, тогда и в Москву. Кое-что и в столице прельщает. Лицей посетить, посмотреть, не выводятся ли там поэты? Вяземский жив, да стал брюзгой. Соллогуб пишет, зовет».

Опять про себя вспомнил прошлую глупость, – и Соллогуба ведь пристрелить хотел в свое время, просто так, ни за что ни про что.

«Роскошно человек живет, – заметил сосед, – такая пышность, что глаза разбегаются. вот вы ему меня рекомендовали, и с вашей легкой руки граф отнесся ко мне с большим вниманием, просил запросто заходить».

«Да, Соллогуб, — сказал задумчиво Пушкин, – удивляюсь, ведь он моложе меня, а ко всякому новому относится без интереса, а ведь и теперь у нас есть достойное внимания».

«Некрасов царит», – попробовал сосед.

Пушкин засмеялся: «Только это он напрасно, «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». К свободе мы обязаны, и ежели не хотим быть гражданином, то и на это имеем право. А поэтом быть, право, никто не обязан. Поэзия — стихия, с ней не поспоришь. А уж раз вспомнили о Некрасове, тут к месту и Чернышевский, черт мне с его идеями, а вот что пишет до смерти нудно, скучно, будто бревна ворочает, это уж не писательство. На вопрос «что делать?» ответчу: не пиши, коль стиль и мысли у тебя дубовые, на низах культуру не вырастишь, как жизнь на идеях, пусть передовых, не построишь, тут что-то иное надо. Впрочем,

пусть и бездарен, но честен, за убеждения свои готов и наказание нести».

Завтрак, вкусный и обильный, – сам Пушкин ел мало – затянулся, и уже позевывала в кулачок Н.Н., привыкшая на полчаса вздремнуть после завтрака. Гость собирался уже раскланяться, поцеловав ручку хозяйки, но тут внезапно с потемневшего неба посыпались хлопья снега, «мятель поднялась, – сказала Н.Н., – переждите, право, не дай Бог – заплутаете, а вечером тоже не след уезжать. Алина, скажи девушкам, чтобы приготовили гостю комнату угловую. А вы пока посидите в гостиной». – И повела его туда, извинившись за мужа: – «Александр Сергеевич все работает, – ну, иди, иди», — с улыбкой, как говорят ребенку: «Беги, беги, играй, мой милый». И точно школьник, отпущенный с урока, пошел Пушкин снова в свой кабинет, унося книги и письма.

Улегшись там на диван, кавказским кинжальчиком начал вскрывать конверты. Узнав почерк гр. Алексея Толстого, первым открыл его письмо. Стихи Толстого Пушкина скорее развлекали, чем восхищали, но самого поэта он любил за остроумие, барство, непринужденность и независимость мысли. «Как это он ловко историю российскую от Гостомысла до наших дней, а Прутков его прямо прелесть!». Было и письмо в голубом конверте от Анны Петровны Керн, впрочем уже не Керн, а Марковой-Виноградской. Она, как и раньше, уговаривала его навестить ее, намекала, что и сама бы приехала, но Пушкин от свидания уклонялся, настоящее при встрече победило бы прошлое навсегда. По слухам, она жила счастливо с мужем, на 20 лет моложе ее (первый, генерал, был на 30 лет старше). Отложил в сторону счета книгопродавцев, пусть подождут, да и другие отложил, начал просматривать журналы, зажег толстую свечу на столике у дивана, так как потемнело из-за метелицы. Сквозь чтение услышал звон

бубенцов. «Неужто Тучков уехал?» – подумал. А через некоторое время, постучавши в дверь, вошла легонькая, тонкокостная Маша, неся лампу под зеленым абажуром. Башмачки ее поскрипывали, поскрипывали и половицы. Поставила лампу на большой стол, и в зеленоватом отблеске ее лицо стало похоже на русалочье. Обернулась: «Отец Архимандрит прибыл с заднего крыльца, сказал, чтобы не беспокоили. У Настасьи Яковлевны греются, чаек пьют». Фыркнула: «Уж такой заснеженный приехал, что ужась, говорит: сбился да Божьей милостью куда ехал, туда и попал».

«Да зови его сюда».

«Сию минуту, барин, вот только портьеры задерну, а ставни Никита уже вышел закрывать, ужась как холодно».

Маша все не уходила.

«Ну, чего ты жмешься? Рассказывай».

Закрывши ладошкой рот от смущенья: «Да, барин, все вот Александр Михайлович пристаёт, боюсь ему на глаза попадаться...»

«Вот сукин сын, – сказал Пушкин, улыбаясь, – завтра скажу ему, чтобы бросил это».

«Уж так благодарна буду вам, барин, я-то ведь промолвлена за Василия, так, как свидимся, так вместо ласкового слова от него одни попреки, а чего не знает? Стар-то ведь Александр Михайлович, нешто он мне может нравиться...»

«Так и не нравится, ни капельки?»

«Ай, что вы, барин!» – И опять фыркнула и затопала к двери.

Старый брегет, носимый Пушкиным в кармане, показывал шесть часов, два часа до ужина. Встал, чуть-чуть потряхивая ногой, – когда долго сидел, колено каменело – и подошел, прихрамывая, к двери встречать отца Корнилия, келаря Псково-Печерского монастыря, крепкого, высокого, еще не старого

человека, говорящего на том простом выразительном языке, который Пушкин так любил.

Перекрестившись на икону, благословив Пушкина, о. Корнилий сел в предназначенное ему кресло, снял шапочку. Густые рыжеватые его волосы как ореолом его окружили. Лицо от морозного пути и от жары барского дома пылало.

«Что же это к вечеру? — спросил Пушкин. — Дальше не пушу, вдруг лихие люди попадутся на дороге».

Отец Корнилий улыбнулся, сверкнул белизной зубов.

«Ну, Александр Сергеевич, на ликих людей, кроме молитвы, в случае нужды и мои кулаки помогут. Да только нетути у нас тут ликих людей, в города переселились, там им вольготнее. Но, по правде, дальше ехать и не собирался. Надеюсь, что позволите тут у Александра ночь провести, да с ним и его хозяйкой отужинать».

Из деликатности о. Корнелий избегал приглашения за барский стол. Порылся в кармане рясы, вытащил конверт, из конверта грамотку.

«Вот в Пскове побывавши, кое-что для вас заполучил. Смотрите, разобрать трудно, да думаю, не без интереса будет, так на первый взгляд письма 16-го века — как будто торговый договор, может, для истории вашей и не пригодится, да думаю, а вдруг пригодится... вы вот в ваше увеличительное стеклышко все рассмотрите, а уговор старый, все эти грамотки вы в духовной своей нашей обители откажите. Не мое ведь, хоть и мне дано было, только я думаю, у нас пока и разобрать-то некому все, что у нас такого хранится, а у вас не пропадет».

Да откуда вы это все добываете?» — Пушкин бережно держал пожелтевшую грамоту, всматриваясь в нее, разглаживая ее рукой.

«Эту вот, а потом и другие получу, получил от Пряникова Василия, племянника скопца, купца, который недавно представился. Грех сказать, вы уж не разглашайте. Скопец-то был человек непьющий, работающий, а племянник, наследник его, в православие вернувшийся смолоду, как унаследовал от дядюшки, так и пошел кутить, деньги проматывать. Каяться-то приходит, эпитимью налагаю, да все возвращается на безобразия свои. Ну, а такие вот бумаги ему ни к чему, целый сундук где-то имеется, обещал мне дать».

«Чудесно, чудесно, вот смотришь, и напишем вы да я историю Псковщины».

«Большой дар у вас, Александр Сергеевич, и служите вы ему верно, ведь писатель, он и утешать и в отчаяние ввергать может, и соблазнять ничтожным и вдохновлять на полет духовный, вот с него много и спрашивается».

Хоть и далек был Пушкин от юношеского «афеизма» и когда после дуэли, думая, что умрет от начавшейся гангрены, к смерти приготовился, исповедовавшись и причастившись, с тех пор на страстной всегда говел у о. Корнилия, пытливый его ум все пытался проникнуть в тайны, уму недоступные, а о. Корнилий споров не допускал, впрочем, ни на чем не настаивая, — «кто сколько вместить может, то и хорошо, — главное же, чтобы злобы ни на кого не иметь». — Это Пушкину было не трудно, гневен он был, но не злопамятен, и только посмеивался над тем, что покойный Белинский о нем написал — «попал пальцем в небо», — а о Писареве и о Булгарине даже и не вспоминал.

«Сердиться не на кого, отец Корнилий, даже скучновато как будто, и то — прощать другим дело не трудное, как себя простить, как смерть принять, это дело другое. В молодости, мне казалось, умирать легко. О ней пишешь, о ней думаешь, а она все далека — как-то даже и тогда, когда чумных навещаешь».

«Это оттого, что в старости и жить трудновато, так вот одна трудность к другой ведет. Насчет смерти своей и чужой, что греха таить, у вас в молодости забот много не было, а, Александр Сергеевич?»

«Да, немало я постреливал в своего ближнего».

«Это вас бес путал».

«Да не бес, а дворянская честь».

«Да много ли чести в чести, право слово, больше в прощении. А честь что, вот и царь Ирод бесу чести подвержен был и голову праведнику приказал отрубить, хоть и любил его».

«А сами-то вы, о. Корнилий, ведь с турками-то дрались».

«Я-то, Александр Сергеевич, по присяге. Турки меня ничем не обидели, зол на них не был, долг исполнял и свою жизнь отдавал безо всякой охоты к тому. Молод был, жить хотелось».

«Вот странность, ведь, может, мы с вами и повстречались под Арзрумом».

Отец Корнилий улыбнулся: «Да я по правде и не слышал тогда о вас, Александр Сергеевич, осьмнадцать лет мне тогда было, а вам где было меня заметить среди солдат?»

Взгляд о. Корнилия упал на книгу, лежащую на столике. Взял в руки – «Идиот» Достоевского. – «Вот эту не читал еще, не дадите ли до следующей встречи?»

«Берите, берите, она уже год тому назад как вышла, мне там один пассаж захотелось перечесть».

«А что вы думаете о Достоевском?»

Губы Пушкина поджались: «Зачастую сердит он меня, штиль не строгий, и что за герои, все чем-то схожие люди, уязвленные. Талант большой, да мне он как голос из другого, чужого мира, не то, что Тургенев или Толстой, те хоть и мо- ложе меня, и не похожи, да мне понятнее... Сейчас мечется

Достоевский по Европе, Тургенев сказывал, не находя покоя и бедствуя, утомительный человек, во всем нервический...»

«Читать его мне трудновато, – сказал о. Корнилий, – да все же по хорошему он волнует, все в глубину берет, над бездной стоишь, но небо над собою видишь. Ну, не буду вас утруждать, Александр Сергеевич, захопотался я за два дня в Пскове, собеседник никакой, только и хватит меня, что Александра Михайловича отчитывать, к тому же от работы вас отрывать не хочу».

«Да, я в ажитации нахожусь, хоть и глупо. Получил вот известие на днях, что чествовать меня хотят, и хоть до мая далеко, а вот чего-то заволновался уже и сейчас».

«Отчего же вы так. Три месяца – срок большой. Да и отчего вам не согласиться? Вам-то, может быть и утомительно, да подумайте о тех, которым до смерти хочется речи там всякие произнести, статьи написать, около вашего имени погреться... А сами вы не всерьез ставьте все это, суета, конечно. Ну, храни Господь!» – встал о. Корнилий, провожаемый хозяином до двери.

«Завтра по первопутку отправлюсь, помолившись о доме сем».

Стоя у порога, спросил Пушкин: «А зачем в Псков ездили?»

«Оброк собирал, – улыбнулся о. Корнилий, – с губернатора да с купцов: подправить кое-что в обители следует, зима-то ведь лютая, а тут еще школу для ребятишек затеял, так новые расходы».

«Отчего с меня оброк не берете?»

«Да вы и так нас не забываете, Александр Сергеевич».

«Нет, уж на школу кому-кому, а мне, академику, следует дать. Весной сам приеду, экзамен ребятишкам учиню, только условие, чтобы пушкинских стихов они мне не читали...»

– Подошел к столу, выдвинул ящик, где лежали никогда не пересчитываемые им деньги. – «Тут у меня заветное, от жены прячу, – засмеялся детским смехом, протягивая сложенную ассигнацию, прибавив строго, – и никому ничего! Сами знаете, одна рука про другую забыть должна».

«Спаси Господь», – сказал о. Корнилий. Пушкин, взяв свечу в тяжелом медном подсвечнике, посветил гостю, уходящему в темноту коридора.

Не успел усесться, как опять гонг. Гребешком расчесал бакенбарды и пригладил волосы, и пошел в спальню умываться. В зале Алина играла на рояле. Постарался угадать, что она играет, особой музыкальностью не отличался и скучал в былое время на концертах «царицы муз и красоты». Все-таки узнал Берлиоза, его встречал у Глинки и у Смирновой. Берлиоз совсем недавно умер и снова вошел в моду.

«А мы по тебе соскучились, друг мой, – как каждый вечер, промолвила Натали. – Алина с Петром Павловичем в шашки играли, а я вышивала, скоро бержеру обить можно. А потом читали вслух «Мистерии Парижа», очень развлекательно. Вот еще лежит у меня «Дама с камелиями», да боюсь, что Алине это рановато».

Алина вспыхнула под взглядом Пушкина. «Наверное, уже прочла, – подумал он, – право, мила, не то что красива, зато ей 16 лет».

Лампа над столом закоптила, и лакею пришлось встать на стул, чтобы ее заправить.

После ужина перешли в гостиную попить на сон земляничного чая. Сосед заговорил о судебных реформах 64-го года, очень его интересовавших.

«Я встречал молодого Кони, кажись, в 66-м году, секретаря Петербургской судебной палаты, умница, далеко пойдет. А

право, радостно было слышать государевы слова — право и милость да царствуют в судах».

«Дай Бог ему жизни, — воскликнул Тучков, — он новые пути раскрывает России».

«Да много у нас и темных, те на другие пути Россию тянут, и реформы свыше им не по душе, а от бунтов, так нашему характеру любезных, упаси нас Бог. История учит их бесполезности, хаос не только у нас в душе, как Тютчев пишет, шевелится, но и в общественной жизни».

В 10 часов, посмотрев на свои эмалевые с бриллиантами часики на золотой цепочке, спускавшейся на ее высокую грудь, Наталья Николаевна сказала: «А не пора ли нам отдохнуть», — и к мужу: — «Не засиживайся долго», поцеловав его в лоб, Алина подошла ему к ручке.

«Ну что же, еще один денек прошел», — сказал Пушкин.

На звоночек вошел поджидавший дворецкий, бывший крепостной Чириковых, человек положительный, но иногда и запивающий. Как светоч, он понес перед барином канделябр с двумя свечами по коридору, покрытому дорожкой из пестряди.

В кабинете теперь стоял на геридоне граненый графин с мадерой и рюмка богемского хрусталя. Тут же в вазочке леденцы и клюква в сахаре на блюдечке. Пушкин сласти любил. Дворецкий удалился. И такая настала тишина, только сверчок сверлил молчание ночи. И такая свобода! Пушкин сел в кресло перед столом, подвинул лампу, перебрал на подносике карандаши и гусиные перья, выбирая оружие труда, проверил, есть ли чернила в чернильнице, вытер перо холстяной тряпочкой и так с пером в руке и замер на несколько минут. Стены комнаты раздвинулись и открылись на то, что таилось в нем весь день, ожидая этой тишины, чтобы к нему войти. Пульс участился. Снова просыпалась, стирая годы,

чудодейственная сила, в нем живущая. Секунда, минута, вечность – блаженство, когда слушаешь одно лишь вдохновенье. Потом настанут часы труда, забота ремесленника, когда уже простывший, трезвый Пушкин будет проверять умом то, что вырвалось из подсознания, и вычеркивать, и менять, искать снова и снова, лучший ритм, лучшее слово, определяя потоку его русло. «Блажен, кто словом твердо правит и держит мысль на привязи свою...»

Снег все кружил и кружил над полями, лесами, над Бончаровом, над русской землей, окованной белой дремотой, над оледеневшими озерами и реками. Спали гранитный Санкт-Петербург и златокупольная Москва, и бедные деревни, и казалось, что худенький человек с живыми глазами, склоненный над белой бумагой, с пером в руке, отгадывает судьбы в них живущих, подведет итог их злодейств, величия и святости, откроет смысл русской истории и русских жертв, и заснет – уйдет – только тогда, когда откроет своему народу пути надежды и добра.

Париж, 1972

(опубликовано в журнале Смена № 1537 11.1992)

Перечень иллюстраций на обложке
и вклейках

1-я стр. обложки: Памятник Пушкину в Риме. Скульптор Ю. Орехов.

4-я стр. обложки: Плакат первой мировой войны.

Фронтиспис: Пушкин Худ. Барсов.

Вклейка 250–251-я стр.: Пушкин. Худ. В. Злобин. г. Чайковский. Б., пастель, 1993.

Содержание

<i>Мстислав Цявловский. Тоска по чужбине у Пушкина</i>	4
<i>Владимир Ястребов. Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края... ..</i>	45
ПУШКИН И ФРАНЦИЯ	
<i>Лариса Вольперт. Судьба Пушкина во Франции</i>	67
<i>Н. Калининкова. Пушкин о Франции и французской культуре ..</i>	78
ПУШКИН И ИТАЛИЯ	
<i>Алексей Букалов. «С Пушкиным на дружеской ноге»</i>	83
ПУШКИН И ГЕРМАНИЯ	
<i>Елена Еременко. Пушкинские места в Германии</i>	110
ПУШКИН И АНГЛИЯ	
<i>Александр Долинин. Пушкин и Англия</i>	117
ПУШКИН И ИСПАНИЯ	
<i>Агата Ожешек. Пушкин в переводах на испанский и каталонский языки</i>	140
ПУШКИН И ПОЛЬША	
<i>Феликс Кичатов. «Их души вознеслись над всем земным...»..</i>	151
ПУШКИН И КИТАЙ	
<i>Лариса Черкашина. Китайская мечта поэта.....</i>	164
<i>Александр Горомов. Пушкин и Китай. Две истории.....</i>	177
ПУШКИН И ИЗРАИЛЬ	
<i>Захар Гельман. Пушкин в Израиле.....</i>	194
ПУШКИН И ЯПОНИЯ	
<i>Анатолий Мамонов. Пушкинское наследие в Японии</i>	200
<i>Кэйдзи Касама. А.С. Пушкин и императрица Елизавета Алексеевна.....</i>	223
<i>Александр Шапошников. И неподкупный голос мой был эхо русского народа.....</i>	230

ПУШКИН И ЭСТОНИЯ

Юрий Мазанов. Пушкины в Нарве.....240

ПУШКИН И МЫ

А.С. Пушкин «Пора, мой друг, пора!...»252

Леонид Мартынов

«Мне кажется, что я воскрес...»254

«И вскользь мне бросила змея...»254

След254

Седьмое чувство255

Сон женщины256

Антарктида257

«Закрывались магазины...»258

Шаг259

«Забыто...»259

Вода261

Цена жизни262

«Попробуешь...»262

Лисёнок263

Старые поэты264

«Да, многое исчезло без следов...»264

*Александр Гдалин**Маргарита Иванова* Константин Изенберг –
иллюстратор Пушкина266

Галина Хворых. Город Новониколаевск и Первая мировая
война274

Зинаида Шаховская. Пушкин в старости288

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках.....309

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 18–19

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 00.00.2014 с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. 18,1, тираж 300 экз., заказ №